

КОРЧЕВСКИЙ

ЮРИЙ

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ!

**ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ ПРОТИВ
НАШЕСТВИЯ БАТЫЯ**

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ

Фельдъегерь

Юрий Корчевский

**За святую Русь!
Фельдъегерь против
нашествия Батыя (сборник)**

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

За святую Русь! Фельдъегерь против нашествия
Батыя (сборник) / Ю. Г. Корчевский — «Яуза»,
2017 — (Фельдъегерь)

ISBN 978-5-699-97153-4

Благодаря камню-артефакту бывший офицер фельдъегерской службы России снова проникает в далекое прошлое. На Руси испокон веков ценились хорошие воины – Алексею Терехову предстоит отстаивать рубежи родной страны от нашествия Батыя и брать штурмом столицу Булгарии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97153-4

© Корчевский Ю. Г., 2017
© Яуза, 2017

Содержание

Сын боярский	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	62
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Юрий Корчевский

За святую Русь! Фельдъегерь

против нашествия Батыя

© Корчевский Ю.Г., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Сын боярский

Пролог

Выжив в авиакатастрофе, Алексей знакомится с замечательной девушкой Натальей, ставшей впоследствии его женой. Изъятый у убитого беглого зека невзрачный камень оказывается редчайшим в своём роде артефактом, переносящим в другое время.

Алексей ухитрился попасть в Византийскую империю, пройти путь от наёмника, рядового гоплита, до трибуна. Ему удалось подружиться и побрататься с легатом Острисом, которого он не раз спасал от смерти.

В дальнейшем, благодаря камню он участвовал в крестовом походе под водительством короля Ричарда Львиное Сердце. Отказавшись казнить пленных сарацин, он сам едва избегает смерти и покидает крестоносцев. Заводит дружбу с Конрадом и вместе с ним служит верой и правдой Владимиру Мономаху.

В трудных обстоятельствах Алексею удаётся выжить, остаться верным долгу, сохранить честь и порядочность, а ещё – обрести настоящих друзей.

Глава 1 «Влип!»

Полгода Алексей вёл себя как примерный семьянин. Он ходил на службу, что-то делал по дому. Жизнь с Натальей наладилась. По выходным она зачастую тащила его то в театр, то в музей, благо очагов культуры в Москве было очень много. В свободное же время, которое появлялось не часто, Алексей читал книги по истории. Иногда было интересно, и он засиживался далеко за полночь, но случалось – находил в книге множество неточностей. Бывало так, что версия историка выдавалась едва ли не за истину в последней инстанции, Алексею же посчастливилось самому быть свидетелем некоторых событий.

Временами накатывало желание снова потерять странный камень и перенестись на многие века назад. Что его жизнь? Дом, служба и снова дом. Драйва не хватало, адреналина, размеренная, спокойная жизнь казалась пресной. Может быть, он бы и считал её нормальной – живут же так тысячи семей в Москве, в России. Но судьба-злодейка приоткрыла ему маленькую форточку в другой мир, полный опасностей и приключений, мир, в котором мужская дружба и воинское братство не были пустым звуком и значили многое. Сейчас такие отношения – редкость. Выпить пива с приятелями, поболтать о футболе, машинах, поругать власть, а на следующий день – снова на работу. Скукота! Жил бы один – давно бы вытащил камень из тайничка.

Но жена Наталья бдила, уговаривала остепениться и не лезть в авантюры. Известное дело, для женщины налаженная, спокойная жизнь в замужестве – показатель успеха. И на беспокойной журналистской работе своей она постаралась свести командировки к минимуму. Начальству говорила, что после авиакатастрофы смотреть на самолёты не может. Преувеличивала, конечно, но люди ради семейного блага ещё и не то придумывают.

Нет, Алексей никогда не жалел, что женился на Наталье. Красива, умна, хозяйка хорошая, а в знании литературы, искусств и культуры на голову выше его. И чувства между ними были. У некоторых любовь вспыхивает с первого взгляда, бушует ярким пламенем, но вскоре прогорает. Алексей же каждый день открывал в жене что-то новое, чему иногда удивлялся.

Но ему не хватало боевых походов, схваток не на жизнь, а на смерть, когда борьба изо всех сил. Пробовал он несколько раз играть в компьютерные игры – жалкая пародия! Сидеть перед монитором, зная, что при любом исходе с твоей головы ни один волос не упадёт, что под тобой надёжный стул, а не раскачивающееся седло лошади, чувствуя в руке компьютерную мышку, а не тяжесть боевого оружия, – этот как эрзац, как сосиски из сои, как резиновая женщина из секс-шопа.

Наталья, как натура чуткая, уловила периодическую хандру Алексея.

– Лёш, лето скоро. Давай куда-нибудь в отпуск поедем?

Отпуск – это всегда хорошо. Перемена мест, никаких мыслей о работе, новые впечатления.

– Согласен. А куда?

– Можно в Турцию – поваляться на пляжах, поплавать. А хочешь – в Сибирь махнём, к твоим родителям. Там же места дикие, природа чудная, цивилизацией не испорченная. А воздух какой! Не то, что в Москве на Садовом кольце.

– У! До отпуска ещё дожить надо, а это ещё целых два, а то и три месяца!

– Не знала, что ты нытик!

Но предстоящим отпуском Алексей воодушевился и вместе с молодой супругой стал строить планы. Ему хотелось и у родителей побывать, и в Анталию съездить. Однако где столько денег взять?

После нескольких дней бурных обсуждений они решили ехать в Турцию. В Египте волнения, а отдых в Анталии стоил умеренных денег, по тридцать тысяч с человека.

Алексею было смешно наблюдать за Натальей со стороны – то, как она обсуждает с подружками, какие наряды взять с собой. Пляжный отдых предполагает больше отсутствие одежды. В выходной день Наталья с подружкой отправилась по магазинам – присматривать купальники. Ох уж эти шопинги!

Алексей, как и многие мужчины, ходить по магазинам не любил. А для женщины это – как мёд для пчёл, и Алексей понял, что раньше обеда, а то и позже, Наталья не вернётся.

Он посмотрел телевизор и взялся за журнал. Полистав его, он прошёлся по комнате и сам не понял, как залез в тайничок – он соорудил его во время ремонта, небольшую закрытую нишу под подоконником. Там он хранил свой перстень с бриллиантом, золотую фигу – подарок Остриса, да камень с рунами, обладающий странным свойством переноса во времени.

Алексей полюбовался своими сокровищами, и сразу нахлынули воспоминания – ведь каждая вещица была памятна и людьми, и событиями.

Он погладил золотую фигу – привет от Остриса, зачем-то взвесил её на ладони и ощутил тяжесть металла – как будто почувствовал пожатие военачальника. Странное ощущение. Остриса давно нет. Он, Алексей, знает о его судьбе, а вот поди ж ты, подержал в руке его подарок – и сразу он возник в памяти, живой и энергичный.

Алексей вздохнул и положил фигу в тайничок. И перстень золотой с бриллиантами – тоже его подарок, только он почему-то не вызывает таких чувств, как фигу.

Алексей всё-таки надел его на палец, полюбовался игрой солнечных лучей на гранях драгоценного камня и вытащил из кожаного чехольчика камень с рунами. Невзрачная, незатейливая вещица. Увидишь такую под ногами в пыли – и не нагнёшься. А вот свойства у неё необычные. То ли древние руны на ней силу такую ему дают, то ли происхождения она неземного... Отдать бы камень учёным на исследование, так Алексей боялся – испортят. Кусочек на анализ отколют – а камень силу потеряет. А если признать, что всё могущество камня кроется в рунах, заклинаниях – так и вовсе тупик. Сколько он уже изучал в книгах древние языки, мёртвые уже, на которых никто не говорит, а ничего похожего не обнаружил. Есть, правда, сходство со скандинавским, но всё равно далеко не то. Да и полустёрлись уже руны, едва видны. Конечно, лет-то им, поди, много, не исключено – не одна тысяча. И владел им какой-нибудь шаман, колдун или волхв. Из Сибири камешек-то, там нашёл его Алексей, у беглого зека. А сколько тайн ещё хранит та земля? Таинственных обрядов у племён местных было много, теперь-то они уже утрачены.

В раздумьях Алексей провёл большим пальцем правой руки по рунам на камне, тут же спохватился и отдёнул руку, но было уже поздно. Камень как будто ждал этого момента. Тут же раздался треск, как от электрического разряда, комната осветилась яркой вспышкой, и голова у Алексея закружилась. Ох и дурень же он! Ну, гладил бы камень, сняв с руки перстень с бриллиантом, – ведь опыт уже есть!

В нос ударил запах свежескошенной травы, в ушах раздался стрекот кузнечиков, и Алексей открыл зажмуренные глаза.

Он стоял на краю луга, рядом с узкой грунтовкой. Впереди, метрах в трёхстах, виднелась деревня.

Алексей огляделся. На лугу, в валках лежала скошенная трава, поодаль два косаря работали косами-литовками. Ну вот, давал же Наталье слово, что к камню он пока прикасаться не будет, так будто чёрт под руку толкнул.

Алексей вздохнул, уложил камень в кожаный чехол и повесил его на шею. Перстень на пальце бриллиантом внутрь повернул, чтобы в глаза не бросался. Коли так получилось,

надо хотя бы узнать, где он, куда попал. Такого удивления, как в первый перенос, Алексей уже не испытывал.

Он осмотрел себя – нет ли чего странного. Конечно, костюм спортивный и кроссовки даже в современном городе не везде приветствуются, а уж в деревне... Знать бы ещё, какое время на дворе...

Алексей вздохнул и пошёл к деревне. Ни ножа при себе, ни зажигалки – да и денег местных тоже нет. Земля, судя по местности, своя, русская. Ну, и то славно, не чужбина, где и обычаи и язык – всё незнакомо. Язык здешний, конечно, отличается от современного ему, но объясниться можно. Русский украинца или белоруса всегда поймёт, хотя языки различаются.

Алексей подошёл к избам. На завалинке, ближней к нему сидел, грелся на солнышке дед.

Алексей поздоровался.

Седовласый старец всмотрелся в прохожего подслеповатыми глазами.

– И тебе желаю здравствовать! Что-то я тебя, милый, не признаю.

– И не признаешь, дедушка, первый раз я в вашей деревне. Как она называется?

– Дергунки, отродясь так называлась.

– А год какой ноне?

– Неуж запамятовал? Шесть тысяч девятьсот тридцать девятый от сотворения мира.

Алексей прикинул в уме: по григорианскому календарю выходило – 1431 год. Он стал лихорадочно вспоминать, кто правил на Руси в эти годы, и получалось, что вроде как время правления Василия II Тёмного было.

А старец сам стал расспрашивать:

– Говоришь ты странно. Не литвин ли?

– И там побывать пришлось, – соврал Алексей. – Далеко ли до ближайшего города?

– До Переяславля-то? Да вёрст десятка три, а может – и поболее. Кто их мерил?

Алексея пробил холодный пот – опять Переяславль! Вот это он влил! Хотя, разобраться ещё надо. На Руси три города с таким названием: Переяславль-Рязанский, столица Рязанского княжества; ещё один Переяславль – на Плещеевом озере, называемый Залесским. И тот, что под Киевом, где он одно время был в дружине Мономаховой, – тоже Переяславль. Только с тех пор два века минуло. А вопрос не праздный, для него существенный.

– Кто же в Переяславле правит?

Старик хмыкнул:

– Ты, калика перехожий, не дурачок ли? Иван Фёдорович, великий князь рязанский.

С души Алексея камень свалился. Теперь он определился и со временем, и с местом. Конечно, перед дедом он выглядел нелепо, глупо – но как по-другому узнаешь?

Он поблагодарил деда, поклонился. Хорошо, что старик из ума не выжил, отвечал толково.

– Не сердчай, дедушка, первый раз я в этих краях, – повинился Алексей. – Последний вопрос у меня – в какую сторону Переяславль?

– Туда! – дед махнул рукой, указывая направление.

«Ага, стало быть – на запад», – определился по солнцу Алексей.

Зашагал он быстро: времени – полдень, до вечера успеет пройти много.

Прошло не больше получаса, как сзади послышался скрип тележных колёс, приглушённый стук копыт.

Алексей обернулся: его нагоняла подвода с двумя седоками. Лошадь была небольшой, лохматой, хвост не обрезан – явно тягловая лошадка.

Подвода поравнялась с Алексеем.

– Эй, путник, садись, подвезём, – предложил один из мужиков.

Кто был бы против? Всё лучше ехать, чем ноги бить.

Алексей поблагодарил и запрыгнул на подводу.

И тут случилось неожиданное: оба мужика навалились на него сзади, повалили на настил, едва прикрытый сеном, заломили руки и связали верёвкой.

Такой подлости Алексей не ожидал и готов к отпору не был. Теперь он ругал себя последними словами, да поздно. Расслабился, а времечко-то жёсткое, даже жестокое.

– Мужики, вы чего творите? Разве я вам что-нибудь плохое сделал? – повернул он голову к своим обидчикам.

– А вот мы тебя к тиуну княжескому свезём – пусть он решает, сделал ты плохое али нет, – ответил один. – Одет ты не по-нашему, балакаешь, как литвин... Как есть лазутчик московский – али Литвы поганой.

Алексей понял, в чём его подозревают. Русь в то время ещё не была единым государством. Княжества разрознены, во главе каждого – великий князь, и они зачастую враждуют между собой. А Москва, Литва и Рязань вечно соперниками были, не раз сходились в бра-тоубийственных сечах.

Надо срочно придумывать себе «легенду». Ежели тиун не поверит – быть беде, запросто повесить могут. Купцом прикинуться? А где товар, обоз, люди? Воином, гридем по-местному, – так где кольчуга, шлем, оружие, лошадь? Времени для обдумывания немного. На крестьянина – холопа – он одеждой своей и говором не похож, не пройдёт этот номер. Прикинуться иностранцем? Тогда почему один? Поскольку люди из дальних краёв в одиночку по этим землям не ходят – где сопровождающие, охрана?

Мысли беспорядочно метались в голове, но при некотором размышлении Алексей отбрасывал их одну за другой. Потом решил – надо бежать. Конечно, он понимал, что сделать это со связанными руками невозможно, и тут же, не откладывая, попросил:

– Хлопцы, «до ветру» мне надо.

– Делай в штаны, – хохотнул один.

– Невмоготу уже! Ну православные же вы, Христом-Богом прошу!

– А на самом-то крест есть?

– Есть, посмотреть можешь.

– Ладно. Останови, Кондрат.

Сидевший на облучке мужик натянул поводья, и лошадь стала.

– Слазь, пока мы добрые.

– Руки-то развяжите...

Мужики переглянулись.

– Развяжи ему руки, Фома. Нешто мы нехристи? Куда он от нас в голом поле денется?

Рыжий Фома выругался, но с телеги слез. Зайдя к Алексею со спины, он развязал узел верёвки, стягивающей ему руки.

А тому только этого и надо было. Не оборачиваясь, он заехал кулаком Фоме в пах; как подкинутый пружиной, одним прыжком вскочил на подводу и кулаком ударил Кондрата в висок. Возничий молча упал навзничь.

Слетев с повозки, Алексей бросился к Фоме. Тот корчился в пыли, прижав обе руки к паху и подвывая.

– Как есть вражина, – простонал он, увидев стоящего рядом Алексея. – За что?

– А нечего со спины нападать! Что я тебе, басурманин какой?

Алексей наклонился и споро обыскал Фому. Оружия вроде ножа он не нашёл, из чего сделал вывод, что Фома чей-то холоп – как и Кондрат.

– Хватит выть! Вставай, снимай рубаху и порты.

– Ты что удумал? – испугался Фома.

– Одежду твою забрать. Самого тебя не трону, а связать – свяжу.

Испуганно поглядывая на Алексея, рыжий Фома неохотно стянул с себя рубаху и порты. Положив их на телегу, он остался в одном исподнем.

– Повернись спиной.

Алексей связал ему руки верёвкой, которой раньше был связан сам. Потом подошёл к Кондрату, пощупал пульс. Пульс прощупывался – Кондрат был жив.

– Ты его живота лишил? – Фома неотступно следил за Алексеем.

– Нет, жив он. Не рассчитал я маленько. Но скоро в себя придет. Ты лучше скажи, куда вы меня везли?

– Тут недалече деревня есть, Кадошниково, там наш тиун.

– Чего ему там делать?

– Известно чего – у старосты деревенского бражку пьёт.

Тиун был сборщиком налогов и податей у князя, и надолго в веси и сёла не приезжал.

Алексей надел поверх своего спортивного костюма рубаху и порты Фомы, благо всё было широкое, на любой размер и рост; опоясался чужим поясом. От чужой одежды пахло потом, лошадью, навозом, и Алексеем было неприятно. «Привыкай, Алексей», – подбодрил он себя.

Надо было решать, что делать. Пожалуй, лучше всего было распрячь лошадь и уехать на ней. Седла нет – так это и лучше. Откуда у крестьянина седло, да ещё на тягловой лошади? Только подозрения ненужные вызовет.

Алексей распряг лошадь.

– Эй, а мы как же? – спросил Фома.

– Берись за оглобли и телегу вместе с Кондратом назад в деревню вези – вместо кобылы.

– Дык руки связаны...

Алексей замешкался, но потом руки Фоме развязал. Оставшись один, без поддержки Кондрата, Фома утратил боевой пыл.

– Не попадайся мне больше, – посоветовал Алексей, – не то зашибу.

– Да за что?

– Не будешь со спины, по-подлому нападать.

– Нешто я бы один справился? Ты вон какой здоровый! – начал канючить Фома.

– Берись за оглобли, не то передумаю.

Алексей запрыгнул на спину кобылы, ударил её по бокам кроссовками, и лошадка неохотно тронулась с места.

Через некоторое время Алексей обернулся: Фома, исправно упираясь, тащил телегу за оглобли. Он тоже обернулся, всмотрелся и потом погрозил Алексею кулаком. Вот уже дурак-то! Что стоит Алексею развернуться и догнать его?

Ездить на лошади, тем более без седла Алексей уже отвык. Ткань спортивных брюк тонкая, и кожу на бёдрах он растёр жёсткой шкурой кобылки едва ли не до крови.

Лошадь мерно трусила, пока часа через два сама не остановилась на лугу. И то ведь, не машина, поесть хочет, попить.

Алексей привычно вытащил удила и пустил лошадь пастись. Лошадёнка смиренная, не взбрыкивала, как верховые жеребцы, но и медлительна была – куда ей рысью или галопом. Однако это всё же лучше, чем идти пешком.

Грунтовые дороги сходились, становились шире, потом возник перекрёсток. И попробуй пойми, куда ему ехать, коли указателей нет – никаких и нигде. Извечная российская проблема – дураки и дороги.

Деревушки и сёла Алексей старался объезжать – мало ли кому вздумается снова его связать? Вроде и предлога не давал – кроме необычной одежды. Правда, после того как он переделался в привычную глазу аборигенов одежду, на него никто не обращал внимания.

Кроссовки сначала выделялись, но Алексей специально вымазал их грязью, и теперь было не понять, что за обувка на нём – вроде грязных лаптей.

Вот только лошадь пощипала травы, а ему есть охота. Проезжал постоянный двор с харчевней – запахи оттуда доносились просто сногшибательные, а денег нет. День-то ещё можно перебиться – утром завтракал. А сейчас ему нужно уехать как можно дальше – ведь лошадь он увёл у крестьян, а за конокрадство наказывали сурово. Попробуй докажи, что они первыми напали, а он только защищался. Как по «Правде» – надо было бы ему к князю идти, с челобитной, но где искать того князя? Да и кто он такой, Алексей? Человек без роду, без племени, без места жительства и без занятий.

Мужчина, даже если он холоп, имеет дом, зачастую – семью, зарабатывает на хлеб трудом своим, а главное – имеет защиту в лице боярина или купца, или монастыря, ежели он к нему приписан. А Алексей нынче сам за себя, никакой защиты и опоры со стороны, потому ему надо быть осторожным и осмотрительным.

До сумерек он отъехал от места стычки с мужиками вёрст на двадцать. Солнце начало садиться, и Алексей стал приглядывать для себя место ночёвки – в темноте сделать это было бы затруднительно.

Он приглядел это место недалеко от брода через небольшую речушку. Тут и кострище старое, видно, обозы купеческие и крестьянские не раз тут останавливались. Лошадь отпустил пастись. Костерок бы развести, да что на нём жарить? Утром, посветлу можно грибов насобирать, на прутиках над огнём подержать. Вкусны грибы жареные, только сытости от них мало.

Так с грустными мыслями он и уснул. Место Алексей выбрал себе неплохое – не на утопанной полянке, а в зарослях кустов.

Проснулся он часа через два от перестука копыт, скрипа колёс и людских голосов.

На поляну въехал небольшой припозднившийся обоз. Уставшие люди тут же устроились спать – кто на телеге с грузом, а кто и под ней. Под телегой сухо – дождик ли пойдёт, либо роса утренняя.

Алексей и сам устал. Он поглядел из-за кустов на прибывших, повернулся на другой бок и снова задремал – опасности обоз для него не представлял. Однако какие-то, порядком им подзабытые механизмы самосохранения, видимо, уже включились.

Уже под утро, когда стало сереть на востоке, предвещая новый день, Алексей проснулся от шелеста листвы и шороха в кустах. Проснулся и насторожился – кто-то явно пробирался к обозу. Но если это были обозники, зачем им вести себя скрытно?

Алексей перевернулся на живот и увидел: метрах в трёх от него за соседний куст улеглись двое мужчин. Алексей их не видел, слышал только их тихие голоса:

– Я же говорил, что обозы здесь завсегда ночуют.

– Пять подвод, охраны не видно. Одолеем. Беги за Онуфрием, только не шуми. Пусть поляну окружают, а там и начнём.

«Готовится нападение на обоз!» – в смятении понял Алексей.

Охочих до чужого добра на Руси всегда было много. Неурожаи, голод, нападения внешних врагов вроде казанских или крымских татар, княжеские междоусобицы гнали людей с насиженных мест. И если в городах за порядком следили, выставя на ночь рогатки на перекрёстках и обходя сторожами, то на дорогах голытьба и оборванцы бесчинствовали. Купцы нанимали охрану. Но если на военные отряды разбойничьи ватажки нападать не осмеливались – себе дорожке выйдет, то крестьянские обозы грабили беззащитно. А что мог противопоставить им крестьянин или холоп? Да только топор. Им и избу рубили, и непрошенных гостей. А настоящее оружие – вроде сабли – стоило больших денег.

Один из двоих грабителей отполз, потом поднялся и скрылся между деревьями.

Надо бы обозников предупредить! Но как, если разбойник совсем рядом, а у Алексея даже ножа нет? Решение надо было принимать быстро, через несколько минут к поляне подойдут разбойники.

Не мешкая, Алексей поднялся. Ступал он осторожно, неся ступню над самой землёй, чтобы не наступить на ветку или шишку – тогда внезапности не получится.

Вот и тёмная фигура перед ним. Коршуном он бросился на неё сверху, и человек под ним только крикнул. Тут же, схватив обеими руками его голову, Алексей резко крутанул её в сторону, ломая шейные позвонки, и разбойник под ним обмяк.

Алексей обыскал его, снял пояс с ножом и нацепил его на себя. Да не может быть, чтобы у разбойника только один нож был, должно быть ещё оружие. Он пошарил вокруг себя руками и наткнулся на что-то острое, даже палец порезал. Оказалось – это крепкая дубина, утыканная острыми железными шипами. Два в одном флаконе: и дробящее действие, и рубящее. В сильных и умелых руках да в ближнем бою – оружие страшное своей эффективностью. Да и психологическое воздействие от дубины на противника велико.

Алексей поднял дубину: тяжёлая, увесистая – и вышел на поляну.

Охрана у обоза была – мужичок. Только он спал, прислонившись к дереву. Эх, разиня! Утренний, перед рассветом, сон – самый сладкий, самый крепкий. Только ведь можно и не проснуться, прирежут сонного.

Алексей дубину опустил – незачем пугать обозника. Потом слегка толкнул дозорного. Тот вскинулся и захлопал глазами.

– Обоз ведь проспишь, тетеря! Старший где?

– Вон, на второй телеге.

– Буди, только без шума, по-тихому. Беда пришла.

– Какая беда?

– Быстрее!

Мужик, наконец, отошёл от сна, встал и быстрым шагом направился к телеге. Толкнув спящего, дождался, пока тот проснётся, пошептался с ним, а потом рукой показал на Алексея. Да что же они медлят?

Наконец старший выбрался из повозки и нехотя направился к Алексею. Был он явно не из простых: шёлковая рубашка, хороший кафтан, штаны английского сукна, справные сапоги, аккуратно подстриженная бородка – не лапотный мужик.

Подходя к Алексею, он глянул на него снисходительно. Да и то: одёжонка на нём убогая, только лицо и выдаёт, что не крестьянин, не холоп. У них выражение лица всегда виноватое, взгляд просящий. Алексей же выглядит смелым, взгляд уверенный, жёсткий.

– Звал? – спросил, подойдя, старший обоза.

– Купец, на обоз нападение готовится, разговор в кустах слышал. Надо бы будить обозников, к отпору готовиться.

– Не купец я, боярин. А сам-то не из разбойников? Что-то вид у тебя убогий...

– За купца прости, не признал я в тебе боярина. А насчёт нападения... Не хочешь – не верь. Только я одному уже шею свернул, вон он, в кустах лежит.

Как говорится, насильно мил не будешь. Не хочет боярин его предупреждения всерьёз принять – так то его дело.

– Прости, боярин, что выспаться не дал. А охранника своего взгрей, спал он на посту. Эдак и обозников вырезать могут.

Алексей повернулся, готовый уйти. Надо было лошадёнку на лугу поймать и дальше ехать – спать уже не получится.

Боярин сквозь зубы выругался: бродят-де тут разные.

Но в это время из-за кустов раздался залихватский посвист и на поляну с разных сторон высыпали разбойники.

Алексей на свист обернулся и разом всю картину взглядом ухватил.

Разбойников было семеро. Все одеты убого, можно сказать – в отрепьях, но каждый размахивал оружием – дубиной, косой на короткой ручке, топором.

Боярин охнул, закричал: «Тревога! Берегись!» – и схватился за саблю.

Алексей схватил дубину разбойничью. Уж лучше встретить врага с таким оружием, чем с пустыми руками.

Первые два разбойника уже добежали до подвод и одному обознику с ходу проломили голову дубиной. Второй возничий оказался шустрее, скатился с подводы и на четвереньках пополз в сторону речки.

Боярин помчался на разбойников, крича:

– Чёртово отродье!

За ним, отстав шага на три, бежал Алексей. Он понял, что на обозников надежды нет.

Боярин с ходу ткнул саблей одного разбойника, кинулся на второго.

Алексеем же пришлось схватиться с ражим детиной. Тот был высок, тощ, в руке коса с короткой ручкой – чем не сабля?

Детина сделал замах и нанёс удар своим оружием, но Алексей успел подставить под удар дубину. Коса ударила о железный шип, звякнула, и от неё отскочил кусок лезвия. Однако сама она всё-таки глубоко вошла в дерево дубины.

Разбойник дёрнул косу на себя, и Алексей едва удержал дубину – уж слишком глубоко вошла коса в дерево.

Тощий снова рванул к себе крестьянское оружие, и Алексей отпустил дубину – даже подтолкнул её. Не ожидавший такого действия детина покачнулся и сделал шаг назад. Алексей ожидал именно такого поведения. Он кинулся к разбойнику и в броске ударил его ногой в грудь так, что у того аж хрустнуло что-то. Детина упал на спину, и Алексей с размаху ударил его ребром ладони по кадыку. Разбойник захрипел, задёргался. Алексей увидел, что не воин тот уже, одна у него теперь работа – выжить.

Он обернулся. Поляна выглядела, как поле боя: повсюду тела обозников и разбойников. Из возничих один остался – он отбивался топором от нападавшего татя, выкрикивая между ударами:

– Рятуйте, люди добрые!

Боярин теснил двоих разбойников: один, здоровенный бугай, размахивал плотницким топором, а второй – невысокий крепыш – пытался ударить боярина коротким копьем, сулицей. Вообще-то такое копье – оружие метательное, но разбойник об этом не знал и пытался уколоть им боярина.

Алексей подобрал свою дубину, наступил ногой на лезвие косы. Вот теперь дубиной можно работать.

Он подбежал сбоку к разбойникам, нападавшим на боярина. Позиция его была неудобной – пришлось бить слева направо.

Дубиной он врезал крепышу по рёбрам и явственно услышал, как хрустнули кости. Крепыш заорал от боли и выронил сулицу. Не мешкая, Алексей ударил его по голове, и крепыш упал, обливаясь кровью. Ну уж с одним-то боярин должен справиться сам, и Алексей бросился на помощь к обознику.

Тому приходилось худо. У разбойника в руках был топор-клевец – боевой, на длинной рукояти. И разбойник, чувствуя своё превосходство, наступал.

Но в пылу схватки тать услышал топот Алексея и уже начал поворачиваться, когда на него обрушилась дубина. Алексей целил в голову, но удар пришёлся по плечу, раздробив его.

Разбойник заорал, бросил клевец и Алексей ударил его дубиной ещё раз. Одновременно обозник нанёс по спине татя удар топором, и разбойник упал.

– Спасибо за помощь, – прошепелявил обозник разбитыми губами. – Думал – конец мне подходит. Вовремя ты подсобил.

Над поляной нависла тишина.

Алексей обернулся: последний из нападавших валялся с раздробленной грудью, но и боярин зажимал рукой рану на боку, видно – зацепил-таки его бугай.

– Помогай, – приказал Алексей и побежал к боярину.

И вовремя. Тот стоял бледный, покачиваясь, и Алексей с обозником успели в последнюю секунду подхватить его и отнести на повозку.

– Эх, не послушал ты меня, боярин! – только и сказал Алексей. Но боярин уже не слышал его – он впал в беспамятство.

Алексей вытащил нож и вспорол им кафтан боярина.

Рана была неглубокая, лезвие разбойничьего топора скользнуло по рёбрам, рассекло кожу и мышцы, но сами рёбра были целы. Вот только кровило сильно.

– Мох толчёный, тряпицы чистые – быстро!

– Я мигом!

Мужик сбегал к другой подводе и принёс чистую тряпицу – вроде широкого бинта.

– Приподними его за плечи и держи, я перевяжу.

Алексей ловко перевязал раненого.

– Слава богу, жив боярин, – перекрестился обозник.

– Ты кто такой?

– Так холоп Захарий.

– Боярина как величать?

– Корней Ермолаевич Кошкин.

– Не тяни kota за хвост! Далеко ли до усадьбы боярина? Его ведь домой доставить надо.

– Ох ты, беда какая! Недалеко уже, дневной переход.

Вот хватил обозник – недалеко! Боярина целый день на телеге трясти надо – выдержит ли?

Алексей осмотрел боярина – вроде крови и порезов одежды больше не видно. По-человечески надо сопроводить его до дома. Обозник один остался – на пять подвод с лошадьми.

– Откуда идёте, что за груз?

– Издалека. В Булгар ходили, за товаром.

– Так ведь хозяин твой вроде не купец?

– Точно, боярин он – только из обнищавших. Всего-то и было что пять мужиков. Да вишь – один я ноне и остался. А осенью надо боярину на службу, вот и решил он в Булгар сходить.

– Ладно, все разговоры потом. Запрягай лошадей, сопровожу вас с обозом до дому.

– Вот спасибо, мил-человек! А то мне одному не управиться.

Обозник забегал, собрал с луга пасущихся лошадей.

– Там ещё лошадёнка – не твоя ли?

– Меня Алексеем зовут. Моя лошадёнка, веди её сюда.

Они запрягли лошадей в подводы, поводья каждой привязали к подводе впереди стоящей лошади, и получился эдакий караван. Захарий уселся на первую подводу – он знал дорогу, Алексей – на последнюю замыкающим. Перед отъездом он собрал всё оружие и сложил к себе в телегу. Железо стоило дорого, и бросать его было грех.

Только они тронулись, как снова остановились. Захарий спрыгнул с подводы и подбежал к Алексею:

– Негоже нам уезжать, людей своих отпеть да похоронить бы надо.

– Правильно говоришь, только рыть могилы нам с тобой здесь до вечера. Как думаешь, выдюжит боярин?

– Эх, ядрит твою! Что за жизнь такая!

Захарий расстроился. Ведь убитые холопы – его товарищи, но и в словах Алексея была своя правда. Он понуро пошёл к подводе, запрыгнул на неё, взял в руки вожжи и тронул коня с места.

Обоз шёл до полудня, потом дали лошадям отдых. Хоть и поторапливаться надо, а животина есть хочет, и объяснить ей что-то просто невозможно. Сами пожевали сухарей из припасов боярина.

На остановке боярин пришёл в себя, повёл вокруг глазами, увидел Захария и удовлетворённо кивнул.

– Здесь я, Корней Ермолаевич! И обоз со мной, к вечеру дома должны быть, – успокоил боярина ездовой.

– Пить дай...

Обозник напоил боярина из баклажки.

– А где остальные? – напившись, спросил боярин.

Обозник отвёл глаза в сторону:

– Только я да Алексей остались. Кабы не он, все бы полегли.

Боярин кивнул и смежил веки – слаб он был после кровопотери. Ему бы сейчас покой да уход, а не тряскую подводу.

Уже в сумерках они подъехали к боярской усадьбе. За тыном располагалась изба хозяина, на заднем дворе – хозяйственные постройки, вроде конюшни, бани, амбаров. Но выглядело всё это достаточно скромно, без резных наличников на окнах. Добротное, но без шика.

Захарий и Алексей занесли хозяина в дом. Забегали, заохали женщины, принялись осторожно раздевать его.

Алексей помог завести обоз во двор и распрячь коней. Пожилой дядька принялся разгружать подводы.

Женщины усадили Захария и Алексея за стол.

– Кушайте-кушайте, устали, поди, с дороги-то.

Пища была вкусной; без изысков, но сытной. Лапша домашняя с курятиной, пироги рыбные, пиво. Заметив, что после еды оба гостя стали клевать носами, их отправили спать. Алексея вместе с Захарием уложили в людской на лавках, и оба сразу вырубались.

Утром Алексей едва расправил занемевшие члены. Лавка была жёсткой, хорошо – под головой подушка, набитая пером. Но при всём при том это была крыша над головой. А что в людской уложили, вместе с холопами, – так ведь на Руси сроду встречали по одежке, а рубище на нём крестьянское.

Они позавтракали свежее испечёнными калачами с сытом. Алексей поблагодарил кухарок и поинтересовался, как себя чувствует боярин.

– Почивает он. Ослаб после ранения, сердешный.

Алексей посчитал свою задачу выполненной, пора и честь знать. Гость хорош, когда уезжает быстро, особенно – если гость незваный. Боярин-то то его на поляне встретил и разговаривал не очень приветливо, подозревая в нём разбойника из шайки.

Алексей вышел во двор и нашёл в амбаре Захария.

– Мне бы лошадку свою взять, Захарий. И ещё одна просьба... – Алексей замылся. Захарий не хозяин, просить неудобно, но других слуг он вовсе не знал.

– Говори смелее, – подбодрил его холоп.

– Мне бы в дорогу хлебца и яиц варёных.

Конечно, лучше бы сала, оно сытнее, но совесть не позволила Алексею просить большего.

– Всё сделаю. Кабы не ты, мы бы все там полегли.

Захарий ушёл и вскоре вернулся с лукошком.

– Кухарки хлеба свежего в тряпице тебе положили, лука, яиц варёных, как ты просил. И ещё... – Захарий достал нечто завернутое в чистую тряпицу, развернул, и Алексей увидел добрый шмат солёного сала. Он немного смутился, поскольку не рассчитывал на такую щедрость.

– Ну спасибо, удружил. Век не забуду доброты твоей.

– На добро принято отвечать добром, – в свою очередь смутился Захарий.

Он вывел из конюшни лошадку.

– Я ей овса задал, напоил. Нельзя животину на одной траве держать, живот будет пучить.

– Даже не знаю, как тебя поблагодарить.

– Даст Бог – свидимся ещё.

Алексей повёл лошадь под уздцы к воротам. Выезжать со двора верхом мог только хозяин или князь, в противном случае это воспринималось как неуважение к боярину.

На перестук копыт на крыльцо выбежала женщина:

– Куда же ты, гость дорогой? Боярин видеть тебя хочет.

Опять неладно. Выехал бы на пару минут раньше – не было бы заминки. Да ладно, в его положении торопиться некуда, пятью минутами раньше или позже – что это решит?

Алексей подошёл к крыльцу, поставил лукошко с провизией и следом за женщиной прошёл в опочивальню боярина. Войдя, он повернулся к красному углу, перекрестился на иконы и отбил поклон, а уж потом повернулся к боярину.

– Здрав буди, Корней Ермолаевич!

Как-то быстро, на ходу вспоминались слова и обороты речи тех времён, когда он служил дружинником у Владимира Мономаха.

– Здравствуй, гость неожиданный. Садись, в ногах правды нет.

Алексей устроился на лавке. Виноватым он себя ни в чём не чувствовал, потому держался уверенно и с достоинством.

– Помог ты нам, – продолжил боярин, – казню себя, что не поверил тебе.

– Обошлось ведь. Вот только мужиков положили.

– Чьих ты?

– Уже ничьих, боярин. Служил дружинником в Литве, а ноне здесь оказался, на Рязанской земле.

– То-то я слышу, говор у тебя не наш.

Княжество Литовское было православным, люди говорили по-русски, бояре и князья со всей своей челядью зачастую переходили на службу в Московское, Тверское либо Рязанское княжества, приносили великому князю клятву и служили верно. Чем-то предосудительным такой переход не считался, и потому боярин к словам Алексея о его службе в Литве отнёсся спокойно. Однако упоминание о службе дружинником вызвало у него интерес, даже глаза заблестели.

– Вон как поворачивается! Видел я тебя в схватке с разбойниками, горазд ты драться, чума просто!

Алексей кивнул, соглашаясь. Уже в скольких схватках ему пришлось поучаствовать – не счесть. И с печенегами, и с половцами, и с сарацинами; с гуннами Аттилы – всех не упомянуть.

– Только не пойму, почему ты в схватку с дубиной бросился? Разбойничье это оружие, не война.

– Саблю-то и коня боевого мне вернуть пришлось...

– Ну да, ну да, оно понятно... А кому служил? – боярин хитро прищурился.

– Прости, боярин, отвечать правду не хочу, а врать противно.

– Хм! – Боярин смотрел на Алексея с любопытством: допрежь ему не приходилось встречать таких людей.

– А одежонка почто как у подлого сословия?

– В чём же мне быть? В шлеме и кольчуге?

– Твоя правда.

Боярин задумался на несколько минут, и Алексей уже было счёл, что аудиенция окончена, собирался откланяться. Ведь боярин слаб ещё!

– Сиди! – как будто прочитал его мысли боярин. – Предложение хочу тебе сделать. Алексею стало интересно.

– Боевым холопом служить у меня я предложить тебе не могу, не холоп ты мне. А вот в боярские дети пойдёшь? Сыном боярским?

Алексей растерялся. Боярин мог брать на службу людей достойных, скажем – воинов в дружину. Но это у кого мошна серебром полна. А дворяне победнее набирали так называемых боярских детей. Давали им землю, холопов – на прокорм. За это «боярский сын» должен был по первому зову боярина служить воинскую службу. Раз или два в году боярин должен был выставить для пограничной либо иной службы людей – «конно и оружно», причём число воинов зависело от площади пашни. А один только конь верховой и полный комплект защиты и оружия стоил немалых денег. Князь с бояр спрашивал строго, коней, оружие и прочую амуницию на ежегодных смотрах проверял лично, за нерадивость взыскивал. И по сути, боярин предлагал Алексею удел – землю и холопов в обмен на воинскую службу под знаменем боярина. Только не всякий на такую службу прельщался, в междоусобицах княжеских запросто голову можно было сложить.

– Что молчишь-то? – боярину не терпелось услышать ответ.

Холопа можно было переманить, беглых крестьян из порубежья – принять, а вот попробуй найти обученного воина? От справного и удачливого князя и боярина дружинники не уходят, а своего воина вырастить и обучить – долго и дорого.

– Думаю. Я ведь не селянин. С землёй управляться уметь надо, а я всю жизнь в седле, и кроме как воевать ничего другого не умею.

– Думаешь – это хорошо. Стало быть, не будешь кидаться очертя голову, как в омут. Что наперёд просчитываешь, похвально.

– Потому и живу до сих пор.

– По-другому можно. Жить будешь здесь, в моём доме. Комнату выделю, ну – харч, коня, само собой – оружие.

– Получается – дружинником? Тогда и оплата быть должна.

Боярский сын должен был обеспечивать себя сам, кормиться с земли. Только Алексей боялся, что прогорит он в первый же год. Не земледелец он, не хлебопашец, знания в этой области почти нулевые.

А дружинник был на полном обеспечении боярина. Только, похоже, беден боярин. Либо земель маловато, либо удача воинская от него отвернулась, трофеев мало. А впрочем – откуда им взяться? Земля рязанская со всех сторон врагами окружена. С юга – крымские татары, алчные, безжалостные, и силы у них много. В схватке с ними самому бы уцелеть, и не трофеи добыть. С востока – ханство Булгарское, то нападает, то само подвергается нашествию. После опустошительных набегов монголов, особенно Батыя, померкла слава ханства, и сил поубавилось, и богатства. С запада – княжество Литовское, то союзничает с Рязанью, то войной на неё идёт, и политику ведёт хитрую: то с крымчаками за спиной Рязани сговорится, то с поляками. С севера другой грозный сосед – Москва. Вечно о землях спорит, Рязань себе подчинить хочет. А ведь Рязанское княжество граничит с Диким полем, прикрывает собой подбрюшье княжества Московского. Вот и выходит, что выгодна Рязань Москве в

союзниках. И не собачиться бы надо с нею, а дружить. Только попробуй это князьям в голову вбить. Каждый за свой престол руками и зубами держится, самостоятельным хочет быть.

– Ну нет у меня денег, – признался боярин. – Хоть режь – нету. Говорю открыто: люб ты мне, воином тебя при себе видеть хочу. Будут деньги али трофеи – своё получишь, не обману, слово даю твёрдое, боярское. А откажешься – твоя воля, не обижусь.

Боярин прикрыл глаза, ожидая ответа. Слаб он ещё был долго говорить, отдохнуть бы ему надо было – а куда денешься? Не поговори он сейчас, не перехвати Алексея в последнюю минуту перед отъездом – поздно было бы, уехал бы воин, умелый и опытный. А будет ли другой шанс – неизвестно.

Алексей прикинул для себя расклад. Никто и нигде его не ждёт, денег у самого нет, как и оружия, как и доброго коня. А у боярина кормёжка, крыша над головой. Можно согласиться, осмотреться, а там видно будет. Конечно, назваться боярским сыном куда как лестно, боярский сын – это не простой дружинник. Боярину или даже князю не зазорно с ним за одним столом пировать, чай – не боевой холоп.

Алексей попробовал найти компромисс:

– А ежели служить буду дружинником, а прозываться сыном боярским?

Со стороны это выглядело смешно – боярин старше Алексея всего-то лет на десять. Женат был, только детей Господь не дал. И вдруг едва ли не ровесник – и сын. Однако принято так было, и никто бы не засмеялся.

– Хорошо, договорились, – согласился боярин, – вот тебе моя рука.

И он протянул Алексею руку, которую тот пожал. С этой минуты договор считался заключённым.

– Аглая, поди сюда! – позвал жену боярин.

– Туточки я, – женщина возникла на пороге сразу, почти неслышно.

– Познакомься, супружница. Сын боярский у нас, именем Алексей. Комнату ему выдели, столоваться за одним столом с нами будет. Захарий пусть коня ему покажет. А я устал что-то, вздремнуть хочу.

Алексей откланялся – визит и в самом деле затянулся.

Он вышел во двор, завёл лошадку в конюшню.

– Ты чего? Передумал? – Захарий возник рядом.

– Боярин у себя на службе оставил. Так что лошадку мою в хозяйство забирай. Тягловая она, не верховая.

– Я то давно увидел.

– Боярин велел коня боевого показать.

– Так вот он, в деннике. Орликом звать. Горяч немного, трёхлеток. Ты ему морковку дай, погладь – свыкнетесь.

Так Алексей неожиданно для себя стал боярским сыном.

Неделю он вместе с Захарием мотался на коне по боярским землям – особенности территории узнать надо было, к коню привыкнуть. Одно его беспокоило: ни оружия, ни средств защиты у него не было. Боярин обещал всё дать, когда на ноги встанет. А пока только топор-клевец, изъятый у разбойника, да нож на поясе.

За неделю он земли изучил – где деревенька, где лес, в котором укрыться можно, а где речки или ручьи. Одна из деревень, Мокеевка, стояла особняком, на отшибе, на самом краю боярских земель. Если враг нападёт, защищать её будет сложно.

Ещё через неделю боярин окреп, встал на ноги и призвал к себе Алексея.

– Пойдём, пора тебя вооружить. Негоже тебе с топором ездить, не холоп.

Они прошли в дальний угол дома, боярин отпёр ключом дверь, и Алексей остановился на пороге комнаты без окон. Боярин запалил свечку.

– Выбирай, что по душе и по руке.

Алексей осмотрелся. На полках лежали боевые ножи, булавы, шестопёры. На стенах висели сабли в ножнах, круглые щиты, в углу стояли копья и сулицы. Целый арсенал.

Боярин откинул крышку сундука:

– Подбери себе кольчугу.

Алексей заглянул: в сундуке лоснились от масла несколько кольчуг, поблёскивая кольцами, как рыба чешуёй. С них Алексей и начал.

Кольчуги – это не рубашки, они не растягиваются, и подобрать по объёму и длине не всегда возможно. А если учесть, что Алексей выглядел в средние века человеком крупным – так и вовсе проблема. Мелковат в те времена был народец. Даже в своём родном двадцать первом веке Алексей был немного выше среднего роста, но и высоким назвать его было нельзя.

Одна кольчуга подошла ему. Правда, немного коротковата была, едва до пояса доходила. С подроспешником войлочным в обличку будет – но движений не сковывала. Алексей даже руками помахал, подвигался. Наклонившись, стянул кольчугу. Собственно, она сама с него «слилась», под собственным весом.

Потом он выбрал ясеневый круглый щит, окованный по краям железной полосой. И умбон был тоже окован. Толковый щитник делал, щит прочный и лёгкий.

А затем и до сабли дело дошло. Её Алексей выбирал долго: то железо скверное, то по руке не прикладиста, а от сабли жизнь в бою зависит.

Боярин смотрел на подбор оружия с интересом. Слова не проронил, но глаз не отрывал. Потом одобрительно кивнул:

– Понимаешь толк в железе, я бы и сам эту саблю выбрал.

Со шлёмом получилось хуже: только полукруглый, как половинка мячика, по размеру подошёл. Тесноват был, зато кольчужная бармица, как железная занавеска, шею сзади прикрывает.

– А вот лука, извини, нет. Лук только у меня, потому как дорог.

Хороший лук стоил как деревня с холопами. Да Алексею он и не был нужен, потому как луком нужно уметь пользоваться. К нему сызмальства привыкают, и потом уже не расстаются. Вот татары луком владеют отменно, в птицу на лету попадают.

– На нет и суда нет, – перевёл дух Алексей. Главное – всё при нём, можно и дозор нести, и бой вести. А то он чувствовал себя неуютно.

– За зброю благодарю, боярин.

– Судя по тому, как ты железо выбирал, опыт у тебя большой. Не ошибся я в тебе, – самодовольно ухмыльнулся боярин. Он задул свечу и закрыл дверь оружейки.

Алексей направился к себе: надо было саблю точить и мелкие недочёты устранять.

Глава 2

Засечная черта

Алексей вернулся с объезда боярских земель. Он ехал, присматривался и прислушивался – не звонит ли где колокол в селе, не видно ли дыма, предвестника несчастья? Крымчаки при нападении старались ничего не жечь, не устраивать пожаров.

Дым пожаров был виден издалека и воспринимался как тревожный сигнал. Увидев его, селяне хватали детей, скудные пожитки и гнали скот в лес. Только стариков оставляли, поскольку татары их в плен не брали, да бросали свиней – эти животные как еда мусульман не интересовали. В пустой избе брать было нечего, а если и сожгут по злобе, так лес рядом. Две недели трудов – и новая изба готова.

Только он разнуздан лошадь, завёл её в денник да задал корма, как появился Захарий.

– Тебя боярин призывает. Гонец в полдень приезжал, стало быть – известия важные привёз.

Алексей чертыхнулся про себя. Пропылился с дороги, ему бы обмыться да поесть – однако служба превыше всего.

Он предстал перед боярином.

– Гонец днём был. Князь приказал через три дня выступить на заставу у засечной черты. Потому на обход земель выезжать теперь не надо. Подковы у коня проверь, оружие не мешает наточить и смазать. Харч женщины приготовят – не в первый раз, знают уже, что класть в чересседельные сумки.

– Понял.

– Иди, умывайся, снестать будем.

На заднем дворе Алексей разделся, выбил о плетень рубаху и порты – пыль стояла столбом. Захарий полил ему воды из бадейки, и Алексей обмылся до пояса. Вот теперь и поужинать можно, упражнения на свежем воздухе способствуют появлению аппетита.

Последующие дни были заняты подготовкой к отъезду.

Ополчение из бояр, их ратников и служилых людей призывалось на службу по очереди, обычно один раз в год и в летнее время – ведь кочевники нападали в тёплое время года, когда входили в рост травы – подножный корм для лошадей. Без лошади кочевник – ничто, а возить с собой овёс или сено было не в правилах татарских.

Перво-наперво в Переяславле-Рязанском состоялся смотр. Сам воевода тщательно осматривал ополчение, причём – дотошно: вооружение всадника, запас провизии, состояние коней. И стыдно было боярину, у которого обнаруживались недочёты.

Ополченцев записали в писцовые книги и отправили на заставы.

Боярину Кошкину дорога и застава уже была знакома, приходилось на этой заставе ранее отбывать повинность.

– Место нам досталось спокойное, – объяснил он едущему рядом Алексею. – Был я на той заставе о прошлом годе.

Застава оказалась небольшой сторожкой с навесом для лошадей. Зачем строить конюшню, если люди и кони на заставе только летом бывают? Как зарядят осенние дожди – ни по полю, ни по дороге конному не проехать, пока морозы не ударят. Тогда уж на санях, когда снег ляжет.

Отбывшие повинность воины встретили смену с радостью. Десятник коротко рассказал боярину об обстановке. Набегов не было, показывались вдали одиночные разъезды кочевников, причём было не различить даже, крымчаки ли, болгары или ногайцы. Много в степи разного люда. Это только на первый взгляд степь пустой кажется.

Воины уходящей смены быстро собрались, вывели коней из-под навеса и с лихим посвистом умчались.

Приехавшие стали располагаться.

Старшим над семью воинами был боярин. Почти все, за исключением Алексея и бело-брысого новика Петра, здесь уже бывали. Каждый занял себе место на полатах, развесил на деревянных гвоздиках скудный скарб.

Кашеварить договорились по очереди. Кошкин сразу распорядился двум ратникам идти собрать сухостой для костра. Уже полдень, и пока кулеш поспеет на костре, пару часов уйдёт, самое время обедать будет.

С едой на заставах не заморачивались. Варили кашу пшённую или гречневую с салом, с вяленым или сушёным мясом – быстро и сытно. На первые дни был хлеб, потом принимались за сухари. Запивали всё отваром иван-чая или ягод, которые росли в изобилии вокруг – только не ленись и собирай.

Вскоре затрещал костёр, потянуло дымком, а потом и забулькало в котле – медный котёл переходил от смены к смене.

Кашевар застучал ножом по котлу, давая сигнал к обеду.

– А ну, налетай, у кого живот подвело!

Он мог бы и не звать: все толпились неподалёку – уж больно аппетитно пахло!

Все уселись вокруг котла в кружок, достали ложки. У каждого была своя: у кого-то деревянная, у тех, кто побогаче, – медная, оловянная, а у боярина – серебряная. Вид у неё был красивый, но горячее лучше есть деревянной – губы не обжигает.

В пять минут опростали котёл, и кашевар отправился с ним к ручью – вымыть. Там он наполнил котёл водой и, вернувшись, подвесил его над костром – запить еду считалось делом обязательным.

Дома пили сыто – кипятком с мёдом и травами. Отсюда, кстати, и выражение пошло – «наесться досыта».

Ратники собрали с кустов малину, смородину, причём вместе с листьями – они придавали отвару приятный аромат. Один из воинов достал из припасов горшочек с мёдом и добавил в кипящую воду пару ложек. Получилось вкусно, каждый с удовольствием прихлёбывал из кружки.

Когда обед был закончен, Кошкин сказал:

– Передохнули – и будя! В ночь ставлю дозорным Олега, днём – два разезда по два человека в каждом, один на полуденную сторону, другой – на полуночную. Остальным быть здесь. В случае если врага увидите, в бой не вступать, галопом сюда. Всё ли понятно?

Служба была привычной, распорядок все уже знали – как знали и то, что Кошкин говорил больше для порядка да для новичков.

В принципе, служба на заставе засечной черты почти ничем не отличалась от той, которую Алексей нёс в Византии, будучи катафрактотом.

Утром они верхами уезжали в степь, осматривали местность. Изредка видели торговые обозы, шедшие к Рязани или Москве, – они тянулись из Крыма или Булгара. Купцы посOLIDнее предпочитали обозам корабли – так было и быстрее, и безопаснее. Правители всех ханств и княжеств под страхом смертной казни запрещали грабить или даже просто обижать купцов. Однако находились шайки разбойников-башибузуков, которые законов не читали, прельстившись лёгкой добычей.

Дозоры подъезжали к обозам, выспрашивали – не видать ли в степи войск, как идёт торговля, не случались ли нападения? Расспрашивали обстоятельно, если обоз был славянским. Татары или болгарцы больше отмалчивались, делали вид, что язык плохо понимают. Славяне же отвечали охотно – для дозоров сведения, полученные от торговых людей, были важны – ведь это своего рода разведка, лазутчики. И о смене хана сообщат, и о собираю-

щейся коннице. И в случае сведений военных летел на горячем коне гонец в Рязань, к князю, с донесением.

Так тянулся день за днём. Дней через десять к заставе приблизился полуслепой нищий с подростком-поводырём.

На Руси к увечным да калекам относились жалостливо. Нищих накормили кулешом, дали лепёшек. Вели они себя тихо, даже как-то незаметно. Не положено было на заставе посторонним находиться, однако их никто не гнал, и нищие задержались на несколько дней.

Вот только Алексею они не понравились. Подросток подозрений не вызвал – сидел себе на бревне да целыми днями свистульки из дерева резал для продажи.

И старик поперва вёл себя так же. Но вечером, когда солнце садиться стало, Алексей заметил, как полуслепой старик обошёл стороной пенёк. Если он почти слепой и с поводырём ходит, как пенёк узрел? Правда, было это в полусотне метров от заставы, и старик полагал, что его никто не видит.

Алексея сей факт насторожил – зачем эта парочка приблизилась к заставе? Высмотреть, вынюхать? Для чего? Ох, с недобрыми намерениями они тут появились...

О своих подозрениях Алексей приватно доложил Кошкину, но тот лишь отмахнулся:

– Старик едва видит, а малец дурной. Ты на харю его посмотри! Да он целыми днями сидит, деревяшки строгаёт. Подозрителен ты больно, Алексей...

Либо калики перехожие почувствовали, что Алексей стал их в чём-то подозревать, либо они просто отдохнули и отъелись за несколько дней, однако однажды вечером, после ужина, объявили, что поутру уходят.

У Алексея полегчало на душе. Ну и слава богу!

Утром следующего дня один из воинов кашеварил, другие тоже были чем-то заняты: кто оружие точил, кто сбруей занимался, кто подковы у своего коня проверял.

Алексей же сидел на ступеньках крыльца и смотрел, как дневальный кашеварил. Не нравилось ему, что старик всё время у костра крутится. Понятно, кушать хочется, тем более что от котла уже запах аппетитный исходит.

Однако дожидаться, когда кулеш поспеет, нищие не стали. Они выпросили по куску лепёшки и откланялись. Никто уговаривать их остаться на завтрак не стал: нищие – люди свободные и делают что хотят.

Старик сунул лепёшку в заплечную суму, и они вместе с поводырём удалились.

Алексей удивился. Какой нищий уйдёт от еды, горячего кулеша, ограничившись сухими лепёшками? В душе зародилась тревога. Вроде бы нищие ушли, успокоиться надо, однако беспокойство только нарастало.

А потом его вдруг как озарило: а не подсыпал ли старик в котёл с кулешом отравы? Кто знает, что у него на уме? Дневальный от костра с котлом отлучался – то за солью, то за дровами. Да и сам Алексей, сидя на крыльце, глаза отводил, на разговоры отвлекался. Конечно, краем глаза он за стариком приглядывал, но были моменты, когда нищий оставался у костра один.

Он доложил о своих опасениях Кошкину, но тот только рассмеялся в ответ:

– Какой бес в тебя вселился? Ушли калики перехожие, нет их, забудь!

Когда все уселись вокруг костра завтракать, Алексей только лепёшку съел да сытом её запил. Воины же ложками работали споро. На свежем воздухе да после физических нагрузок отсутствием аппетита никто не страдал. Да и следующий горячий обед только вечером будет – в дозоре харчились сухарями и салом.

– Ты чего не ешь, заболел, поди? – обеспокоился Прохор – он часто дозором ходил вместе с Алексеем.

– И тебе не советую, – шепнул ему на ухо Алексей.

Однако Прохор то ли не расслышал его, то ли решил, что сказанное Алексеем – пустое, но он продолжил завтрак.

Когда котёл опустел, стали седлать лошадей, готовясь к выходу в дозор. Но тут зевнул один, потом – другой...

– Что-то спать охота, прямо сил нет.

А один из воинов так и вовсе улёгся едва ли не под копыта лошади.

Кошкин, бывший на заставе старшим, забеспокоился и подозвал Алексея:

– Не пойму я, что с воинами творится?

– Сонного порошка нищий в котёл с кулешом подсыпал, вот чего! Предупреждал же я тебя, не нравятся мне эти нищие!

– Что теперь делать? – схватился за голову Кошкин. Он был явно растерян – его беспечность могла обернуться бедой. Воинов могли не только усыпить – их могли вырезать спящими. Да и не сонным порошком это снадобье могло оказаться, а смертельным ядом. Хотя яд, по некоторым признакам, действовал иначе.

– Я не лекарь, однако попробуй вот что. Дай каждому, кто ел, выпить побольше воды – и пальцы в рот поглубже, чтобы вырвало его. Желудок освободить надо, чтобы всосалось не всё.

Алексей кинулся к лошади.

– А ты куда?

– Попробую нищего догнать!

Направление, куда ушла парочка «нищих», Алексей засёк. Пешие, они не могли уйти далеко.

Алексей сразу пустил лошадь галопом.

Четверть часа скачки – и впереди показались две фигуры. На стук копыт оба обернулись одновременно.

Алексей подскакал к ним и в ярости потянул на себя поводья, подняв лошадь на дыбы:

– Ты что же, собака, делаешь? Так ты на гостеприимство отвечаешь? Мы же тебя не обидели ничем, хлебом-солью делились!

Преломить хлеб и откусать его считалось неким договором, пактом о ненападении.

В сердцах Алексей хлестнул старика плетью:

– Что подсыпал в котёл? Говори, не то на месте порешу!

Бить старика плетью было неуместно, зорно. Но нищий вёл себя подло, как враг, а врага жалеть нельзя.

– Напраслину возводишь на меня, воин. Ни сном, ни духом не ведаю я, в чём ты меня упрекаешь! Не виноват я!

А сам голову вниз опустил.

– Ну-ка, дай свою суму...

Алексей наклонился, сорвал с плеча старика суму и открыл её. Там лежала сухая лепёшка, ложка, деревянная расчёска. А это что? Круглая из дерева шкатулка размером с небольшой кулак. Алексей поднял крышку: ёмкость была наполовину заполнена сероватым порошком.

Кровь вскипела в жилах Алексея. Отравитель! Ох, зря он не обыскал нищих! Но никто – даже сам Кошкин – ничего не заподозрили, а вот теперь приходится расхлёбывать.

– Что это? – Он поднёс раскрытую шкатулку к лицу старика. – Порошок сон навеивает или жизни лишает?

Парочка неожиданно бросилась бежать – старик в одну сторону, подросток – в другую. И бежал нищий быстро, ловко огибая камни и кочки, попадающиеся ему на пути. Никакой он не слепой!

Алексей пустил коня в галоп, в две минуты догнал старика – он главный! – и рубанул саблей по плечу. Тут же развернул коня и бросился за подростком. Однако тот забежал за дерево, избежав сабельного удара, и уже оттуда метнул в Алексея нож, которым допрежь резал деревяшки.

Алексей едва успел уклониться, и лезвие ножа скользнуло по шлему. Такой же враг, как и старик!

Алексей спрыгнул с коня и увидел, как подросток из своих отрепьев выхватил кистень – в умелых руках оружие грозное. В незащищённое место угодит – кости раздробит. А если по шлему – так железо промнёт, оглушит.

Непростые нищие оказались. С виду безоружны, а на деле за себя постоять могут. Допросить бы его, да с пристрастием – на кого работают и зачем воинов отравить хотели. Ведь не из-за прихотей своих, цель какую-то имели.

Подросток смотрел злобно, сжимая в руке грузик кистеня и, по-видимому, выгадывая удобный момент.

Алексей сделал ложный выпад, и подросток купился, выбросил тяжёлый шар. Только воин был готов к этому, уклонился влево и взмахнул саблей.

Парнишка закричал от боли, из обрубка руки, пульсируя, струёй била кровь.

Алексей схватил его руку и передал пальцами артерию. Кровь идти перестала.

Парень смотрел на Алексея круглыми от ужаса и боли глазами.

– Скажешь, кто и зачем послал – руку перевяжу и отпущу. Молчать будешь – убью.

Парень плюнул на Алексея и отвернулся. Ох, не хотелось тому его жизни лишать – но надо. Нельзя врага в живых оставлять.

Понятное дело, старик главным был. Но и подросток волчонком смотрит. Воины на заставе нищих не обидели, мстить им не за что. Стало быть, подослал кто-то, направил нищую парочку на заставу.

Алексей оглянулся на мёртвое тело и решительно вскочил в седло – нужно было мчаться на заставу. Беспокойно было у него на душе, как бы беды не случилось.

Лошадь он гнал во весь опор. Но, не доезжая до заставы сотни метров, остановил лошадь, спешился и повёл её в поводу – стук копыт скачущей лошади далеко слышен. Почему он так сделал, он и сам объяснить не мог, как будто кто-то свыше советы давал.

Привязав лошадь в ивняке у ручья, дальше осторожно пошёл сам.

Ему уже была видна крыша сторожки, как вдруг – чу! – он услышал незнакомые приглушённые голоса. Было ощущение, что люди остерегаются, боятся внимание привлечь.

На всякий случай Алексей взял в руку нож – хороший, боевой, с тяжёлым лезвием, и, пригнувшись, перебежал поближе.

Эх, Кошкин, Кошкин, зря ты не послушался советов!

На небольшой поляне вокруг кострища ходило трое чужаков – и не нищие, воины. В шлемах-мисюрках, плоских, как миски для похлёбки, из-под одежд незнакомых кольчуги посверкивали. А у самой сторожки воины с заставы лежали, и мёртвые, поскольку все были в кровавых пятнах.

Алексей понял, что пока его не было, заставу вырезали беспощадно. Засечники и сопротивляться-то толком не могли, опоенные какой-то дрянью. И что теперь делать? В Рязань скакать с горестным известием или бой неравный принять?

Алексей затаился, ещё раз пересчитал чужаков. Трое. И на него одного это – много, поскольку не разбойники они, не нищие, а воины. Только если он отступит, в Рязань поскачет, спросит его князь: «Где же ты был, почему один в живых остался, где раны твои?» И что он сможет ему на это ответить? Что жизнь свою пожалел, что поступил разумно, поскольку силы были заведомо неравны? Тьфу, даже думать противно! К тому же эта троица – явно лазутчики или дозорные чужого войска. А само войско – в полудне пути.

На крымских татар чужаки не были похожи, хотя явно степняки: глаза раскосые, лица скуластые, кожа белая. Ногайцы? А впрочем, какая разница? Они на русскую землю пришли, товарищей его боевых живота лишили – убить их надо. Отомстить!

В душе зародилась злоба. Страшновато одному против троих, да выбор невелик. Как это там говаривали? Делай что должно, и будь что будет?

Алексей набрал воздуха в лёгкие, вогнал нож в ножны, обнажил саблю и шагнул вперёд – как со скалы в воду прыгнул. Нет назад возврата.

Чужаки узрели его сразу, как только он из-за деревьев вышел.

– Ай, урус! Помирать пришёл! Ты бы железо с себя снял, к чему тебе вериги?

Старший стоял, широко расставив ноги, и презрительно улыбался. А двое его соплеменников не спеша стали обходить Алексея с обеих сторон. Они куражились, показывая своё превосходство, поизгаляться перед сечей хотели.

Не сводя глаз с врагов, Алексей как-то механически дотронулся до своего камня, висевшего на шее в кожаном мешочке. И вдруг рядом ним, неизвестно откуда, появился воин – точная копия его, Алексея. Только не из плоти, поскольку полупрозрачным был. На Руси таких созданий волхвы вызывать умели, «мороками» их называли.

Кинулся морок на главаря, саблей взмахнул. Ногаец отшатнулся и саблю вскинул, защищаясь.

Андрей же, не мешкая, на воина справа от себя ринулся. Упав на землю, он перекатился и в перекате ударил степняка саблей по ногам. Сильно полоснул, одну ногу ниже колена напрочь отсёк, вторую поранил.

Вскочив, кинулся на воина слева – тот уже сам кинулся ему навстречу, размахивая саблей. Схлестнулись.

Алексеем сразу пришлось туго. Степняк имел преимущество в виде щита – круглого, небольшого. Алексей же свой щит оставил притороченным к седлу лошади – не ожидал, что он нужен будет. И теперь ему приходилось работать телом – прыгать, уворачиваться, пригибаться. Удары Алексея степняк принимал на щит, а вот удары чужака приходилось отбивать саблей.

Обычная тактика боя в пешем строю простая: принял удар сабли или меча на щит – ударил холодным оружием сам. Алексеем же приходилось и принимать удары на саблю, и нападать.

Степняк польхал злобой из узких глаз, на губах играла презрительная улыбка. Он был опытным воином и думал, что уруса без щита завалит быстро.

Алексеем же приходилось поглядывать направо, на старшего. А там творилось нечто невообразимое, доселе невиданное. Он бы и поглядел, кабы степняк не наседавал. Да сзади хрипит и стонет ещё один враг, которого он ранил, – отвлекает.

Алексей выбрал единственный вариант – разбить врагу щит. У степняка он по краю железом не окован.

Он наносил и наносил по щиту удары саблей сверху, от щита летели щепки. И вот настал момент, когда щит развалился, и в руках степняка остался один умбон. Теперь их возможности сравнялись.

Однако оба уже подустали. Ухмылка с лица степняка стёрлась – он уже не ждал лёгкой победы. По его лицу катились крупные капли пота, дыхание стало шумным. Как же, привык на лошади бои вести, как правило – скоротечные.

С превосходящими силами степняки старались в бой не ввязываться, а порубить крестьян большого умения не требовалось. Теперь же бой был пешим, всё решали выносливость и умение.

– Бей его! – закричал Алексей, глядя куда-то за спину степняка. В испуге тот на миг обернулся – неужели за спиной ещё один урус появился?

И Алексей тут же ударил саблей по руке степняка. По торсу бить было бесполезно – степняк был в кольчуге.

Глядя на обрубок, из которого хлестала кровь, степняк взвыл. Да он не столько от боли выл, сколько от осознания, что бой им проигран, а с ним потеряна и сама жизнь. Он попытался выхватить боевой нож левой рукой, чтобы ещё хоть немного продлить себе жизнь, но Алексей не дал ему на это ни малейшего шанса, рубанув по незащищённому бедру. Степняк упал, и Алексей добил раненого.

Сделав это, он крутанулся вправо – там старший из лазутчиков боролся с мороком. Рубить его саблей или ножом было бесполезно – морок не был живым. Но он обволакивал степняка туманом, как густым киселём, не давая ему сделать ни шагу – даже дышать ему было затруднительно.

И тут Алексей сделал ошибку. Ему бы подобрать щит, валявшийся рядом с раненым в ноги степняком, – всё было бы лучше, безопаснее. А он, пару минут отдышавшись, шагнул к степняку.

Морок внезапно исчез, как будто и не было его никогда. И на том спасибо. Сковал степняка, пока Алексей с его соплеменником расправлялся.

Степняк же, видя перед собой невредимого Алексея, кинулся на него. Не зря он был старшим дозора – сабля просто летала в его руке, сверкая сталью.

Туго пришлось Алексею – щита у него не было. А степняк теснил: то щитом выпад сделает, ударит, то снизу, из-под щита укол нанесёт – опыт у него чувствовался изрядный. Но пока Алексею удавалось отражать его атаки, и он выжидал удобного момента, чтобы атаковать самому. Он пятился понемногу, видел щит, лежавший буквально в трёх метрах, да как его взять, если следует удар за ударом? Двужильный он, этот степняк, что ли?

Однако один удар Алексей всё-таки проморгал. Степняк ударил саблей из-за щита, вложив в удар всю силу. Острой болью резануло в груди, и он почувствовал, как по коже потекло что-то горячее. В глазах потемнело, накатила слабость, и Алексей упал, потеряв сознание.

Пришёл он в себя от тряски, его раскачивало, как на корабле. Потом вернулся слух. Вдруг, как из небытия, возникли шаги множества людей, топот копыт, голоса, ржание коней, бряцание оружия. Его везут, и судя по всему на телеге.

Он осторожно приоткрыл один глаз, почему-то остерегаясь показать, что пришёл в себя.

На облучке сидел возничий, судя по одежде – русак. Только потом дошло – раненого степняк не повёз бы с собой, зачем ему обуза? Добил бы, и все дела.

Наверняка обнаружили заставу с побитыми воинами, и сейчас его в Рязань везут. Только странность одна есть: судя по звукам, воинов вокруг много. Если на заставу гонец прибыл, их столько быть не должно. Приподняться бы, посмотреть вокруг, оценить обстановку – да сил нет. Слабость не оставляет, грудь болит.

Он скосил глаза: кольчуги на нём не было, а грудная клетка туго перевязана чистыми тряпицами. На душе стало радостно: и жив остался, и кто-то заботу о нём проявил. Домой везут – если можно назвать домом имение Кошкина.

Через какое-то время обоз остановился, и Алексей облегчённо вздохнул: трясло на телеге немилосердно, и каждый толчок болью отдавался в груди.

Возничий повернулся к нему, и он увидел его лицо – типично славянское: курносый, волосы русые, окладистая борода. На вид лет сорок – сорок пять.

– Очнулся, милоч!

– Пить дай.

– Это можно.

Возничий спрыгнул с облучка, подошёл к Алексею, приподнял ему голову и напоил его из баклажки. Потом отхлебнул из неё сам.

– Где я?
– Так на подводе.
– Это понятно. Куда едем?
– Князь говорил – на Булгар, – мужик почесал затылок.
– Какой князь? – удивился Андрей.
– Известно какой – Фёдор Давыдович Пёстрый, из Стародубских он. Ноне Москве служит, великому князю московскому.
– Постой, так вы не рязанцы?
– А я тебе что втолковываю? Или у тебя, кроме раны, ещё и с головой нелады?
– Я же на заставе рязанской был, на засечной черте.
– Ага-ага... Тебя ведь случайно нашли, наш дозор наткнулся. Кабы не они, добил бы тебя степняк. И так ваших, рязанских, всех там положили басурмане. Думали, и ты уже неживой. Но глядим – дышишь, вот тебя на повозку и определили.
– На мне же кольчуга была...
– Стянули, всё равно негодная. Разрублена она была.
– А конь?
– Вот чего не знаю, того не знаю. Это у дозорных спросить надо, как поправишься. Алексей схватился за кожаный шнурок, нащупал чехольчик, а в нём – камень. От души отлегло.
Мужик заметил его движение:
– Нам чужие обереги не нужны, не тронул его никто. Видать, сильный оберег у тебя. Кабы не он – убил бы тебя степняк.
Верно, чужие обереги не трогали. Возьмёшь его – и чужую судьбу на себя примеришь. Может, и на самом деле камень непоправимую беду отвёл? Ведь помог же он с мороком? Занятный камушек, интересно – на что он ещё способен?
Обоз тронулся. Мужик вскочил на облучок:
– Меня Иваном звать.
– Меня Алексеем.
Только голос был слабым, и возничий его не услышал.
Часа через два обоз снова встал.
Алексей сделал усилие, приподнялся на локте и повёл головой.
Ого! Войско большое, обоз в самом конце, а впереди – конные, пешая рать. Неужто на Булгар идут?
Возничий ушёл, а вернувшись, протянул Алексею кусок лепёшки и ломоть сала.
– Подкрепись, тебе сейчас силы нужны.
Есть и в самом деле хотелось.
Алексей впился зубами в хлеб. Когда съел всё, спросил:
– Давно я в обозе?
– Третий день как.
Ого! А он думал – несколько часов.
– Потерпи до вечера. Как на ночёвку встанем, лекарь придёт, перевяжет, мазь целебную положит. А как кулеш сварим, я тебе горяченького принесу.
Обоз снова тронулся. Иногда мимо проносились верховые, вероятно из арьергарда. В походе всегда выставляли боевое охранение: дозоры рыскали и впереди, и сзади, и на флангах.
Наконец стало смеркаться, и войско остановилось. Запахло дымом от разведённых костров, потом стали доноситься аппетитные запахи от котлов.
Через какое-то время к повозке подошёл лекарь и поставил возле Алексея короб из лыка.

– Как дела?
– Живой пока, твоими заботами.
– Величать-то тебя как?
– Алексеем.
– Меня Тихоном. Я рану твою осмотрю, перевяжу.
– Делай что должно.
Повязку пришлось отдира́ть от раны, пошла сукровица.
Лекарь осмотрел рану, понюхал её:
– Слава богу, не гноится.
Он обильно наложил на рану мазь и перебинтовал её.
– Повезло тебе. Сабля кольчугу разрубила, но силу потеряла. Два ребра пересекла, да кожу с мясом.
– Мясо нарастёт.
– Духом не падаешь, хорошо. Думаю, через две седмицы заживёт всё, ходить будешь.
– Твои бы слова да Богу в уши.
Лекарь засмеялся:
– На Бога надейся, да и сам не плошай. Я завтра приду.
– Благодарствую.
Лекарь ушёл, но сразу заявился Иван. В руке он держал деревянную миску.
– Кушать будем. Ложку сам удержишь?
– Попробую.
Иван подтащил Алексея к борту – так, чтобы он опёрся спиной о задок телеги.
– Держи. Знатный кулеш! Сам только поел. Князь ни сала, ни мяса не пожалел. Ешь!
В кулеше, среди пшена, густо попадались куски вяленого мяса и сала.
Алексей съел всё дочи́ста.
– Молодец! На поправку пошёл, – увидев это, одобрил Иван. – Теперь сыта принесу.
Он снова ушёл и вернулся с оловянной кружкой, в которой был кипяток с мёдом и сушёными фруктами.
– Пей, не обожгись только.
Пить Алексею хотелось больше, чем есть, – при кровопотере всегда так.
Напившись, он осторожно повернулся на бок. За три дня, что его везли бесчувственным кулем, спину порядком отбило. Дно у повозки дощатое, на кочках трясло – не мудрено. И заснул он, как человек, а не впал в беспамятство.
На третий день он ехал уже сидя, держась руками за борта, – это было всё же интереснее: можно было по сторонам смотреть, а не в небо пялиться. И погода для похода в самый раз: солнце пригревает, но не печёт, и дождей нет.
Повезло ему, что дозор на заставу наткнулся, иначе истёк бы кровью, да и отдал концы. Только получается, что он помимо своей воли из воинов рязанских в московскую рать попал. И вроде как клятву преступил, сам того не желая.
Раздумывал теперь Алексей, что дальше ему делать. Слезть с повозки и пешком в Рязань идти? Так Кошкин убит, да и слаб он, не дойдёт. Коня нет, оружия нет – как и провизии. Отпадает вариант.
Тогда другое: сидеть на повозке и смотреть со стороны, как москвичи будут штурмовать Булгар? Невместно. Вот и остаётся ему, как выздоровеет, в Московскую рать вливаться, под руку князя Пёстро́го. Решив так, он уснул.
День за днём по дикой степи рать приближалась к Булгару, к намеченной цели.
Алексей окреп, рана затянулась. Чтобы прийти в форму, он временами соскакивал с телеги и бежал рядом. Вначале он придерживался за борт, а потом уже двигался самостоятельно.

– Чего же ты себя так изводишь? – сетовал Иван.

Алексей перезнакомился с обозниками, сидя с ними у костра по утрам и вечерам.

А следующим днём вдали показался город Булгар, столица волжской Булгарии.

Основан город был в VII веке на среднем Поволжье, в июне 922 года принял ислам. С 1223 года начались первые столкновения с пришедшими с востока монголами. В 1236 году город был взят Батыем, с 1240 по 1260 год был столицей улуса Джучи.

Расцвёл город при правлении Узбек-хана и Джанибека. В Булгаре был водопровод, выплавляли чугун, варили стекло, чеканили монеты. Окружён город был огромным земляным валом и рвом протяжённостью в шесть километров, а также крепостными стенами.

Русские называли Булгар Бряхимовым. Всех завоевателей привлекало удобное расположение города – на перекрёстке водных и сухопутных торговых путей.

Рядом с городом был речной порт Ага-Базар.

Но в 1361 году город был взят Тимуром, прозванным Тамерланом или Железным хромцом. Его частично разрушили, многие жители попали в плен. Это стало началом заката города. Многие города ханства – Биляр, Сувар, Жукотин, Собекуль, Керменчук, Челмат – были разрушены до основания и сожжены.

Оправиться великому ханству Булгарскому было уже не суждено. Народ булгарский частично перебежал в Иски-Казань.

А теперь на него надвигалась московская дружина князя Фёдора Пёстрога, выполняя приказ великого московского князя Василия II Тёмного.

Глава 3

Дружинник московский

Рать остановилась в виду города, разбила лагерь. На крепостных стенах засуетилась городская стража, сразу закрыли ворота. Город уже не раз переживал нашествия неприятельских войск, подвергался осаде, штурму, был взят на меч. Кое-где его стены были разрушены, потом восстановлены, но места эти выделялись.

Пока войско отдыхало после перехода, князь, воеводы и бояре собрались на совет. Московское войско не имело стенобитных орудий, и на совете обсуждались действия по штурму. Для начала решили: пустить дозоры вокруг города с целью исключить подвоз провизии и не дать осаждённым возможности послать гонцов, чтобы сообщить в другие города ханства и вызвать подмогу.

На отдалении от стен, дабы не подвергнуться обстрелу лучниками, дозоры объезжали город. Одиночные путники и горожане в город всё же проникали, пользуясь лодками: ведь одной стороной Булгар выходил к реке, и блокировать водяной путь у москвитян не было никакой возможности.

Алексей, уже вполне оправившийся от раны, заявился к одному из сотников. Сейчас его положение было неопределённым: не ратник, не пленный, не возникший – да и не болящий. Пора было определяться.

– Служить в рати желаю! – заявил он.

– Ты кто такой, откуда взялся? – удивился сотник.

– Сын боярский, именем Алексей. Служил Рязани, ноне был на засечной черте, на заставе. Бился со степняками, был ранен. Ваши дозорные меня обнаружили без памяти. Очнулся в обозе уже. Вроде окреп, и на хлебником быть не хочу.

– Слышал о таком происшествии. Ну-ка, рану покажи...

Алексей завернул рубаху: поперёк груди тянулся едва заметный рубец.

– А воевать-то сможешь?

– Смогу. Только ни оружия, ни коня у меня нет, ваши забрали трофеем.

– Ну, то вернуть недолго. Вот что: сам я решить это не могу, ты не Московского княжества человек. Рязань к Москве ноне склоняется, союзник. Я с воеводой поговорю, подойди вечером.

Обнадёженный Алексей вернулся в обоз. Не отказали – уже хорошо. И сотника понять можно, он ратнику рад будет. Любой боевой поход подразумевает потери, вдалеке от Москвы пополнение не получить. А тут готовый воин, сам напрашивается под знамёна встать. Только он ничем от иноземца не отличается – от того же литвина. Государю или князю верности он не приносил, на кресте не клялся. А вдруг трусом или, хуже того, изменником окажется? С сотника воевода строго спросит, не осрамится бы. За Алексея никто поручиться не может, односельчан или других ратников, видевших его в сече, нет.

Алексей сотника понимал – в таких делах осторожность не повредит.

Он едва дождался вечера и подошёл к сотнику.

– Воевода взять тебя в ратники позволил. Сейчас я тебя в списки внесу и в десяток определю.

Скрипя пером, он внёс Алексея в список сотни – по этим спискам ратники после похода получали жалованье из государственной казны.

Алексея определили в десяток, нашли коня, дали щит, шлём и саблю.

– Вот с кольчугой загвоздка будет, больно уж велик ты. И в кого только такой вымахал? – добродушно пожурил его сотник Антип.

Десяток был неполный, вместе с Алексеем – восемь человек. С двумя другими десятками они составляли дружину боярина Бецкого, служилого из Коломны.

– Соловья баснями не кормят; давай поснедаем, пока похлёбка не остыла.

Однако у Алексея даже ложки не было. Точнее, была на заставе своя, деревянная, да сгнула.

Десятник из своего узла достал новую, липовую, и протянул её Алексею:

– Держи, дарю.

Похлёбку съели быстро, и после ужина в неверном свете костра Алексей перезнакомился с десятком. Ему теперь службу с ними нести, в бой идти, от каждого сотоварища в сече твоя жизнь зависит.

Спать улеглись, подложив под голову сёдла. У Алексея даже войлочной кошмы не было – на землю постелить. Гол как сокол! Он тешил себя надеждами, что разживётся необходимым в городе: обычно после штурма и взятия города три дня давалось на разграбление его. Понятно, что самое ценное – золото, серебро, иные драгоценности и товары – заберут сотники, воеводы, да и князь в стороне не останется. Рядовым ратникам трофеи попроще достанутся: посуда медная, одежда. А вот пленные – добыча общая. Продадут их перекупщикам, деньги поровну, а князю – слава.

Пока воеводы не предпринимали попыток штурма. Они объехали крепостные стены, изучая их и нащупывая слабые места. Было понятно, что нужны лестницы, а леса близко нет, город в степи стоит. Да и какие силы город имеет для отражения штурма, неясно.

Отрядили обоз за жердями и брёвнами – лестницы штурмовые делать.

Попытались верёвочным арканом со стены дозорного стащить – не получилось, сотоварищ его успел пеньковую верёвку саблей перерубить.

Когда доставили материал для лестниц, два дня уже прошло. Рать принялась топором сооружать лестницы.

Защитники обеспокоились, попытались помешать, сделали вылазку. Днём неожиданно распахнулись городские ворота, откуда хлынули верховые. Сначала конница, а за нею – всадники на верблюдах. Зрелище для большей, подавляющей части русских – не виданное доселе.

Московская рать поднялась в сёдла, однако лошади беспокоились, не слушались поводьев – для них верблюды тоже были внове.

К вылазке болгар московская рать оказалась не готова. Всего две сотни воинов в седло подняться успели, потому как лошади в табуне паслись, на лугу. Луг был рядом с лагерем москвитян, но до него ещё добежать надо было, лошадей в лагерь привести, оседлать. А в лагере в это время поднялась суета, беготня, с разных его сторон раздавались крики.

Пока две сотни воинов строились для отражения атаки, к ним один за другим подъезжали те, кто успел привести лошадь и оседлать её. Сотни и десятки перепутались, и спасло рать лишь то, что дистанция от города до лагеря была изрядная, удалось время выиграть и как-то организовать.

Когда стало понятно, что ошибка уже неотвратима, воеводы подали прапорами сигнал «В атаку!».

Со стороны посмотришь – уступала рать московская болгарам. Неприятеля больше, верблюды и кони пыль вздымают, наблюдателям с городских стен не видно, что творится на поле бранном.

А москвитяне понеслись вперёд с лихим посвистом, и с тыла к ним подсоединились всё новые и новые всадники. Кто-то только успел на лошадь вскочить, и так, без седла, без защиты – даже босыми, лишь сабля в руке – в атаку шёл.

Алексей оказался среди ратников, ему не известных. Он выхватил саблю и дал лошади каблуками по бокам. Давненько он в конную атаку лавой не ходил!

В груди какая-то пустота, дух захватывает, голову пьянит. Ветер в лицо бьёт, глаза режет, выдавливая слёзы. Вокруг – топот коней, шумное дыхание лошадей, бряцанье железа и нарастающий крик: «А-а-а!»

И сразу – звук столкнувшихся больших масс людей и лошадей. Такой, если хоть раз его услышал, уже не спутаешь ни с чем – и жуткий, и возбуждающий одновременно.

Впереди Алексея было два ряда русской конницы. Первый почти сразу пал – так всегда бывает при сшибках конных ратей. А дальше уже бились следующие ряды.

На Алексея бросился болгарин – молодой, горячий, со злыми глазами. Он обрушил на Алексея град ударов, полагая взять его натиском, яростью и быстротой. Алексей же пока только отбивал его удары, принимая их на щит. В запале болгарин не думал о своей защите – он привстал на стременах и приоткрылся.

Алексей воспользовался моментом и из-под щита уколол противника в живот – грудь болгарина прикрывали железные пластины, нашитые на одежду.

Болгарин замер в недоумении, глянул на себя – вниз по животу струилась кровь. Он занёс руку с саблей для удара, но нанести его не смог – упал на шею лошади.

А сзади на помощь уже спешили русичи, слышался тяжкий топот множества копыт.

Увидел Алексей, что справа двое болгар на русича напали. Помогать москвитянину надо, тяжело ему.

Алексей сзади ударил по плечу ближайшего к нему врага. Кольчугу не разрубил – хороша оказалась, а вот руку «отсушил». Онемела рука, слушаться перестала. Болгарин саблю выронил, попытался коня развернуть, чтобы щитом прикрыться, да не смог. Теснота, лошади друг друга боками, крупами толкают, грызутся между собой.

Алексей ещё один удар нанёс болгарину – изо всей силы, но по шлему. Не пробил – да такое почти и невозможно, но оглушил здорово. Болгарин закачался в седле, как пьяный.

Алексей ещё два рубящих удара нанёс – поперёк спины. Болгарин с лошади упал, не удержался. Самое худшее в битве – с коня упасть. Если ранен, оглушён – затопчут копытами, в месиво кровавое превратят, в лепёшку. Опознать потом невозможно, кто это был – свой или враг, а уже о фамилии да имени и речи быть не может.

Пока Алексей справлялся с противником, москвитянин сразил своего врага. Увидев, что второй болгарин соскользнул под копыта коней, он устало утёр пот со лба и обернулся к Алексею:

– Ты кто?

– Алексей Терехов.

– Спасибо, вовремя подмогнул, век не забуду. А меня Арсением Белоглазовым звать, серпуховский боярин я.

Домчалась русская рать почти в полном составе, врубались воины в битву, и сразу стало легче. Первыми пали под ударами те болгары, которые на верблюдах были. Верблюд – животное выносливое, без пищи и воды груз большой в караване нести может, но для боя верблюд не приспособлен, поскольку медлителен и неповоротлив.

Болгар стали теснить. Со стен крепости завывала труба, подавая сигнал к отходу.

Первыми отступать, покидать поле боя стали те, кто был на верблюдах. Когда они въехали в ворота города, отходить стали конные.

Видя, что городские ворота уже недалеко, русичи отчаянно рвались вперёд – больно велико было желание ворваться в город на плечах противника. Уже и ворота городские рядом, однако на стенах лучники цепью выстроились, стрелы метать стали – густо да метко.

У москвитян появились раненые и убитые.

Они уже повернули коней назад, когда им вслед с городской стены гроыхнуло две пушки. Поднялся густой дым, однако каменный дроб никому вреда не причинил. Пушкари неопытные, всего лишь несколько раз стреляли, да и пушки несовершенные. А русичи – так

те вообще в первый раз столкнулись с применением пушек. Они даже не поняли, что это было, лишь усмехались презрительно.

– Ишь, что выдумали, басурмане! Гроном пугать! Пусть лучше своих ворон им пугают!

Только Алексей понял, какую опасность таят в себе пушки – в другой раз пушкарям повезти может.

Рать отступила. Подбирали раненых, оружие. Своих раненых отправляли к лекарям, чужих – добивали.

В качестве трофеев достались болгарские лошади и несколько верблюдов. Что с ними делать, никто не знал, поэтому животных отправили в обоз, решив потом продать.

Ратники же отправились в лагерь. Кому-то перевязку сделать надо, кому-то – оружие наточить или сломанное заменить. А некоторым – одеться-обуться, поскольку перед боем не успели.

А воеводам впредь – наука: надо заслон, боевое окружение посильнее, покрепче выставлять. Случись вылазка болгар ночью – ещё неизвестно, кто победу в нём одержал бы.

Алексей видел, что серьёзной подготовки к штурму не хватает, и в первую очередь – разведки. А ведь бывали в Булгаре купцы русские. Расспросить их дотошно, выпытывая каждую мелочь надо было – где укрепления послабее, каков гарнизон. Да и про пушки узнали бы. У купцов глаз намётан, небось железяки непонятные на стенах сразу заметили бы.

Князь с воеводой наверняка решили, что после жестоких штурмов монголов, а потом и Тамерлана город ослаблен, защитников мало, и едва не поплатились за это жизнями ратников. Потерпев сейчас неудачу, можно было потерять всё войско. При отступлении болгары не упустили бы своего, преследовали бы по степи, вцепившись в уходящую рать, как волк в оленя. Нападали бы и на марше и на отдыхе, метали бы стрелы издалека, пока не перебили бы – ведь русским подмоги ждать неоткуда. Москва далеко, степь голая вокруг, укрыться невозможно. Да и другие племена не дремлют – та же мордва. На слабого напасть, добить, трофеи захватить – куда какой лакомый кусок. Отношения жёсткие, даже жестокие – кто сильнее, тот и прав.

Алексей с коня седло снял и отвёл его в табун, на луг – травки пощипать. После сегодняшнего столкновения сомнительно, что болгары повторят попытку. Будут раны зализывать: потери у них большие, несмотря на то что напали внезапно. Как и русские воеводы, они будут размышлять, что дальше делать, какую каверзу учинить?

В русском лагере развели костры, кашеварить стали. После сечи аппетит-то не пропал, наоборот, усилился только.

Десяток Алексея и так неполным был, а сейчас ещё и потери понёс: одного убили, второй ранен, в обоз отправили.

Алексей же после еды на землю улёгся, седло под голову подложил, обдумывать стал – что предпринять можно. Мысли мелькали разные, некоторые были и вовсе нереальными.

Надо в город проникнуть, разведать – что и как. В бою он лица болгар видел: белые, иные болгары бородатые, другие – с усами. Так что внешне он за своего сойдёт. Только языка не знает, да ещё одежда выдаёт. Но с одеждой решить можно: с убитых снять, да пленных несколько взяли, их можно раздеть. Только вот в город как проникнуть? Ночью забросить кошку на стену и по верёвке подняться?

Он решил сходить к сотнику и предложить свой план.

Сотник выслушал, помолчал немного, потом покачал головой:

– Не правомочен я такие дела решать. План хороший, но рискованный. Если тебя поймут в городе, мучить долго будут – это ты понимаешь?

– Конечно. Только и воинству нашему под стенами до зимы сидеть никак не можно.

– Ладно, идём к воеводам.

Воеводы были в шатре – собрались на совет. Судили-рядили, как на штурм пойти, чтобы в слабые места ударить – тогда потери меньше будут.

У каждого боярина своя небольшая дружина была, которую он кормил, вооружал, обучал. И потому воинов своих терять неохота.

Сотник вошёл в шатёр, Алексей же снаружи ждал – не по чину без приглашения на совет воевод идти.

Доложил сотник о предложении Алексея, и воеводы задумались. Риск большой, но если удача не отвернётся, то план выполнимый.

Позвали Алексея.

Он вошёл, поклонился.

– Из чьих будешь? – сразу спросили его.

– Сын боярский Алексей Терехов, человек боярина Бецкого.

– О! – вскочил с места один из бояр. – Так я же тебя знаю, ты меня сегодня в сече выручил. Лихой рубака!

Бояре одобрительно закивали. Рубака – это хорошо, а если человек ещё и лазутчиком вызвался быть – совсем славно, не каждый на такое решится – даже из-за денег, потому как голову сложить запросто можно.

– Ну-ка, ну-ка, Алексей, поведай нам, что ты придумал?

– Одежды болгарские надеть – с пленных снять али с убитых. Ночью, в темноте, забросить на стену кошку и по верёвке взобраться. Дня, полагаю, хватит, чтобы стены изнутри осмотреть. А следующей ночью таким же образом вернуться.

– Слова ладные баешь, – важно огладил бороду один из бояр. – Одежду подберём, а чтобы отвлечь – нападение на ворота устроим, охрана сбежится для его отражения. Глядишь – и получится. А в следующую полночь нападение повторим, опять охрану отвлечём. Тут уж ты не мешкай, по верёвке назад возвращайся.

– Я, как взберусь, кошку с верёвкой сброшу – пусть кто-нибудь подберёт сразу. Ежели часовые верёвку обнаружат, тревогу поднимут.

– Договорились. Вот пусть Бецкой на себя твою переправу и берёт. А Белоглазов в полночь нападение на ворота затеет. Ступай с Богом. Сотник тебя до пленных проводит – забирай всё, что нужным сочтёшь.

Пленные содержались в обозе, под охраной. Кольчуги и шлемы с них уже сняли, а оружие отобрали ещё на поле боя.

Алексей приглядел себе длинную рубаху, порты, ичиги сафьяновые, тюбетейку и расшитый пояс. Сотник ему удружил с кинжалом.

– Без оружия совсем нельзя, а сабля только мешать будет.

Алексей оделся, и сотник, оглядев его, выставил большой палец:

– Как есть басурманин!

Верёвки, как и кошки, в обозе были всегда.

Время до ночи тянулось утомительно долго.

Поверх чужих одежд, пахнувших чужим телом, Алексею дали накинуть шерстяной плащ, чтобы не привлекать к себе внимания. Ещё бока сдуру намнут – чего чужак по лагерю ходит? Жарковато было в плаще поверх одежд, Алексей потел – но терпел. Но когда село солнце, в плаще стало хорошо. Ни комары не донимают, ни прохлада. Волга рядом, а с неё по ногам сыростью тянет.

Около полуночи сотник встрепенулся:

– Нам пора!

Часть пути они проехали на лошадях, потом оставили их на ратника и пошли пешком. Ночь для вылазки подходящая, луна за облаками прячется.

Перебрались через ров. Алексей в руки взял кошку, раскрутил и забросил её на стену. Кошка стукнула, зацепилась, и Алексей прислушался – не привлечёт ли стук ненужного внимания?

Да только в двухстах метрах, у городских ворот, схватка закипела, наши ратники на штурм пошли. В ворота бревном били, из луков по булгарам, что на стене, постреливали – даже по лестницам взобраться на стены пробовали.

Стража со стен сюда сбежалась – обманный манёвр за настоящий штурм приняли.

Алексей подёргал за верёвку – кошка держалась крепко, верёвка выдерживала его вес. – Я полез, – прошептал он сотнику. Тот ободряюще хлопнул его по плечу.

Алексей зажал в зубах кинжал, взобрался по верёвке на стену и осмотрелся. Никого. Он сбросил вниз верёвку с кошкой и заметил, как мелькнула тень: это сотник, подобрав сброшенное Алексеем, перебрался через ров и исчез в ночи.

Алексей вложил кинжал в ножны и осторожно двинулся по стене, ширина которой местами позволяла передвигаться на повозке. Удобно: камни подвозить, кипяток или смолу для отражения атак.

Он дошёл до каменной лестницы, ведущей вниз, в город, спустился, и только когда отошёл от стены, перевёл дух. Самая рискованная часть проникновения была позади.

Алексей двинулся по узкой улочке. Дома – каменные или саманные – стояли за высокими глиняными заборами-дувалами. Ну да, а из чего же их ещё делать, если леса вокруг нет?

Город старинный и когда-то блистал торговлей и ремёслами. Сюда, в Булгар, приезжали к монгольским ханам за ярлыками на княжение русские, армянские и прочие князья. Только потом монголы воздвигли для себя значительно южнее, на притоке Итиля, город Сарай. А после 1361 года Булгарское ханство распалось на княжества Жукотинское с центром в городе Жукотин и Булгарское. И Булгар постепенно приходил в упадок, потерял былое могущество, хотя ещё имел войско и торговал. С юга, по левому берегу Итиля, булгарское население теснили кочевники-мангиты.

Надо было определяться, где и как провести остаток ночи. Шататься без цели по ночному городу, – значит наткнуться на патруль из городской стражи. Да и силы стоит прибегать, они днём понадобятся. Хорошо, что собак не слышно, этих врагов лазутчиков и воров.

Алексей подобрал камешек и бросил его за забор, во двор. Никто в ответ не зарычал, не залаял. Вот тут он и переночует.

Перемахнув через забор, Алексей оказался в небольшом дворе. Прямо перед ним был дом, справа – хозяйственные постройки. Туда он и направился. Стараясь ступать неслышно, отворил незапертую дверь и уселся прямо на пол. Ножны с клинком передвинул на живот – так удобнее выхватить.

Вокруг стояла тишина.

Понемногу Алексей забылся в дрёме, в полусне. Но дремал он сторожко, все чувства были обострены, и главное – слух.

Сколько он так просидел, и сам не знал, но за дверью начало сереть.

Алексей поднялся, размялся, отгоняя остатки сна и разгоняя застоявшуюся кровь.

Только он собрался покинуть сарай, как хлопнула дверь, и во двор вышла старушка. С виду – прямо старуха Изергиль. Чёрт, как не вовремя! Ещё бы несколько минут – и он успел бы перебраться через забор. Ладно, придётся подождать, это всё же лучше, чем если она его обнаружит, не хотелось ликвидировать старую женщину.

Ещё в военном училище его учили: находясь в тылу врага, маскируйтесь, прячьтесь. Но если вас увидел местный житель, неважно – старик это, женщина или ребёнок, – ликвидируйте. Иначе задание будет провалено. Никакой жалости! Невольный свидетель тут же расскажет соплеменникам, они отрядят погоню и ликвидируют вас. Жёстко – даже жестоко,

но в условиях военного времени оправдано. А сейчас для московской рати как раз военное положение. Однако его немного смущало, напрягало немного то, что это они сюда пришли как захватчики, как агрессоры.

Но так думал он один. Воевать против соседей, других княжеств, а тем более против другой веры не считалось зазорным. Наоборот, расширить свои владения, взять богатые трофеи считалось делом почётным, занятием, достойным для мужчины, воина. После успешного похода князь приобретал новые земли и славу, считался удачливым. А простые ратники довольствовались тем, что можно было уместить в перемётную суму и увезти на лошади. Как говорили в Риме, что позволено Юпитеру, не позволено быку. На Руси же поговорки были не менее точными – по Сеньке и шапка.

Но, видимо, судьба всё же благоволила к Алексею и женщине. Она ушла в дом, а он выбрался из сарая, перебежал дворик и перемахнул через глиняный дувал. Очень удачно перебрался, поскольку через минуту из-за угла в переулок въехал ослик с тележкой, сбоку которого шагал седобородый болгарин. Почти поравнявшись с ним, старик поздоровался. Алексей лишь приложил руку к сердцу и кивнул – языка-то он не знал.

В городе, где раньше сходилась множество торговых путей, было много караван-сараяв, аналогов русских постоялых дворов. И купцов из всех земель было множество. Поубавилось теперь, но всё равно купцы в городе были.

Алексей знал и мог говорить на греческом, латыни. Но одет он был как абориген, на купца уж точно не походил, да и денег у него при себе не было – в спешке они упустили этот момент. А стоило взять несколько монет – лепёшек купить или другой еды.

Монеты в Булгаре чеканились свои, но торговый люд принимал любые, по весу – что серебро, что золото. Ведь ни на Руси, ни в Булгаре разведанных копий, где добывались драгоценные металлы, не было, их привозили из Европы, из Азии.

Некстати о монетах вспомнилось, Алексей сразу есть захотел. Ничего, день он как-нибудь потерпит, а вода бесплатная. Волга рядом, да и в городе родники есть.

Алексей направился к крепостной стене. Не приближался вплотную, не тарасился – излишнее любопытство привлекает внимание. Кинет беглый взгляд и отведёт глаза. Иногда на камень или скамейку усядется – якобы дух перевести. Память у него была хорошая, почти фотографическая. Где башни стоят, где ворота изнутри плохо укреплены, где проломы заделаны недавней кладкой – всё примечал. Засёк время смены караулов, да ещё когда есть у костров садятся – ведь тогда на стенах немногочисленные дозорные остаются.

Так не спеша он обошёл по периметру городские стены изнутри. По его прикидкам выходило немногим больше шести километров, или четыре версты. Такую длинную стену защитить сложно, это ж сколько бойцов надо?

И потому сам собой родился план – ударить одновременно в нескольких местах. Булгары немногочисленных воинов раскидают по многим направлениям, атакующим будет легче.

План этот Алексей решил предложить воеводам, а примут они его или будут штурмовать в одном месте – их дело. В принципе, ничего плохого удар в одном избранном направлении, скажем – по городским воротам, не несёт. За одним минусом только – жертв с обеих сторон больше будет. А кроме того, Алексей сам видел ворота: их было несколько, и все укреплены добротной. Тяжёлые, из привозного дуба створки, окованные железом, изнутри два поперечных бревна-запора, вложенные в железные пазы. Чтобы такие пробить, нужен крепкий таран, а такого Алексей в русском войске не видел. Хороший таран не спрячешь от посторонних глаз.

Обычно это тяжёлое, из крепких пород дерева – дуба, лиственницы – бревно, окованное с торца железом. Его подвешивают на железных цепях на хребтине. Для передвижения

ставят на колёса, а сверху, для защиты от лучников, ставят навес. Раскачивают такой таран два или три десятка ратников из числа парней крепких, мощных.

А за воротами, коих несколько в городе, висит кованая опускная решётка. Коли неприятель разобьёт в щепы створки ворот, путь в город ему преградит решётка. Обычно за ней стоят наготове лучники, и через крупные отверстия расстреливают нападающих. Сложно прорваться, потери могут быть просто ужасающие. Помочь бы как-то, каверзу какую-нибудь придумать... Но что он может один? И желудок голодный от дум отвлекает, урчит и сосёт.

От дома, рядом с которым он сидел, пахнуло дымом, потом потянуло запахом свежеспечённого хлеба, и Алексей сглотнул слюну. Он решил пройти ближе к берегу и осмотреть его. Может быть, часть штурмующих посадить на лодки? Не беда, что их нет. Стоит пройти вверх и вниз по течению Волги, называемой татарами, булгарами, мангитами и прочим людом Итилем, как лодки найдутся – у тех же рыбаков.

Тоже надо сообщить воеводам. Он рядовой ратник, и принимать решения не вправе. Даже если чудом пробьётся в десятники или сотники, верховодить будут люди дворянского звания – бояре или князья. И за каждым из них в писцовой книге должность расписана: ертаульный (командир авангарда) или, скажем, полковник, под которым полк левой или правой руки или даже Большой полк – русские издавна имели такое тактическое построение.

Большую часть войска составляли пешцы, и только столкнувшись с татарами, русские стали активно развивать кавалерию, внедряя деление войска по десятичному принципу. И мечи прямые понемногу уступали место кривым, более лёгким, удобным в конном бою саблям. Меч ведь оружие рубящее, а сабля – ещё и колющее.

Алексей встал. Солнце уже в зените, времени до полуночи уйма – куда торопиться?

Из калитки вышла женщина, обеими руками она держала поднос с горячими лепёшками.

– Эй! – позвала она его.

Алексей подошёл, и женщина сунула ему в руку поднос. От запаха лепёшек – сильного, аппетитного – в желудке возник спазм.

Женщина что-то сказала, зашла во двор и вернулась с большим медным кувшином. Наверное, просила помочь. Она приветливо кивнула и пошла к башне городских ворот. Алексей поплёлся за нею – надо изображать из себя глухонемого.

Женщина что-то сказала, Алексей промычал в ответ. Булгарка посмотрела на него жалостливо, как на больного. А и пусть!

Видимо, женщина ходила к воинам у башни не раз. А может быть, там нёс службу её муж или сын?

Булгары встретили её радостными возгласами, взяли из рук кувшин.

Женщина присела на ступеньку и стала смотреть, как воины разлили густую, приятно пахнущую жидкость по пиалам и кружкам.

Щербет что ли? Алексей не мог определить.

Разобрав лепёшки с подноса, ратники уселись на землю и принялись есть. Один из них что-то весело сказал Алексею, остальные засмеялись.

Алексей промычал и показал на свой рот.

Смех оборвался – насмехаться над юродивыми и калеками у всех народов было грешно.

Воин, как бы извиняясь, оторвал часть своей лепёшки и протянул её Алексею. Тот впился зубами и кивнул в благодарность. Эх, до чего же вкусна ещё тёплая лепёшка! Жаль только – мала!

Доев, Алексей показал пальцем на каменную лестницу, ведущую наверх, на стену.

Ему махнули рукой, мол – можно, валяй.

Алексей неловко взобрался. Лестница крутая, ступеньки высокие, тут навык иметь надо.

Он поднялся на второй этаж. Над ним, по верху стены, ходили дозорные – были слышны шаги и приглушённый перекрытием разговор.

Алексей открыл одну из дверей, похоже – караулка. В углу стояли короткие метательные копья, посередине – низкий столик, вокруг – коврики.

Он распахнул дверь напротив – там стояло несколько бочек. Ещё удивился – ведь мусульманам их Аллах пить вино запрещает. Но потом дошло – а не порох ли в бочках?

Он прислушался: тишина. Подошёл к одной из бочек, приоткрыл крышку. Точно, чёрный дымный порох в зёрнах. А ведь наверху, на башне, одна из пушек стоит.

Алексей вышел из помещения и прикрыл за собой дверь. Ай, удача! Зачем ему порох, он пока и сам не понял, но над этим стоит помозговать.

Взобрался по лестнице наверх. Дозорный, стоящий у пушки, посмотрел на него безразлично и отвернулся.

Стоя на стене, Алексей смотрел на русский лагерь вдали. С этой высоты бивуак русских был виден отлично. Ратники ходили, в центре – шатёр княжий, рядом несколько шатров поменьше – для воевод. Всё как на ладони. Только видит око, да зуб неймёт. Ни из лука, ни из пушки до лагеря не достать.

Алексей посмотрел по сторонам: по стене похаживали дозорные, один от другого в полусотне метров.

Он повернулся к лестнице, узрел жаровню с углями – на неё рдел запальный прут. Случись необходимость, пушкарю нужно будет только поднести запал к медной пушке. Маловата пушечка и неказиста, на грубом деревянном ложементе, поскольку станком, станиной это назвать нельзя.

Алексей спустился на второй этаж. Воровато оглянувшись, толкнул дверь в кладовку. Запустив руку в бочку, набрал пригоршню пороха и тонкой струйкой рассыпал его дорожкой вдоль стены к двери. В кладовой, этой крюйт-камере, сумрачно, окошко малюсенькое. А вскоре и вовсе стемнеет, и рассыпанный узкой дорожкой порох виден не будет.

Он закрыл дверь, отряхнул руки и спустился вниз.

Стражники уже поели, и лица у них были довольными.

Алексей растопырил руки, переваливаясь с ноги на ногу, изобразил медведя, помычал. Ратники рассмеялись.

Женщина взяла поднос и кувшин, собираясь возвращаться. Алексей забрал у неё из рук посуду и помог донести её до дому. Это просто везение, что ему с её помощью удалось попасть на башню. И план созрел на обратном пути, пока они возвращались.

Женщина пригласила его зайти во двор и жестом попросила остаться. Вынеся из дома медную миску с сухофруктами, она жестом показала ему – ешь.

И тут Алексей едва не допустил ошибку.

Мусульмане сидят вокруг стола на ковриках или подкладывают под сидалище подушечки. Он же едва не уселся на низкую табуреточку – на такие иногда садились для омовения ног. Спыхватился вовремя. Лучше есть стоя, уж больно поза непривычна и неудобна – сидеть на земле со скрещёнными ногами.

Он поел, приложил руку к сердцу и с лёгким поклоном вернул миску женщине. Человек она добрый, накормила его. А ведь он, Алексей, пришёл и по её душу.

Алексей немного побродил по городу. Как ни странно, большого беспокойства у его жителей он не заметил. Шумел восточный базар, собирались и беседовали купцы, работали ремесленники. Видимо, они надеялись на крепость стен и воинское умение городских ратников. Кричали с минаретов муэдзины, молились на ковриках правоверные, словом – привычная жизнь восточного города не затихала.

Уже в сумерках Алексею удалось стащить у зазевавшегося торговца медный кувшин. Он наполнил его водой и снова уселся недалеко от дома сердобольной женщины.

Ждать темноты пришлось томительно долго, он то и дело поглядывал на диск луны. По его прикидкам, полночь уже была близка. Вскоре сотня устроит ложное представление. Эх, кабы сигнал какой-нибудь им подать! Ведь если дьявольский план сработает, можно будет в пролом стены ввести не одну сотню.

Пора! Алексей встал и не спеша пошёл к башне.

Стражники были там же, только их было меньше. Алексея они встретили, как старого знакомого, похлопали по плечу, по очереди напились из кувшина. Яду бы или снотворного им подсыпать, момент подходящий – да где взять снадобье?

По знакомой лестнице Алексей поднялся на стену, на самый её верх. Здесь уже находился другой дозорный. Он посмотрел недовольно и буркнул что-то.

Алексей подошёл к краю башни. Если стена возвышалась над землёй метров на пять-шесть, то верх башни, её площадка, была ещё на пару метров выше.

Вдали светился огнями костров русский лагерь. Никаких передвижений войск не было видно. Неужели скрытно подбираются?

Дозорный не обращал на Алексея никакого внимания, и он осторожно вытянул из ножен кинжал. Лезвие спрятал в рукав, чтобы оно не блеснуло в лунном свете.

Бормоча под нос нечто нечленораздельное, он приблизился к дозорному и ударил его в шею – раз и другой. Удары наносил сверху, наискось, чтобы наверняка попасть в сердце. В грудь бить было нельзя, под накидкой кольчуга могла быть.

Дозорный, не издав ни звука, осел на камни площадки.

Алексей подтащил тело к каменному ограждению, перевалил через него и столкнул вниз. Удар о землю упавшего тела был приглушённым, дозорные на стене не встревожились.

Теперь всё решало время.

Алексей схватил железный запал с жаровни и кинулся вниз, на второй этаж.

Вот и дверь помещения, в котором стояли бочки с порохом. Он приоткрыл её и кинул раскалённый с одного конца прут в угол.

Зашипел и вспыхнул огонёк. Теперь надо срочно уносить ноги!

Алексей кубарем скатился по лестнице вниз, едва не подвернув ногу. Несколько метров он прошёл медленно, потом рванул бегом.

Стражники ничего не поняли и засмеялись.

Сколько метров он успел пробежать, неизвестно, но сзади вдруг тяжело ахнуло. Огонь озарил стены, в спину сильно ударило взрывной волной.

Алексей не устоял на ногах, упал, его перевернуло. А затем посыпались камни, куски брёвен.

От удара он соображал туго, но инстинкт самосохранения заставил его отползти с мостовой к глиняному забору – он тоже потрескался, и в нём зияли дыры.

Алексей заполз во двор. Голова была, как с похмелья, уши заложило, но тем не менее он услышал топот копыт из-за стены, крики – это русские ратники попытались совершить обманный манёвр, ложное нападение. Но поскольку прямо перед их глазами раздался взрыв, снесло башню и разрушило часть стены, не воспользоваться этим подарком судьбы было бы преступно.

Конники ворвались в город, не встретив сопротивления.

У сотника хватило разума послать гонца к воеводам за подмогой.

Разбуженные взрывом и встревоженные, к пролому бежали горожане, ратники. А навстречу им, в отблесках пламени, как огненные демоны, скакали русские конники. И рубили, кололи, сбивали с ног, топтали лошадьми.

Сотня рассеялась, растеклась десятками по узким улочкам и переулкам. Далеко не пошли, в незнакомом городе ночью можно запросто заплутать. Да и что такое одна сотня в большом городе?

Сотник захватил малую часть города и с нетерпением ждал подмоги.

Воеводы кинули в пролом всех, кто оказался поблизости, под рукой. Туда бежали пешцы, скакали разрозненные конные. Все понимали – второго такого случая не представится. Надо расширить занятый пяточок, не дать булгарам выбить сотню, иначе потом при штурме потеряют больше.

Русские силы прибывали. Ночной бой – он самый сложный: не видно, кто с тобой рядом, каждый дерётся поодиночке. Только по матерку, по ругани русские отличали своих. Впопыхах не все русские успели надеть кольчуги, но щиты прихватили все, а сабли с поясов в походе не снимали никогда.

К пролому из города бежали булгары, а со стороны степи, из лагеря – русские. Два людских потока сталкивались, схлёстывались, дрались в рукопашной, рубились. То одни теснили, то другие одолевали.

У булгар было преимущество – они знали город. По переулкам, узким проходам просачивались они в тыл к москвитам и били их сзади. Суета, неразбериха, темень – только крики и стоны слышны.

Алексей пришёл в себя. В голове перестало звенеть и шуметь, мир вокруг обрёл былую устойчивость.

Он встал, постоял немного и шагнул в пролом в заборе. Из оружия у него был только кинжал, который для серьёзной сечи не годился, – куда ему против сабли?

А пока он стоял у забора и не мог понять, где свои, где чужие. В темноте, совсем рядом, дрались люди, слышался звон оружия, удары кулаками, шумное дыхание. Как тут разобраться?

Кто-то налетел на него, Алексей едва успел увернуться от сабельного удара и сам ударил ногой. Нападавший упал и выругался по-русски.

Алексей взъярился:

– Ты что же на своих нападаешь?

– Где на тебе написано, что ты свой? Щита и шлема нет, одежда чужая!

Как же ратник в темноте одежду разглядел?

Воин поднялся, протянул руку к Алексею и сорвал с его головы тюрбейку:

– А ну-ка идём к десятнику! Там разберёмся, какой ты свой!

Алексей пошёл вдоль забора к пролому, через который до сих пор входили в город русские ратники. Сзади его конвоировал московский гридь.

У башни, сильно разрушенной, догорали остатки брёвен, какой-то мусор.

От нескольких воинов, группой пробиравшихся через нагромождение камней, отделился человек.

– Эй, ты чего его ведёшь?

К ним подошёл боярин Белоглазов – при скудном свете горящих деревяшек он сумел разглядеть Алексея.

– Басурманин он, хотя по-русски чисто говорит.

В доказательство ратник протянул сорванную с головы Алексея тюрбейку. Русские носили тафью – небольшую круглую шапочку, не похожую на почти прямоугольную, расшитую узорами тюрбейку.

– Свой он, русский, лазутчик наш. Ступай с Богом!

Разочарованный ратник повернулся и через пролом побежал туда, откуда были слышны крики и звон оружия.

– Уцелел? Видно, охраняет тебя твой ангел. Повезло нам, что башня взорвалась.

– Повезло?! Да это я башню взорвал, тем порохом, что пушкари для пушек держали.
Боярин изумился:

– Славная работа! А то штурмовать пришлось бы. Сигнал бы какой подал, чтобы при-
готовились мы.

– Договорённости не было, и так ведь чудом получилось.

– Я князю о тебе доложу, пусть вспомнит, как трофеи делить будет.

– Так я в лагерь пошёл, не то меня свои же и зарубят, не разобравшись.

– Трофим, отведи ратника в лагерь, пусть в свои одежды переоденется.

Они выбрались из города. Бегущие навстречу ратники кричали весело:

– О! Уже пленного взял!

Всё-таки повезло Алексею, что он встретил боярина – его на самом деле принимали за
булгарина. А потому могли связать – да в обоз, а то и зарубить похода.

Алексей добрался до места в лагере, где располагался его десяток, переделся, опоя-
сался ремнём с саблей, надел шлём и взял щит. Потом спохватился, снял ичиги и натянул
свои сапоги.

Ратник, который привёл его сюда, стоял рядом.

– Ну что, готов? Пошли воевать, а то без нас город возьмут.

– Боишься, что на твою долю трофеев не хватит?

Ратник засмеялся:

– Город большой, богатый, без трофеев по-любому не останемся.

Можно было не спешить: бои в городе продолжались несколько дней и стихали, когда
уже не было сил биться. Ратники немного передыхали, ели, что обозники успевали поднести,
в основном – всухомятку.

Уже недалеко был берег, и видно было, как снуют лодки, вывозя горожан. Их никто не
преследовал, не останавливал – не до них было, да и лодок у москвитян не было.

«Недочёт, недоработка», – отметил про себя Алексей. Надо было вначале у рыбаков
или торговцев все плавсредства изъять да речной дозор выставить. Ведь бегут в первую оче-
редь те, у кого деньги, кто знатен, кто может позволить себе нанять лодку. Ускользают те, кто
представляет наибольший интерес. За пленного купца или мурзу заплатят выкуп – он выго-
ден. А бедняка только продать недорого можно – тем же крымчакам. Немного дороже стоят
ремесленники – искусные люди везде нужны. Булгар славился цветным стеклом, выделан-
ными кожами и изделиями из них, в нём плавил чугун и сталь. А ещё здесь жили умелые
печники.

Дома в городе имели одну особенность: печи топили снаружи дома, и разветвленная
сеть дымоходов шла под полами, обогревая дом. По улицам шла канализация в глиняных
трубах и водопровод в свинцовых. Вода шла самотёком из водяных источников ближайшей
горы – именно тут русские, да и другие народы подсмотрели и переняли хитрый обогрев
жилища, а вот водопровод и канализация и до сей поры не во всех сёлах есть. После похода
на булгар в царских и во многих княжеских имениях появился обогрев через систему дымо-
ходов.

И всё-таки ратники добились воинство булгарское. Дорогой ценой досталась победа, на
улицах города было полно трупов – как русских, так и булгар.

После победы с привкусом горечи горожане рыли братские могилы. Русских хоронили
по православным обычаям, с молебном и православными священниками. Булгарам не пре-
пятствовали хоронить по своим обычаям. Бросать мёртвых на улицах города нельзя – могут
вспыхнуть эпидемии.

И только похоронив всех погибших, русские, как метлой, прошли по городу, забирая
всё ценное.

Алексей со своим десятком тоже обходил дома. Он брал только самое ценное, имеющее небольшой объём – изделия из золота и серебра. Позарился на красивый и дорогой товар: его можно было быстро продать, да и лошадь не перегрузишь. Другие сдуру набивали тюки и узлы – одеждой, надеясь пристроить в обозе. Только подводы в обозе не безразмерные.

После разграбления города занялись пленными. Отбирали молодых и здоровых – за них работорговцы давали хорошую цену, и ремесленников – вместе с подмастерьями и инструментом. Из-за них бояре спорили, кто кому достанется. Хорошего мастера в собственном имении занять – везение. Его напрокат, за деньги, можно соседу-боярину отдать, а то и продать с выгодой.

Людей набралось много. Их не связывали – куда в степи от конного убежишь? Даже если и повезёт в буерак ночью забраться – дальше что? В степи без еды и воды долго не протянешь, а любой встречный в кабалу, в рабство возьмёт, потому как один и без оружия – добыча лёгкая.

Уходя, ратники подожгли город. Хотя, по большому счёту, гореть в городе, кроме обстановки в домах, нечему. Дома каменные или глинобитные, заборы высокие – огню преграда. В городе оставались только старики немощные да дети малые. Да и они со временем перебрались в Иски-Казань, куда на лодках уже уплыли до них богатые да знатные.

Город со временем пришёл в упадок, разрушился, и только память о нём осталась да легенды.

Князь Пёстрый выполнил наказ великого князя – убрать угрозу с южных границ и ликвидировать давнего торгового конкурента, перевести торговые пути на земли московские. Частично это удалось, в Нижнем Новгороде появилась Желтоводная ярмарка, известная не только на Руси, но и далеко за её пределами.

А беженцы со временем ушли из Иски-Казани. Это было опасное место, и потому они перебрались на новое место, выстроив город Казань. Долго потом она досаждала Москве, пока царь Иван IV Грозный не взял её приступом.

Обратно шли по степи, по границе между княжеством Рязанским и мордвой языческой. Здесь ухо остро держали. Рязанцы к Москве склонялись, и потому напасть не должны были. А вот мордва своего не упустила бы. Но то ли дозоры мордовские да чувашские плохо сработали, то ли вожди местные убоялись – ведь рать у москвитян большая. Напав на неё, можно и самому голову сложить.

Долго добирались до земель московских, до Оки. Пленные шли медленно, проходя за день немногим более десяти вёрст. Да ещё их кормить-поить в пути надо. И войско с ними двигалось с той же скоростью: не бросать же добычу, вмиг найдутся желающие прибрать к алчным ручонкам.

Уже чувствовалось приближение осени, по ночам становилось прохладно.

На ночёвках Алексей стелил на землю трофейный ковёр – так было теплее и мягче. А вечерами раздумывал. До Коломны, откуда Бецкой, рукой подать. Город то под Рязанью был, то под Москвой – уж больно расположение его удобное, на слиянии Москвы-реки и Оки. И потому решать ему надо было, в дружине Бецкого остаться или свободным человеком в Москву податься?

Был ещё вариант – в Серпухов идти. Арсений Белоглазов, боярин, к себе его сманивал. Увидел не то, что Алексей воин опытный – таких в войске и без него хватает. Главное заметил – умом молодой ратник не обижен, на инициативу способен, решителен. Умные среди ратников встречались значительно реже храбрых и опытных, а в тыл врага, в чужой город и вовсе из многотысячного войска единицы пойти отважились бы. Не зря говорят, что на миру и смерть красна. Погибнуть в одиночестве, без надежды на помощь, в муках, от рук палачей – такое далеко не каждый сдюжит. Арсений же обещал и лошадь хорошую дать, и

оружие – даже десятником сделать. Правда, должность десятника Алексея не прельщала, ему и повыше занимать приходилось.

При переходе от одного боярина к другому лошадь и оружие возвращались прежнему владельцу. Это боевой холоп не мог перейти, перебежать к другому боярину, потому как лицо подневольное. Алексей же муж свободный, сам к войску прибился и волен был выбирать покровителя.

Положа руку на сердце, Алексею импонировал Арсений: не глуп, смел, воины из его десятка одеты, обуты, вооружены получше многих других. То есть вывод напрашивался сам: не жаден боярин, понимает, что от качества оружия да хорошей лошади жизнь воина в сече зависит.

А вот с Бецким отношения у него не сложились. Неприязни не было, но как-то ревниво относился боярин к успехам Алексея, ревниво – а может, и подозрительно. Алексей ведь из рязанской дружины перешёл. Не по своей воле, конечно, ранен был – но всё же... Хотя и бояре и князья периодически переходили со скарбом и людьми под крыло и на земли великих князей – из той же Литвы в Московию или во Псков. И служили честно, кровь свою проливали, соблюдая клятву верности, которую давали. А данное слово имело вес. Дал слово – держи, не сдержал – потерял честь, восстановить которую было невозможно. Равные потом руки не подадут, за один стол с тобой не сядут. И потому говаривали: «Душу – Богу, жизнь – государю, честь – никому!» И, наверное, Алексей был воспитан так же или консервативен, поскольку в истины эти веровал свято.

Что Коломна, что Серпухов стояли на Оке, только Серпухов подальше. С 1353 года владел городом князь Владимир Андреевич по прозвищу Храбрый. После его смерти в 1410 году земли княжества были поделены, согласно завещанию князя, между вдовой и пятью его сыновьями, но почти все они погибли во время эпидемии чумы.

Когда московское войско, одержавшее победу, с превеликим трудностями переправилось через широкую у Коломны Оку, ратники разбили лагерь на обширном лугу рядом с городом. Переправа заняла два дня, ведь моста не было. Но от одного берега реки к другому сновал «самолёт» – так назывался паром. Невелик он был, десяток подвод мог принять или полсотни человек.

Лагерем на этом лугу стояли раньше войска многих великих князей, в том числе Дмитрия Донского перед походом на Куликово поле. А сейчас необходимо было делить трофеи, поскольку после Коломны бояре с дружинниками расходились по своим имениям. Естественно, каждый боярин, желая получить больше, считал свой род более знатным, более древним, а вклад его дружины во взятие Булгара – более значительным.

В шатре, где проводился по описи делёж, шум и гам не утихали несколько дней. Делили всё: пленных, ценности, лошадей, оружие, одежду, ковры. И по каждой вещи возникали споры до хрипоты, до битья себя в грудь. Понятное дело, некоторые посчитали, что их обделили, и выходили из шатра обиженные. Была определена доля каждого воина, каждого боярина.

Алексей получил походный шатёр, седло, сбрую и двух женщин.

Шатёр и болгарок он продал сразу – на лугу вертелось множество перекупщиков. Когда войско возвращалось из похода с трофеями, всегда они появлялись, слетались, как пчёлы на мёд. Где трофеи, там всегда пена: гулящие девки, продавцы сбитня и переvara, работорговцы и перекупщики. Покупали дёшево, но всё. А кому из ратников охота тащить домой тот же шатёр или пленниц? Да жена такой скандал устроит!

Со сбруей и седлом он решил повременить до разговора с Арсением. Несколько дней боярин был в шатре, участвовал в дележе, и потому лезть к нему с личными вопросами не следовало.

Наконец делёж закончился, и Алексей подошёл к боярину. Решать надо было сегодня – ведь Бецкой будет к вечеру уходить с дружиной и обозом с трофеями.

Лицо у Арсения было красным, голос сиплый – свою долю отстаивал. Боярин был немного раздражённым и даже злым.

– Удачно ли делёж прошёл? – поинтересовался Алексей.

– Бывало и лучше, – буркнул Арсений. – Ты определился, с кем пойдёшь – со мной или с Бецким?

– Твои условия, боярин?

– Я тебе уже говорил. Ставлю десятником. Крыша, харчи, лошадь, оружие – мои. А что трофеями в походах возьмёшь – то твоё.

– Не пойдёт. Боевые холопы то же самое имеют. Я же свободный человек.

– А что же ты хотел? – удивился Арсений. – Доля десятника вдвое больше от простого ратника.

– Жалованье хоть какое-то. Одежонку себе справить, другое что-то прикупить.

– Ох и жаден ты, Алексей, – вздохнул Белоглазов. – Не пойдёт!

– Твоя воля, боярин. Прощай!

Арсений хотел сказать что-то ещё, да только рукой махнул и отвернулся.

Алексей пошёл к Бецкому – теперь надо разговаривать с ним. В калите мелочишка звенела, на первое время хватит, потому продать себя надо подороже. Не приказчиком в лавку идёт наниматься, на жизнь спокойную и сытую. Ратник каждый день должен заниматься военными упражнениями, чтобы быть в форме. А в походах он не только ранение или увечье получить может, но и жизнь потерять. Любому боярину ратники нужны. Имеешь землю от государя – выставляй воинов. Это правило неукоснительное, и за неисполнение его князья спрашивают строго. Боярин – муж самостоятельный, но подчиняется своему князю, государю, несёт воинскую повинность. За это и земля-кормилица даётся – с деревнями, сёлами и холопами. Правда, были ещё служилые бояре, земли не имевшие, но получавшие жалованье в Воинском приказе. Они, как правило, отирались возле великого князя и занимали посты – хоть стольника, хоть окольничего, а то и воеводы или даже наместника. И по службе, по иерархической лестнице продвигались они быстрее, чем поместное дворянство. Близость к трону всегда сулила должности, богатство, а иногда и родство с великим князем – коли удавалось выдать замуж дочку за сына великокняжеского.

Так что боярин по-любому в новом ратнике заинтересован был. Готовить воина из холопа долго и хлопотно, а потерять в бою запросто. Убыль по ранению, увечью или смерти была всегда, в любом походе.

Бецкого Алексей нашёл у обоза – боярин держал там несколько подвод и теперь распорядился погрузкой трофеев. Рядом крутились перекупщики.

– Отойди, кому сказано! – прикрикнул боярин на перекупщика. – Не продам ничего, самому нужно!

Алексей остановился рядом с ним.

– Давай определяться, боярин. Поход закончен, трофеи поделены.

– А чего долго думать? Воин ты справный, давай ко мне.

– Условия?

– Как у всех. Мои харчи, крыша, лошадь и оружие.

– Я не холоп – ты не забывай, боярин?

– А что ещё? Жену или девку сам себе найдёшь.

– Я не об этом. Жалованье положишь?

– Ещё чего! Не договоримся мы!

– Ну как знаешь.

Алексей снял пояс с саблей, шлем и положил всё это на подводу.

– А лошадь, щит и седло – у десятника. Прощай, боярин.

– Бывай. Может, свидимся ещё.

Алексей подозвал перекупщика, продал ему седло и сбрую, доставшиеся ему как доля в трофее. Бросил монеты в калиту. Отныне он свободен. Но ни лошади, ни оружия – кроме ножа – у него нет. И кормить его никто не обязан. Иди на все четыре стороны – никто слова не скажет.

Глава 4

Свободный человек

Странное состояние. Свободен от всего – обязанностей, службы, оружия, лошади, еды, крыши над головой. Никому ничем не обязан. А удовольствия нет. Человек всегда должен быть кому-то нужен – семье, начальству, друзьям, государству. Однако семьёй здесь он не обзавёлся – как и друзьями, боярам и великому княжеству Московскому не надобен. Вернее – надобен, но за понюшку табаку. Его же такая цена не устраивает – жизнь в обмен на еду и кров: получается, как будто он холоп или раб бесправный.

И Алексей – пешком уже, не на лошади – отправился в Коломну. Решил остановиться на постоялом дворе: вечер скоро, да и тучки собираются, грозят дождём вылиться. А ему хотелось отоспаться на перине, отъесться – не всё же кулеш да похлёбка.

Еду они варили сами на костре, а повара-кулинары с воинов неважные. Сытно – и ладно. Алексею же хотелось мяса, да со специями, да чтобы ещё и вкус пива вспомнить.

Три месяца, как он здесь. Главное – выжил, хотя в передрягах был. Теперь самое время себя, любимого, побаловать.

А в городе постоянные дворы полны. Войско пришло, всякая пена со дна поднялась и слетелась в город, на трофеи – с трудом Алексей снял комнатку.

И в трапезной людей полно – пьют, гуляют, шумят.

Алексей нашёл место в уголке, заказал курицу жареную, пряженцев с рыбой да пива кувшин: гулять так гулять! Давно ему не удавалось посидеть, не спеша поесть не казённых харчей.

Когда принесли пиво и пряженцы, Алексей отхлебнул из кружки. О! Прохладное, свежее, язык пощипывает. Самое то! И пирожки, называемые пряженцами, с белорыбицей, с пылу с жару, вкусны необыкновенно. Или ему с голодного брюха так кажется?

Затем и курицу принесли, жаренную на вертеле. Паром исходит курочка румяная – а запах! Вроде уже пряженцами червячка заморил, а слюнки потекли. Оторвал ножку, вцепился зубами... Ум-м, вкуснятина!

Утолив первый, самый зверский аппетит, Алексей принялся есть не спеша, смакуя каждый кусочек. Наконец наелся. Давненько он так чрево не баловал!

Лениво, вразвалку он поднялся на второй этаж, в снятую комнату, запер изнутри дверь на массивный запор, разделся донага и улёгся на постель. Хорошо-то как! В походе всё время спал одетым и обутым, тело не дышало. Завтра надо...

Алексей провалился в глубокий сон. Он не слышал, как по коридору постояльцы ходят и разговаривают, как в трапезной подвыпившие ратники и купчишки песни горланят.

Проснулся Алексей, когда солнце в слюдяное оконце ярко светить начало, и прямо ему в лицо. Он поднялся, потянулся, разминая занемевшие члены, оделся и спустился вниз, в трапезную. Увидев хозяина, подошёл к нему:

– В баньку бы мне.

– К полудню натопят.

Баньку готовить надо: воды в котлы натаскать, нагреть её – на всё время надобно.

До полудня другие дела нашлись: на торг городской пошёл – исподнее новое надо, рубаху да порты купить. То, что на нём, пропотело, пропылилось и обветшало, ткань на рукавах рубахи тонкая сделалась, скоро дыры будут. В такой одежонке вид непотребный, а он всё же не голь перекатная. На службу наниматься если, то вид аккуратный иметь надобно.

Алексей купил одежду, зашёл к цирюльнику – волосы на голове совсем коротко остриг; бороду оправил. Воины волосы короткие носили, а то и брили голову наголо. Удобно так: живности вроде вшей не заводится, да и враг ухватиться за чупрын не сможет.

Ратника по причёске сразу опознать можно. Прочий люд волосья на голове длинные имеет, потому как дома живёт, возможность регулярно мыться имеет, расчёсывать их, умасливать. А разве в походах это возможно? И рубахи шёлковые воины зачастую покупали – не для красоты или фарса, а чтобы вши да блохи не заводились. Для воина в походе эта живность хуже крымчака.

Тут, однако, и полдень наступил, Алексей на постоянный двор явился.

– Вовремя, гость дорогой, банька поспела. Полотенце, мочалку изволишь ли?

– Изволю!

– Две ногаты.

Совсем мелкая монета, с ноготь, лёгкая – потому и название такое приклеилось.

Слуга провёл его в баню на заднем дворе.

– Квасу, сбитня или пива опосля принести?

– Квасу.

– Сделаю.

Алексей разделся, облился в мыльне водой, окунул мочалку в щёлок и стал яростно растираться. Облился горячей водой и удивился, что она грязная стекала с тела, почти тёмная. Да и то – в походе не мылся ни разу, впрочем – как и другие воины.

Голову вымыл, потом пошёл в парную. В углу, в деревянных бадейках стояли замоченные веники – дубовые да берёзовые.

Алексей плеснул из ковшика на раскалённые камни. Во все стороны рванул пар, зашипело. На полку улёгся, расслабился. Жарко, пот по всему телу выступил.

Больше четверти часа Алексей не выдержал, хотя веником не обмахивался. Он выскочил из парной с красным, как у рака, телом, и после жара парной в мыльне ему показалось прохладно. Здесь он снова обмылся, смывая пот.

Он вышел в предбанник. На лавке лежало чистое полотенце, на столе стоял жбан кваса.

Алексей налил кружку, отпил. Хорош квасок!

Как был, нагишом, он уселся на лавку. Какая благодать!

Остыв, облачился в новое исподнее и одежду. Старое даже портомойке – так прачка называлась – отдавать не стал, выбросил.

Слегка перекусив копчёной рыбой – умеют же в Коломне угря коптить! – он направился в ближайшую церковь. Воин после похода должен грехи отмолить – ведь сколько жизней забрал, руки по локоть в крови.

В храме благостно, ладаном пахнет.

Алексей немного постоял перед образами, помолился, и на душе стало спокойно. Вот теперь он почувствовал себя прежним Алексеем.

Священник читал молебен о здравии и превозносил многие лета великому князю Василию Васильевичу. В 1425 году умер его отец, Василий I Дмитриевич, и начал княжить его десятилетний сын, опекуном которого стал его дед, великий князь Литовский Витовт.

В 1430 году Витовт умер, и на престол Московский стал претендовать Юрий Галицкий.

Василий II Васильевич съездил в Сарай, получил ярлык на княжение из рук Улу-Мухаммеда, и летом 1431 года его торжественно возвёл на престол в Успенском соборе московского Кремля посол Ордынский. Вот священник и здравил великого князя.

Насколько помнил Алексей из истории, год был богат на события. Поляки напали на Волынь, 30 мая была сожжена на костре Жанна Д'Арк. Родился Владислав Цепеш Дракула, господарь Валахии, – да много каких ещё событий меньшей значительности.

На постоянный двор он возвращался кружным путём – ему было интересно посмотреть Коломну. Город устоял перед многочисленными нашествиями, обзавёлся крепостной стеной и стал «крепким орешком» на южных рубежах Московского княжества. Не одна рать татар-крымчаков, а затем и казанцев потерпела поражение под его стенами.

Алексей не спеша рассматривал православные храмы, дома именитых купцов.

Улочка вела под уклон, и пройдя вперёд, он вышел к пристани. Судов полно: ушкуи, лоды, насады, а лодок – тех и не счесть.

А не отплыть ли ему в Москву? В первопрестольной уж точно найдётся ему служба по нраву. Город большой, хотя Великому Новгороду по величине уступает.

Алексей прошёлся по причалу. Вещей никаких у него нет, всё имущество на нём. Одно успокаивает – в калите монеты звенят.

Тут он увидел, как один кораблик уже собирается отплывать.

– Славяне, куда путь держим?

– Пока в Москву.

Прямо под руку всё, счастливый случай.

– С собой до Москвы возьмёте?

– Ежели с нашими харчами – алтын. Только не успеешь ты, отходим мы.

– У меня вещей нет.

– Тогда прыгай.

Алексей перепрыгнул на кораблик. Это был ушкуй, парусно-гребное судно длиной едва ли больше двенадцати метров, шириной метра два с половиной и с небольшой осадкой. Ушкуй мог вместить до тридцати человек.

Речной ушкуй имел открытую палубу и прямой корпус. Морской был немного – на пару метров – длиннее, в носу и корме имел закрытые трюмы и нёс на мачте косою парус, позволявший ему идти под углом к ветру.

Едва отчалили, подняли парус, и ушкуй ходко пошёл против течения. Конечно, киль широкий и плоский, скорость не снижает, только остойчивость хуже.

Алексей сидел на носу и любовался берегами.

К вечеру они пристали к берегу, развели костёр, и Алексей перезнакомился с ушкуйниками. Команда оказалась новгородская.

Самые лихие ребята были из Великого Новгорода. Город управлялся народным вече, был по факту республикой, хотя слова такого новгородцы ещё не знали. «У нас свободный город! – с достоинством говорили они. – Это вы, москвиты, великому князю в пояс кланяетесь, у нас же все равны».

Ушкуйники занимались торговлей, не брезговали и разбоем – от них натерпелись и шведы, и Литва. В 1409 году воевода Анфал провёл рейд по Каме и Волге на двухстах пятидесяти ушкуях, пограбив Булгар и Сарай и добравшись до Хлынова. И такие набеги повторялись не раз.

В 1436 году в устье реки Которосли всего сорок ушкуйников-вятчан взяли в плен ярославского князя Александра Фёдоровича по прозвищу Брюхатый. Князь находился во главе семитысячного войска и имел неосторожность поставить шатёр в некотором отдалении от своих ратников, чтобы побыть, помилиться с молодой супругой, за что и поплатился. Вернули его за выкуп.

На Руси в это время было только два свободных города – Великий Новгород и Хлынов, в дальнейшем переименованный в Вятку. Оба управлялись народным вече. И вятские ушкуйники были отколовшейся частью новгородских лихих людей, осевших в этих краях. Правда, вольница в этих городах была подавлена затем московскими царями.

Поев кулеша, ушкуйники улеглись на гребцовых лавках. Алексей устроился на полу.

Ушкуй покачивало на волнах, от воды тянуло сыростью, и Алексей пожалел, что не купил кафтан. Всё равно осень на носу, холодать будет, тёплая одежка нужна.

Утром, пока ушкуйники разводили костёр да кашеварили, Алексей сделал зарядку – члены затёкшие размять и согреться.

– Ты с кем это воюешь? – спросил наблюдавший за ними старший, кормчий Корней.

– Разминаюсь.

– А-а-а, – протянул кормчий. Наверное, он решил, что у Алексея с головой не всё ладно.

– Ты кто по жизни? – спросил он.

– Ратником был – у рязанцев, у москвитян. Только из похода на Булгар вернулся.

– Видать, плохо воевал-то...

– Почему ты так решил? – изумился Алексей: так ему ещё никто не говорил.

– Трофеев не вижу. Гол как сокол.

– Я же не боярин или князь. У тех трофеев – по небольшому обозу.

Ушкуйники переглянулись.

– А вот чем кулаками воздух месить, подерись-ка ты с Иваном. Не против? Или слабо?

Со своего места поднялся ушкуйник. Из всех новгородцев он был самый рослый и физически очень силён, мышцы так и играли под тканью рубахи. Такие легко гнут подковы, но вот реакция у них замедленная.

Он снисходительно осмотрел Алексея сверху вниз:

– Тебя вполсилы бить или как?

– Как получится.

Они встали на полянке друг против друга.

Ушкуйники – все семь человек – от костра ушли: тут зрелище поинтереснее намечалось.

Алексей понял, что вырубать Ивана надо сразу. Если он кулачищем своим попадёт, рёбра переломает. И в то же время калечить нельзя: ушкуйники обиду не стерпят, всем скопом накинутся – не отобьёшься.

Иван смачно плюнул на ладонь, сжал кулаки и перенёс вес тела на левую ногу. Значит, сейчас последует удар.

И точно. Кулак полетел Алексею в голову, как пушечное ядро, – всё-таки ушкуйник быстр для своей комплекции.

Алексею удалось отклониться, а вот инерция толкнула вперёд Ивана, и осталось только подставить ему подножку – что Алексей и сделал. Иван растянулся на земле под хохот товарищей.

Поднялся он с красным от злости лицом.

– Не считается это, я запнулся! – заявил он.

– Ага, о чужую ногу!

Ушкуйники просто заржали. Зрелище становилось не только увлекательным, но и смешным.

Иван обозлился и решил не цацкаться с Алексеем, а свалить его ударом и тем реабилитироваться перед товарищами. Но злость – плохой советчик.

Едва поднявшись, он ринулся на Алексея, как бык на красную тряпку, но в последнюю секунду, когда кулак Ивана уже летел вперёд, Алексей резко нагнулся. Ушкуйник как будто налетел на вертикальную преграду, перевернулся и с размаху приложился о землю спиной, подняв тучу пыли.

Ушкуйники смеялись до слёз, до колик в животе.

– Ванька, сначала рубаху и штаны спереди выпачкал, теперь сзади! А-ха-ха! Теперь давай с боков!

Шутки сыпались со всех сторон.

Кормчий Корней посерьёзnel.

– Надсмехаешься над Иваном? Ну-ка, а как насчёт сабельки вострой?

– До крови?

– Как получится. Иван, ты проиграл, неси сабли.

Иван вразвалку, как медведь, спустился к ушкую и вытащил из-под тряпья сабли.

– Иван, ты уморился, отдай сабли Никите.

Иван отдал одну саблю Никите, другую – Алексею. Никита роста был среднего, худощав, жилист. Такие в бою резвы, и воины из них бывают хорошие.

Бойцы встали друг против друга. Никто не пытался напасть первым.

Никита сделал обманное движение, но Алексей не купился, с места не тронулся.

Какое-то время они ходили кругами, прицениваясь каждый к другому.

– Ну что вы, как петухи? Кулеш скоро поспеет, – бросил Иван. Он хотел подзадорить бойцов, чтобы кто-то из них решился на атаку. И он явно желал, чтобы Алексей потерпел поражение в схватке и этим был посрамлён.

У Никиты было маленькое преимущество: он видел, как двигается Алексей, когда наблюдал за их схваткой с Иваном, и теперь выжидал. Кулачный бой не сравнится с сабельным – другая техника ведения, другие приёмы.

Алексей решил применить обманный финт, который видел у печенегов, – Никита о нём ведать не должен. Алексей же знал, как ведут бой византийцы, крестоносцы, половцы и печенеги, русские и болгары. И потому он сделал выпад.

Никита отбил его саблей, попытался сам уколоть Алексея, но тот был готов к этому – сам выбрал такую тактику. Он развернулся боком, завернул правую руку с зажатой в ней саблей за спину и остриём сабли упёрся в грудь Никиты.

Всё произошло стремительно. Сабли сверкнули, никто ничего не понял, но Никита замер на месте – он-то почувствовал острое жало сабли на коже. Как боец Никита неплохой, опытный, и это чувствовалось, но некоторых финтов он не знает.

Никита поднял вверх левую руку:

– Всё, проиграл!

Публика разочарованно вздохнула. Оба бойца опустили оружие.

– Ты где так драться научился? – спросил Никита.

– Жизнь заставила, поляки так делают.

Видел он как-то в переводной книге, ещё дореволюционного издания, именно этот приём польских рейтаров. А они, видимо, подглядели его у других народов, скорее всего – у венгров, в своё время сражавшихся с ордами половцев и печенегов. Ничего не пропадает бесследно. Вот только с исчезновением холодного оружия из армий ушли и навыки.

– Да? – удивился Никита. – С ляхами я в бою не встречался никогда.

– Молод ещё, придёт время – встретишься, – засмеялся Алексей.

– Эй, бойцы! Кулеш поспел, завтракать пора, – окликнули их от костра.

Никита забрал у Алексея саблю и отнёс оружие в ушкуй.

Ели молча. Будешь говорить – другие всё съестъ успеют. Ложками работали по очереди, по кругу.

Когда доели, Корней объявил:

– Побаловались – и будя. Ветер сегодня встречный, хоть и слабый, на вёслах придётся идти. Я думал, что к вечеру в Москве будем, а ноне сомнения берут – не доберёмся. Иван, мой котёл.

– Почему я?

– Проиграл потому как.

Иван пошёл мыть котёл и оттирать его песком.

Вскоре отчалили. Алексей тоже уселся на лавку, за весло – скучно просто так на полу сидеть, а на вёслах размяться можно, кровь разогнать.

Гребли дружно, под команду Корнея:

– И-раз, и-раз, и-раз!

На «и» – замах весла, на «раз» – рабочий ход.

Давно Алексей не сидел на весле, но навыки быстро вспомнились. Ни разу он не ошибся, не ударил своим веслом другое.

С небольшими перерывами они гребли до вечера, а с наступлением темноты снова пристали к берегу. Теперь очередь кашеварить была Никиты.

Корней подошёл к Алексею:

– Вижу – сиживал ты за веслом раньше, навык есть.

– Было дело.

– Так ты же просто прирождённый ушкуйник! Гребёшь не хуже других, в кулачном и сабельном бою горазд. Зачем тебе Москва? Давай к нам, на ушкуй.

– Служба у тебя простая, а сколько платить будешь?

– Не у великого князя на службе, у нас жалованья нет. Долю, как и все, получать будешь.

Алексей задумался, и Корней расценил его молчание как сомнение.

– Не обману. У нас всё честно, у парней спросить можешь.

Что Алексею терять? Он не знал, что в Москве делать будет, а тут, вроде, и парни неплохие, и кормчий не жлоб.

– Согласен! – решил он.

– По рукам!

Корней протянул ему руку, и Алексей её пожал. С этого момента договор, хоть и устный, считался заключённым.

За котлом, в кругу ушкуйников, Корней объявил:

– Алексей отныне в нашей команде не случайный человек. Прошу любить и жаловать.

Новгородцы переглянулись. За то время, что они плавали одной командой, такое случилось впервые – Корней всегда брал только своих, новгородцев. Москвичам он не верил, считая их народцем гниловатым; рязанцы – себе на уме. Псковичи издавна с Господином Великим Новгородом за главенство боролись.

Но с этого дня Алексей почувствовал, что отношение к нему команды изменилось. Одно дело – пассажир, можно сказать – балласт, и совсем другое – сотоварищ. От умения каждого, от взаимовыручки, способности поделить последним куском хлеба, от крепкой мужской дружбы зависит судьба всей команды. Тут принцип единственный: один за всех – все за одного.

В Москву они попали в полдень следующего дня. Может, транзитом бы её миновали, да у Корнея дела были.

– Один человек может остаться на ушкуе для охраны, остальные свободны до вечера, – распорядился он, уходя.

Добровольно остаться вызвался Иван.

– Чего я в городе не видел? Да и денег у меня нет, – признался он, растянувшись на палубе корабля.

Алексей же решил Москву поглядеть. Это сейчас она столица великого княжества, а затем станет столицей Великой империи. И империи уже нет – как и царя, но поглядеть интересно. Многие здания просто не дожили до XXI века, а других ещё и в планах постройки не было – того же собора Василия Блаженного. На окраинах смотреть нечего, они во многих городах одинаковы.

Поскольку ушкуй встал у причала недалеко от стрелки Москвы-реки и Яузы, центр оказался не так далеко.

Товарищи Алексея разошлись: кто бражничать, кто на торг, а он расспросил у прохожих, где Красная площадь. Самое удивительное было в том, что его не понимали.

– Нет у нас такой, – отвечали ему.

И в самом деле, площадь тогда называли Пожаром. С восточной стороны от Кремля располагался торг, судя по размаху и размеру – торжище. На нём были деревянные лавки,

которые горели едва ли не ежегодно. Только в конце XV века площадь освободили от торговцев, и она приобрела название Красной, по-русски – красивой.

И только когда Алексей упомянул Кремль, ему подсказали дорогу.

Когда он пришёл на место, глаза его отказались верить увиденному. Вместо знакомых красно-кирпичных стен Кремля он увидел белые, сложенные из известняка, более низкие; а башни и вовсе не такие. Не было здания ГУМа, нынешнего Исторического музея. Через ворота проходили в Кремль все, кто хотел, единственно – не пускали лошадей.

Площадь представляла собой торг с хаотично стоящими лавками. Множество людей, неумолчный гомон, пыль. Никакой брусчатки не было и в помине.

Алексей зашёл на территорию Кремля. И здесь он не увидел знакомых и знаковых зданий и памятников. Ни Царь-пушки, ни Царь-колокола... Здания Грановитой или Оружейной палаты тоже нет. Зато с Северной стороны, где сейчас за стеной Александровский сад, располагался Чудов монастырь. А ещё красовалась изумительной работы деревянная церковь – собор Спаса на Бору, построенный ещё в 1330 году.

Алексей походил, поглазел, поудивлялся. Кремль и постройки в нём, Красная площадь даже отдалённо не походили на нынешние. Алексей был не столько удивлён, сколько шокирован увиденным. Не многим людям, а скорее всего – только ему одному – удалось увидеть Кремль старый и тот, который стоит на этом месте сейчас.

Набравшись впечатлений – вполне неожиданных, Алексей отправился к причалу.

Не доходя буквально квартала до места стоянки ушкуя, он увидел свару, драку у пивной. Дело обычное. Пивная – злчное место, где собираются обычно корабельщики, ведь заведение располагается на набережной.

Только среди дерущихся он увидел новгородских ушкуйников, своих новых сотоварищей. Их было пятеро, а противников – вдвое больше, и было видно, что они одерживали верх. Обе стороны были изрядно пьяненькие, и уже раскровянили друг другу носы.

Бросать в беде ушкуйников было бы верхом nepopядочности – да просто не по-товарищески.

Алексей подбежал к дерущимся. Двоих чужаков он свалил тумачами сразу. Да и немудрено – они едва стояли на ногах. Третий попытался ударить Алексея, но два коротких удара в поддых успокоили его.

За ворот Алексей вытащил из груды сцепившихся тел Тихона, встряхнул его.

– Ты ещё что-нибудь соображаешь?

Тот икнул, всмотрелся в лицо Алексея, с трудом узнал его.

– Ага...

– Иди к ушкую, пока не покалечили.

– А други мои?

– Иди, я им помогу.

Поддатый Тихон поднялся и подбрёл, покачиваясь, в сторону причала. По пути он несколько раз оборачивался и грозил кулаком. «Хоть бы добрёл, не упал», – глядя на него, подумал Алексей.

Один из противников, похоже – тоже из корабельщиков, выломав где-то деревянный дрын, размахивал им, как дубиной, не разбирая, где свои, а где чужие. И этим дрыном он уже треснул по голове двоим своим сотоварищам.

Алексей решил вырубить его первым, пока он сдуру не покалечил кого-нибудь. Ведь было неписаное правило: в кулачном бою – никаких предметов вроде кистеня или дубинок не применять.

Подобравшись к нему сбоку, Алексей в прыжке ударил его ногой.

Пока корабельщик приходил в себя, барахтаясь на земле и пытаясь подняться, Алексей вытащил из груды дерущихся Спиридона. Тот не понял, что перед ним свой, и попытался извернуться и ударить его. Но Алексей дал ему пинка и напутствовал:

– Быстро на ушкуй, пока не прибили!

Хоть и пьян был Спиридон, но приказ Алексея, подкреплённый пинком, понял. Выписывая зигзаги, он почти побежал к ушкую.

А оттуда, выслушав добравшегося Тихона, уже бежал здоровяк Иван. Вдвоём с Алексеем они разбросали по сторонам дерущихся.

Иван схватил под мышки Никиту и Егора и потащил их к судну. Ухватив за локоть упиравшегося Прохора, Алексей также потащил его к ушкую.

– Иди же быстрее! Если набегут корабельщики с других судов, нам всем крепко достанется. Какая муха вас укусила, чего вы в драку полезли?

Прохор долго думал.

– А чёрт его знает?! Наверное, они кого-то из наших обидели.

– Пить меньше надо.

– Медовуха забористой оказалась. По кувшинчику на брата всего и выпили.

На ушкуе все пятеро горячились и шумно выясняли, из-за чего разгорелась драка, но тут вовремя появился Корней.

– Что за шум, а драки нет?

Алексей коротко доложил о случившемся.

– Надо менять стоянку. К ночи корабельщики очухаются и могут прийти выяснять отношения.

Трезвыми были Иван, Алексей да сам Корней – они и вывели ушкуй на стремнину, подняли парус и вскоре причалили уже на окраине Москвы.

– Говаривал ведь я вам, бестолочи, не пейте в чужом городе!

Корней опускал голову пьяницы в воду и держал её там до тех пор, пока ушкуйник не начинал сучить ногами, едва ли не захлёбываясь. И так он поступил со всеми пятью ушкуйниками. Зато протрезвели они быстро.

– Повторится ещё раз – разгоню! – ругался кормчий.

Вид у всей пятёрки был помятый. У кого фингал наливался багровым, у кого распухали разбитые губы, кто-то осторожно ощупывал саднящие скулы.

– Эх, голытьба помойная, на кого вы похожи? Как домой-то явитесь?

Один Тихон попытался оправдаться:

– Они первыми задираться стали.

– Вот и ушли бы, не доводили бы до драки!

– Так говорить стали бы, что новгородцы трусили.

Кормчий только головой покачал.

После ночёвки отправились в путь без обычного завтрака. На набережной костёр не разведёшь, а постоянных дворов, где можно было бы купить что-нибудь съестное, поблизости не наблюдалось.

За вёслами похмелье быстро выветрилось. Небольшая заминка случилась у Волока Ламского – и снова за вёсла.

В этих краях Алексей ещё не был.

Через три дня они добрались до Ладоги. Алексей сначала принял озеро за море – ведь вода до горизонта.

– Балтика? – спросил он Тихона.

– Ты что? Озеро. Однако в непогоду штормит славно, волна не меньше морской. Сколь уж тут судов сгнуло – ужас!

– Далеко ли до Новгорода?

– Два дня – и мы дома.

Ну, это они дома, у родного очага, среди семьи. Дом – этот тот якорь, который держит мысли торговца или путешественника в родимой сторонке. А для Алексея здесь всё чужое. Одно слово – безродный, ведь никого у него тут нет.

Из Ладоги они повернули налево, в Волхов. Тут пришлось идти против течения.

Наконец Корней воскликнул:

– Святую Софию вижу!

Он встал на корме и, глядя на купола величественного храма, истово перекрестился.

Гребцы бросили вёсла и повернулись. Вдали светился золотом купол главного новгородского храма.

И откуда только силы взялись? Они принялись грести с удвоенной энергией, и через пару часов причалили. Кормчий бросил денежку человеку, стоявшему на пристани.

– Всё, парни, теперь отдыхаем. Даю седмицу.

Парни разобрали узлы с личными вещами и сошли на дощатый помост.

Алексей замешкался: ему-то куда идти?

Кормчий взял его за локоть:

– Пойдём, хороший постоялый двор покажу. И недорого, и кормят вкусно. Понадобисья – сам найду.

Пока шли, Корней сказал:

– Я недалеко от немецкого двора живу, за церковью Святого Петра – третий дом от угла. В гости бы пригласил, да у меня мал-мала, полный дом. Оба сына женаты с семьями у меня.

На грубо нарисованной вывеске постоялого двора красовалась рыбина.

– Корюшка. Рыбёшка мелкая, да вкусная, – со знанием дела сказал Корней. – Тебе сюда.

Вечер и ночь Алексей провёл в комнате, отоспался и утром, после завтрака, направился в город.

Великий Новгород стоило осмотреть. Город старый, богатый, самостоятельный. С XII века в нём существовали иноземные дворы: Немецкий и Готский – крупнейшие конторы-фактории Ганзы, немецкого союза городов, ведущих торговлю. В состав Ганзы входило более 70 крупных и 130 мелких городов, столицей Ганзы являлся Любек.

Через Новгород шли на Русь цветные металлы – медь и бронза, ткани, золото и серебро, которые на Руси не добывали. А вывозила Ганза меха, пеньку, лён, воск и мёд. Немцы ходили на кораблях под Готландским флагом.

К сожалению, вольница новгородская и торговля с иноземцами закончились в 1478 году, когда Иван Грозный, поверив подмётным письмам о якобы желании новгородцев перейти «под руку» Литве, напал на город. Многие новгородцы, даже невинные женщины и дети, были убиты, храмы осквернены, а немцы изгнаны из города.

Новгород был один из немногих городов Руси, где женщины были равны в правах с мужчинами, население в значительной части было грамотным – без этого как вести дела? Высшим органом, принимавшим важнейшие решения, было Народное вече, а в повседневной жизни городом управляли посадники. И невиданное на Руси дело: городом, в числе избранных, управляла Марфа-посадница! И это в то время, когда во всех остальных городах женщина не могла управлять лавкой. Иметь её могла, но торговать и заключать сделки мог только мужчина. Потому вольность новгородская, независимость его от бояр и великих князей поперёк горла Москве стояла, как соринка в глазу о себе напоминала.

Видеть женщин в торговых лавках Алексею было непривычно. Было их меньшинство, но торговые дела они вели бойко, покупателей зазывали на все лады.

Алексей выбрал себе кафтан – по ночам на улице было прохладно. Не сказать, что он мёрз, но неуютно, некомфортно было. Он приглядел себе по размеру кафтан зелёного цвета, английского сукна. Сторговался, купил, но уходить не торопился – глаза разбегались

от обилия товаров. Выбор был значительно больше, чем в Москве: ножи боевые и обеденные – английской шеффилдской или шведской стали, сабли, косы, замки, гвозди. А следующим рядом – сукно на любой вкус и цвет. Тут и плотное немецкое, и шерстяное английское, и шёлк китайский, и совсем невесомая, прочти прозрачная персидская ткань.

И кожаными изделиями любоваться можно: пояса, сумки, кошельки, туфли и сапоги, сбруя – на любой цвет и стоимость.

Отдельно, в углу торга – златокузнецы, как называли в России ювелиров. Кольца, перстни, ожерелья, браслеты, броши, шкатулки – из золота, серебра или с самоцветами. Состоятельный покупатель для себя или для женщины мог найти всё.

А меховые изделия? Глаз не оторвёшь от шапок, шуб, полушубков. Меха и покроя – на выбор: от соболя и горносталя до зайца.

А дальше шли ряды, где торговали на бочки мёдом и воском.

Ещё дальше травники сидели, товар свой похваливали.

И уж в конце самом – живой товар: лошади, коровы, свиньи. Товар мычал, блеял, ржал, визжал и кукарекал.

И торг велик, за день не обойдёшь.

Алексею спешить было некуда, и он, не торопясь, разглядывал товар, приценивался. Однако часам к четырём он устал, в глазах рябило от обилия товаров. Кое-что понравилось, но денег купить не было. В калите звенела мелочь, но это были последние деньги, и сколько ему ещё жить на них – неизвестно.

На постоянный двор он вернулся, полный впечатлений, поел и лёг спать.

А утром раздался стук в дверь.

Как был, в одном исподнем, Алексей подскочил и бросился открывать.

На пороге стоял Корней, и во весь рот его сияла улыбка.

– Я к тебе, здравствуй.

– Заходи, садись. Может, я оденусь да спустимся вниз, потрапезничаем?

– Некогда. Ты как смотришь, если завтра выйдем?

Алексею было всё равно, куда и зачем.

– Куда приходите?

– С утречка, на причал. Ушкуй где стоит, помнишь?

– Конечно.

– Ну, я побежал, дел много. Харчей надо взять да всех парней обойти, известить.

Алексея внезапный приход Корнея обрадовал. Лучше делом заняться, чем бока отлёживать да проедаться. Были бы в Новгороде знакомые или друзья – тогда другое дело.

Утром, после плотного завтрака, Алексей подошёл к причалу.

Корней уже был тут, заканчивал с Иваном погрузку каких-то мешков.

– Доброе утро, – поприветствовал их Алексей.

– Вовремя, – оглянувшись на звук его голоса Корней. – Сейчас парни подойдут – и отходим.

Все сразу и заявили. Отчалили, не медля. Течение само несло ушкуй вниз, к Ладогге. Однако когда город скрылся из виду, кормчий причалил к берегу.

– Подождём, мы первые.

В течение получаса к ним подошли ещё три ушкуя, на каждом – по десятку мужиков.

Корней перебрался с борта на борт другого судна. Там собрались четверо кормчих, они держали совет.

Длился он недолго, видимо – основные дела обсудили вчера. Кормчие разошлись по своим судам, и караван поплыл под парусами.

За день они успели пройти Волхов, Ладогу и вошли в Неву, где и заночевали. На берегах Ладогги ночевать опасно, погода здесь может измениться за полчаса. Только что светило

солнце – и вдруг набежали тучи, подул холодный ветер. И вот уже поднимаются огромные волны, а сверху льёт дождь. Нева в этом отношении спокойнее, да и деревья не берегу есть, защита от ветра.

Команды развели костры и стали готовить похлёбку. Кормчие же снова уединились.

Утром, после завтрака, когда уже шли под парусом, кормчий распорядился разобрать оружие. Алексею достался небольшой круглый щит, шлем и саблю. Щит был новый, по краю окован железом, а шлем хоть и видал виды, со вмятинками, но был годен.

Однако сабля удручала: с зазубринками от былых стычек, давно не видевшая точила. Как мог, Алексей наточил её камнем.

– Не ухожено оружие, – посетовал он.

– Бери, дармовое, из трофеев, – отозвался Тихон.

За день они прошли всю Неву – немногим меньше ста километров. Река короткая, но полноводная и глубокая. И сколько ни глазел Алексей по сторонам, никаких строений он не увидел, сплошь дикие необжитые просторы. А ведь почти через триста лет царь Пётр заложит тут русскую столицу.

На ночёвку они встали в устье Невы, впереди простирался мелководный Финский залив.

Только после того, как команда поужинала, кормчий объявил:

– На шведский берег идём.

– Раньше разоряли их всех одним ушкуем, зато и все трофеи наши были, – отозвался Никита. – А сейчас целая ватажка – зачем столько?

– Так и цель покрупнее – городишко чухонский. Потому предупреждаю: не каждый сам за себя, не добро чужое хапать. Сначала город возьмём на меч, потом трофеи брать будем.

Разговор получился короткий, без деталей. Видимо, Корней присоединился к походу в последнюю очередь, что походило на правду: ведь они пришли в Новгород всего три дня назад, а затевалось всё значительно раньше.

Шли под парусом, справа тянулся заросший лесом берег. Там проживали чухонцы и лопари – народности диковинные, находящиеся под рукой шведского короля. Значительно позже тут появится самостоятельная страна Финляндия.

Никита с Алексеем уселись на носу судна. Их ушкой был самым маленьким из четверки кораблей, идущих в набег.

– На шведских да датских берегах в своё время викинги да норманны жили, всю Европу в страхе держали, – промолвил Алексей.

– Ништо! Теперь Господин Великий Новгород никому не уступает. Король шведский мирный договор с нами подписал, а не с Москвой. На море, конечно, Ганза главенствует, тут спору нет. У них корабли большие, а главное – деньги.

– Мы же на их, шведские, земли идём! Как же договор?

– Так мы же не с армией, не с войной... Ну, пощиплем немного жирного гуся...

– Как бы нам всё это боком не вышло. Выходит, мы сами по себе, без вedomо вече или городского совета? Откуда ни погляди – навроде разбойников.

– Ушкойники сроду купцами и разбойниками были – иначе откуда в Новгороде богатству взяться? Вот ты с нами в Москве был, столице первопрестольной русских великих князей. А чем она красивее или лучше Новгорода? У нас домов каменных не меньше, зато свобода. В Москве жёнки чтить не могут, а у нас грамотные, сами дела ведут. И ещё: в Господине Великом Новгороде никто ни перед кем шапку не снимает, в пояс не кланяется, все равны и свободны. А в Москве боярин столбовой шапку перед князем великим ломает, а то и на коленях перед ним стоит, ровно холоп его. Тьфу!

Никита говорил правду – Алексей всё видел своими глазами.

Некоторое время молчали.

Ушкуи шли кильватерной колонной, один за другим, не сильно удаляясь от берега. Простым глазом можно было видеть деревья на берегу, а не сплошную лесную массу.

Скорее всего, кормчий на первом ушкуе хорошо знал акваторию, все её отмели и скалы, а главное – цель. Алексей понял, что кто-то из ушкуйников тут уже был – в качестве купца.

До заключения Ореховецкого мирного договора ушкуйники частенько трепали северные земли Швеции, проходя Северной Двиной через Белое море к Тромсе и другим землям, и даже брали хорошо укрепленные земли – такие как Бьярней. Потом попритихли, поскольку великие московские князья стали обкладывать Новгород данью за нарушение перемирия, и большая часть ушкуйников переключилась на врагов южных – татар со столицей в Сарае, а также расширили восточные земли, забираясь в Пермский край и доходя до Уральских гор, благо – местность изобиловала реками. Если для степных народов, вроде ногайцев и татар, основным транспортом был конь, то для новгородских, псковских и вятских ушкуйников – корабль.

По тактике ушкуйники многое переняли от варягов – те же нападения с реки или моря, и даже секира была скандинавского типа. Не брезговали они и арбалетом. Варяги не применяли такого оружия, а в западных странах арбалет считался оружием черни, наёмников, подлого сословия.

У далёкого берега возникла и стала приближаться к ушкуйникам точка. Вскоре стало видно, что это летит птица. Не морская, вроде чайки, а сухопутная.

Никита подивился ещё:

– Чего тут ворону делать? Он над морем не летает.

– С чего ты взял, что это ворон?

– Так чёрный как смоль. Ты видел других таких чёрных птиц?

Ворон подлетел, уселся на борт ушкуя, совсем недалеко от Алексея и Никиты. Выглядел он усталым и часто дышал.

– Чего его сюда занесло? – не унимался Никита. – Если бы коршун за ним гнался – тогда понятно. А то ведь один летел! Ручной, что ли?

Алексей отломил кусочек лепёшки и протянул на раскрытой ладони птице.

Ворон наклонил голову в сторону, посмотрел на угощение одним глазом и стал бочком-бочком подвигаться к Алексею. Схватив кусок, прижал его лапой к планширю и начал клевать. Наевшись, каркнул, как будто благодаря.

– Точно, ручной. Хозяина ищет, что ли? Говорят, вороны по триста лет живут. Брешут, поди...

Алексей только пожал плечами. Он не орнитолог, таких тонкостей не знает, хотя легенды о долгожительстве воронов слышал. И почему-то все они были посвящены связи воронов с тёмными, злыми силами. На взгляд Алексея – чушь. Это как змеи и жабы у злых колдуний – неперменный атрибут.

Никита всмотрелся в береговые очертания.

– Был я как-то в этих местах, похоже – туда идём.

– Куда?

– В деревню чухонскую.

– Корней говорил о городе.

– Он дальше будет.

Вода билась о форштевень, на котором красовалась диковинная морда медведя, брызгами залетала внутрь ушкуя.

На ворона брызги тоже попадали, и он отряхивался время от времени, но не улетал, сидел рядом с людьми.

Алексей медленно протянул руку и пальцами погладил голову птицы. И вдруг – как будто разряд электрический получил. В голове мысли разные возникли, в основном о службе в Византии, Острис вспомнился. И без какой-либо связи с предыдущими событиями.

Он отдернул руку.

– Чего так? – встревожился Никита. – Клынул тебя ворон?

– Нет, вспомнилось разное.

– Ох, не к добру это. Гони его.

– Пусть сидит, не мешает.

Что-то, какое-то непонятное чувство мешало Алексею прогнать приبلудную птицу, как будто между ним и вороном установилась незримая связь.

Передний ушкой повернул вправо, к берегу. За ним цепочкой – остальные.

Когда их ушкой ткнулся носом в берег, Корней скомандовал:

– Забираем оружие и идём берегом. Не шуметь, оружием не греметь – деревня близко.

В пару минут ушкойники выбрались на берег. Почти четыре десятка опытных, хорошо вооружённых воинов представляли грозную силу – слабаков на суда не брали. Да и тренировки постоянные – гребля на вёслах – здорово укрепляли мышцы.

Гуськом, один за другим ушкойники двигались вдоль берега. На опушке остановились, сгрудились вокруг старшего, кряжистого воина лет сорока. Алексей ещё удивился: в ширину и в высоту – почти один размер.

– Без нужды не убивать. Тем, кто сопротивления не окажет или безоружен вовсе, никаких поджогов! Дым потому как издали виден. Делаем быстро дело, забираем всё ценное – и к ушкаям. Сигнал к отходу – труба. – Он поднял над головой рог наподобие охотничьего.

Слушали молча.

– Разделитесь наполовину. Одна часть идёт вдоль берега, чтобы жителей от лодок отсечь, другая забирает ближе к лесу – окружаем. Тогда ни один не уйдёт. Те, кто по берегу пойдёт, – вот вам воевода. – Коренастый подтолкнул вперёд ушкойника довольно сурового вида. Лицо как из камня высечено – одни прямые линии, взгляд жёсткий.

– Кто не знает – его Евстафием зовут. А другую половину я поведу, Мефодий.

Алексей обратил внимание, что среди воинов не было кормчих, видно – остались на своих судах для охраны.

– Коли всё понятно – с Богом!

Вся команда ушка Корнея попала в первую половину, которая двигалась вдоль берега.

От опушки сразу припустили бегом.

На половине пути их заметили, и в деревне поднялись тревожные крики, заметались люди. Несколько чухонцев, которые называли себя саамами, бросились к лодкам. Коротко щёлкнули арбалеты, которые имелись у воинов другого ушка, и бегущие упали.

Несколько уцелевших чухонцев бросились назад, под укрытие изб.

Странные это были жилища, Алексей в первый раз видел такие. Он всегда думал, что изба «на курьих ножках» бывает только в сказках о Бабе-Яге, а здесь он увидел их воочию.

В местностях, сырых летом и снежных зимой, деревянные избы ставились на столбы. Собственно, не на столбы даже. Дерево срезалось на высоте выше человеческого роста, выкапывалось вместе с корнем и вновь вкапывалось уже на месте строительства избы. Таких опор было много, и обязательно четное количество: четыре, шесть, восемь – в зависимости от размеров избы. Для того чтобы эти своеобразные сваи не гнили, их окуривали дымом, коптели. Такие опоры назывались «обкурённые ножки», а после сокращения – «курьи ножки». В сам дом вела лестница, а под домом, в защищённом от дождя месте, лежала домашняя утварь вроде бочонков, запасных вёсел, сетей – саамы промышляли рыбной ловлей, охотой.

Ушкойники растянулись цепью, отрезав чухонцев от берега, от лодок, и стали медленно приближаться к избам.

Люди кинулись было к лесу – искать спасение в дремучей чаще, но и оттуда показалась цепь чужаков.

Женщины и дети стали укрываться в избах, запирая двери, а мужчины похватили оружие – рыбацкие ножи, кистени, дубины. Оружие незатейливое, но тем не менее смертоносное.

Но обе цепи ушкуйников сомкнулись в одно кольцо, окружив мужчин. Те сгрудились в середине деревушки, прижавшись спинами друг к другу, и смотрели затравленно. Ещё бы! Жили спокойно, ни на кого не нападали, и вдруг – чужаки с явно недобрыми намерениями. Столкновения врукопашную, большой крови ещё не было, если не считать двух убитых у лодок на берегу.

Вперёд выступил Евстафий и сказал по-русски, а потом повторил на саамском:

– Бросайте оружие, сдавайтесь. Тогда мы никого не тронем. Отдайте шкурки и серебро – и мы уйдём. Богом клянусь!

Саамы слушали и не верили. Если оружие бросить, не перебьют ли их, как бельков неразумных на льду?

Однако разум возобладал над страхом и сомнениями. Вперёд выступил пожилой рыбак:

– Шкурки отдадим, а серебра нет. Рыба есть солёная и копчёная, не продали ещё.

– Тогда скажи своим – пусть несут сюда шкуры. Только без утайки, сам проверю.

Чухонцы разошлись по жилищам с унылым видом – шкуры убитых зверей приносили им основной доход. Но все шкурки были со зверя летнего, не самого лучшего. Самый ценный мех – густой, пушистый, с подшёрстком – был зимой, и за него давали самую большую цену. Однако и сопротивляться бесполезно: чужаков больше, и они вооружены хорошо. Мужчин могут убить, и тогда племя вымрет.

Понемногу чухонцы возвращались из своих избышек на «курьих ножках» и несли с собой связки шкурок. Здесь были заячьи, и куньи, и соболиные; несколько – росوماхи, волчьи и одна медвежья.

Груда мехов на маленькой площадке в центре росла.

Наконец явился последний и швырнул шкурки песка.

Старшина деревни обвёл мужчин глазами:

– Все тут.

– Проверим. Идём со мной.

Пока они досматривали дома, Мефодий стал раскладывать шкурки на четыре равные доли – сначала заячьи, потом лисьи, куньи и все остальные. Застопорился на медвежьей. Из неё, коли выделка хорошая, славная накидка для саней получается, ни один мороз такую не проберёт.

Посомневавшись, Мефодий кинул её в свою кучу.

Остальные ушкуйники возмутились сразу:

– Уговор был – поровну, по чести делить!

– Мне что, шкуру резать, портить?

– А коли ты себе медвежью взял, нам лисьи дай, или росوماхи.

Пришлось Мефодию делить по совести.

Потом ушкуйники начали сносить шкурки на берег.

К тому времени кормчие уже перегнали ушкуи поближе к лодочным причалам. Вот почему они оставались на своих судах! Видимо, тактика сия была отработана уже давно.

Воины со смешками стали перетаскивать шкурки на кораблики. Мех – груз лёгкий, но объёмный, и сразу заполнил собой много места.

Укладываться решили позже, сейчас важно было побыстрее покинуть деревню.

Как только вернулся Евстафий и развёл руками – мол, всё выгребли, подчистую, тут же отчалили.

Отойдя вдоль берега на полчаса хода, причалили и стали укладывать трофеи в трюмы.

На трёх больших ушкуях, морских, с этим было проще. На носу и корме трюмы были, а на ушкуе Корнея был лишь один небольшой трюм, на корме. Корней сам заталкивал шкурки в кожаные мешки – они хорошо предохраняли груз от сырости – и укладывал их в трюм. Потом выпрямился и отряхнул ладони:

– С почином вас, братия! Мыслю я, по золотой деньге каждый из вас себе добыл.

Глава 5 Ворон

Ох, не стоило Корнею произносить эти слова, делить шкуру ещё не убитого медведя. С ветки дерева слетел ворон и уселся на носу ушкуя. Алексей подкормил его кусочком сухой лепёшки.

– Гнал бы ты его, колдовская птица! – посоветовал Корней.

– Пусть сидит, не объест. Всё живность, – отозвался Алексей.

Набег на деревню ему не понравился – душа претила заниматься грабежом беззащитных людей. Он был гоплитом, катафрактom, служил Византии и Владимиру Мономаху. Фактически, находясь на службе Империи или княжества, он защищал интересы не только власть имущих, но и простого народа. Даже крестоносцем был – и везде защищал веру христианскую, православную. А нынче? Ни страны за ним, ни веры. Муторно на душе. Не так он думал на кусок хлеба зарабатывать. Конечно, время сейчас такое, жёсткое, и окружающие не видят ничего зазорного в том, чтобы время от времени грабить соседей. А с волками жить – по-волчьи выть. Иначе уходить с ушкуя надо. Тут в согласии с душой и моральными принципами жить не будешь.

На судах подняли паруса, и они направились на север, вдоль побережья.

Ушкуйники были рады, довольно и возбуждённо хлопали друг друга по плечам. Поход только начался, потерь среди корабельщиков нет, трюм мехами полон – чего унывать? Простые люди, простые желания.

К вечеру они загнали ушкуи в небольшой затон. За ветвями деревьев, стоящих на берегу, вход в укромную гавань был не виден.

Четыре ушкуя почти заполнили собой весь затон. С берега по палубам можно было перебежать на другой берег.

На ночь выставили двух дозорных – всё-таки они на чужой земле. В походах службу несли исправно, за лень и нерадение наказывали строго.

Алексей, по обыкновению, улёгся на носу, накрылся кафтаном. Даже летом у саамов не жарко, а ночью с воды тянет промозглой сыростью.

Уснул он быстро, как привык со времени службы в армии, пользуясь свободным временем. И приснился ему странный сон.

Ворон, слетевший с носа ушкуя и севший рядом с ним, вдруг увеличился в размерах, принял человеческий облик, и Алексей сразу узнал его лицо – Острис!

– Что, не узнал меня в новом теле? А ведь это я, твой старый друг и побратим.

– Ты же человеком был, варвар!

– А разве ты не слышал о переселении душ? Я уже триста лет живу в теле ворона.

– Как ты меня нашёл?

– То мне неизвестно. Просто потянуло что-то из родных краёв. Если ты ещё помнишь, я из готов.

Алексей хотел ответить, да ушкуй качнуло волной, и он проснулся. Ворон сидел рядом. Так сон это был или явь? Ведь к нему никогда никакая живность не липла, в руки не давалась. А этот ворон сам прилетел, с руки ест. Ох, неспроста всё это!

Алексей повертелся на досках, устраиваясь поудобнее, потом открыл глаза. Ворон, сам чёрный, был едва виден в темноте, и Алексею стало не по себе. В мистику он не очень верил, но как тогда расценить увиденное?

Утром над водой за клубилась дымка, впрочем – ветер её быстро разогнал.

Кормчий плеснул ушкуйникам по кружке вина для согрева и поднятия настроения.

Алексей присел на борт и обратил внимание, что ворон смотрит в его кружку. Он поднёс птице кружку. Та глянула одним глазом в ёмкость, а потом запустила туда свой клюв.

Чтобы ворон винопил? Ушкуйники замерли в нелепых позах, удивлённые невиданным доселе представлением.

Ворон задрал вверх клюв, проглотил вино и потом крикнул явственно:

– Дрррянъ!

Смеялись до упаду все: вино и в самом деле было не виноградное, а яблочное, скорее – сидр.

После завтрака всухомятку – чёрствыми лепёшками и салом – снова двинулись в путь. Шли кильватерной колонной.

Кормчий оглядел берега.

– Скоро город, готовьтесь, парни.

А чего готовиться? У каждого оружие под рукой. У кого шлемы были да кольчуги – те натянули.

Алексей из защиты только щит имел, а вот хорошим оружием – шлемом, бахтерцом или кольчугой – не обзавёлся. Их надо снять с убитого врага или купить у оружейника в лавке, продав перед тем добытые трофеи. Куда ни кинь, всюду деньги потребны. Вот и получается, что деньги правят миром.

Вскоре ушки причалили к берегу, и судовая ватажка сразу устремилась на берег.

Слово взял Мефодий:

– От опушки до городских ворот не больше двух сотен локтей. Надо одним броском добежать, чтобы стража ворота закрыть не успела. А уж как вломимся – круши налево и направо.

Алексей встрял:

– Может, не так сделать? Пойдут двое или трое, без шлемов и кольчуг, а сабли за спиной можно спрятать. Спокойно подойти к воротам да стражу и снять?

Алексея неожиданно поддержал Евстафий:

– Дело говорит. Стражников сколько?

– Когда мы сюда по торговым делам ходили, двое было.

– Вот двоих и отправим. Добровольцы есть?

Пришлось Алексею шагнуть вперёд. Да и то, сам предложил – самому и исполнять.

Рядом с ним встал Никита, боец сильный. Он снял шлем, оба воина отдали щиты. Немного посоветовавшись, оставили сабли – уж больно в глаза бросаются, не спрячешь особо. Ножи боевые были. В руках человека опытного – оружие страшное, но только для ближнего, рукопашного боя.

– Ну что, охочие люди, готовы? С Богом!

Бойцы вышли на просёлочную дорогу. Город был рядом. Подошва стены городской была сложена из валунов, а выше – бревенчатая.

Алексей остановился:

– Никита, времени мало, и потому давай сразу уговоримся. Я беру на себя правого, а ты левого, чтобы не мешать друг другу.

– Верно. А если стражников больше будет?

– Всё равно. Сначала я правого, а ты левого, дальше – по ситуации.

– Понял.

– Наше дело – ворота удержать открытыми до подхода наших. Они щиты наши да сабли принесут, тогда легче будет.

– Договорились.

А ворота уже рядом. Перед ними стражник стоит – в шлеме и кирасе, с алебардой на плече. Второго стражника не было видно.

– Он мой, – успел бросить Алексей Никите. – Улыбайся, рожа у тебя злобная.

Стражник поднял руку с вытянутой ладонью. Ага, остановиться приказывает. Спросил что-то, по-фински или по-шведски – не разберёшь. Да и какая разница, если языков не знаешь.

Неожиданно ответил Никита:

– Я, я! – и заулыбался.

Стражник руку опустил, расслабился.

Никита сделал пару шагов, выхватил нож и бросился на стражника. Не по сценарию – стражник справа был. Ушкуйник ударил стражника ножом в шею и подхватил падающее тело.

В этот момент из городских ворот вышла два стражника. И откуда их только вынесло?

Не дав им времени на осознание происшедшего, Алексей одним прыжком оказался у одного из стражников, ударил его в шею раз и другой. Зато второй, явно начальник караула, поскольку имел не алебарду, а меч, отступил на пару шагов и выхватил из ножен оружие.

Алексей схватил валяющуюся на земле алебарду – всё лучше, чем с ножом на меч.

Никита сделал то же самое, и вдвоём они набросились на шведа. Судя по вооружению, это был не саам.

Тот не ступался при виде двух врагов и, размахивая мечом, сам пробовал наступать. На голове его был шлем, грудь прикрывала кираса.

– Бей в лицо и ноги! – крикнул Никите Алексей.

А стражник между ударами мечом поворачивал голову и кричал, подавая тревожный сигнал.

По узкой и кривой улочке к городским воротам бежали несколько горожан. Но и сзади нарастал топот – это мчались ушкуйники.

Если стражник успеет закрыть ворота с помощью горожан, набег сорвётся. Сил для осады не было, да и на чужой они земле. К осаждённым может подойти помощь – как по суше, так и по морю. Фактически сейчас у ворот решалась судьба всего набега.

Первым добежал до ворот один из горожан.

– Никита, он твой! – успел крикнуть Алексей.

Ушкуйник бросился на шведа, у которого в руках была только увесистая палица. Но алебарда была длиннее, и Никита смог ударить горожанина остриём.

А стражник, яростно размахивая мечом, наступал на Алексея, пытаясь вытеснить его за линию ворот. Он надеялся, что горожане успеют подбежать быстрее, захлопнуть створки ворот и опустить кованую решётку.

Алексей с трудом отбивался алебардой. Это оружие стражников, неудобное для ближнего боя.

От ударов меча от древка алебарды летели щепки. Ещё пара ударов – и древко просто переломится.

Сдерживая натиск, Алексей пятился, но запнулся о тело убитого им стражника, едва успев опереться на древко алебарды, как на посох. На мгновение отвлёкшись, он с ужасом увидел вдруг, как швед занёс над ним меч.

Вдруг сверху метнулось что-то чёрное и ударило шведа в лицо – это на противника Алексея кинулся ворон. Он с ходу, с лёта клюнул шведа в глаз.

Тот закричал и схватился за лицо, но эта секундная заминка стоила ему жизни – сбоку его ударил в шею алебардой Никита.

Стражник упал, обливаясь кровью, а ворон, хлопая крыльями, взмыл вверх.

В это время к воротам подбежали ушкуйники. Ситуация сразу переменялась, и они толпой помчались по улице.

Горожане, спешившие к воротам, вмиг оказались вырезаны, забиты, затаптаны. А ушкунники, как ветер, неслись вперёд.

У небольшой городской площади немногочисленная городская стража, выстроившись жиденькой цепочкой, попыталась дать отпор. Город явно сэкономил на стражниках, полагаясь на прочность городских стен.

Нескольких стражников сразу выбили арбалетами, другие побросали оружие – слишком очевидно было неравенство сил.

Никита и Алексей держались позади атакующих. Главное они сделали: захватив ворота, удержали их до подхода своих. Да, собственно, после того, как сопротивление стражи было сломлено, никто из горожан не пытался стать героем. Они заперлись в своих домах, думая отсидеться.

Мефодий с воинами вытащил из здания городской ратуши бургомистра городка, мужчину преклонных лет.

– Все жители останутся живы, если не попытаются напасть. И, кроме того, горожане должны собрать и принести сюда, на площадь, все деньги и украшения. И не вздумайте нас обмануть!

Для убедительности Мефодий приставил к горлу бургомистра нож. Швед боялся шевельнуться, опасаясь порезаться.

– Пошевеливайся!

Бургомистр, взяв из ратуши помощников, начал обходить улицы. Чтобы жители не бежали, у обоих городских ворот встали по два ушкунника.

Только через пару часов на площадь заявили помощники бургомистра. Они несли мешки с деньгами, в основном – серебром. Да и немудрено, в этих местах были серебряные рудники, и серебряные монеты встречались в обращении значительно чаще золотых. Были и украшения вроде височных колец, перстней, цепочек и ожерелий.

У Мефодия, заглянувшего в один из мешков, жадно блеснули глаза.

Видимо, и Мефодий, и Евстафий как руководители набега сочли, что добыча достаточная. По домам ходить они не стали – это заняло бы слишком много времени.

– На причал, парни! Сегодня у нас славная добыча! – Мефодий вскинул над головой один из мешков, зазвеневших драгоценным металлом.

При этих словах новгородцы взревели от восторга.

Испуганные воплем, с крыши взлетели воробьи, и только один ворон сидел, нахохлившись, на высоком заборе и косил глазом.

Ушкуи уже стояли у пристани, и ватажка шустро погрузилась.

– А добыча где? – сразу спросил Корней.

– В мешках, на судне Мефодия, – ответил Тихон.

Корней в сердцах выругался:

– Пустили козу в огород! Он же уполовинит всё!

Однако надо было отплывать, и причём как можно быстрее. Горожане могли послать конного гонца в соседний город или подать сигнал тревоги другим способом. Скажем, разжечь костёр и пускать дым через определённые промежутки, накрывая костёр рогожей, – так делали многие племена: половцы, печенегы, татары, славяне, варяги.

Ушкуи отошли от берега, подняли паруса и направились на юг, через Неву, к Новгороду, домой.

До вечера они шли спокойно, и только когда стало смеркаться, пристали к берегу. Принайтивали ушкуи к близлежащим деревьям прочными пеньковыми канатами.

Кормчие собрались делить добычу, ратники стояли в отдалении. Сейчас бы костёр развести, горяченькой похлёбки поесть, да выдавать себя нельзя, в сумерках и ночи костры

хорошо видны. Но и всухомятку питаться, сидеть на сале, сухарях и вяленой рыбе тоже надоело. И они тешили себя скорым возвращением.

Никита толкнул Алексея:

– Ворон-то у тебя, можно сказать, боевой. Видел я, как он тебя выручил, в самую трудную минуту помог. Ты правда его не приручал?

– Правда. Он сам меня нашёл.

– Занятно. Продай его мне.

– Ещё чего! Да после сегодняшнего я его отборным зерном кормить должен!

– Верно. В первый раз такое вижу. Скажи кому – не поверят.

– Вот и не говори.

Кормчие договорились и начали считать и складывать в четыре мешка монеты и украшения. Но пока судили-рядили, наступила темнота, делёж добычи прервали до утра, и разочарованные ушкуйники разбрелись по кораблям. Наскоро поев, они улеглись спать.

Ночью поднялся ветер, переросший к утру в ураганный. На море разыгрался настоящий шторм, волны накатывались метра по четыре, и о выходе в море нечего было и думать.

Во избежание повреждений команды дружными усилиями вытащили ушкуи на берег до половины корпуса, и кормчие принялись довершать делёж. Но если с монетами всё шло гладко, без споров, то с разделом украшений долго рядились. Хорошо было бы их взвешивать, но весов ни у кого не оказалось, поэтому прикидывали ориентировочно, на глаз. И хоть разделили добычу поровну, однако все кормчие остались недовольны, каждый чувствовал себя обделённым.

Так и просидели они весь день у судов, поглядывая на бушующее море.

За ночь ветер стих, волнение почти успокоилось, только бежала крупная рябь.

Кормчие дали команду сталкивать суда на воду.

Навалились дружно. Все ратники по очереди окружали каждый ушкуй и толкали его к воде – после шторма вода отступила от берега. Корпуса были недалеко от воды, но оказались на суше полностью, а не наполовину, как вчера.

Времени и трудов ушло много, новгородцы выдохлись. Они рубили деревья, делая из них катки, которые подсовывали под киль, и помогали слагами.

Когда столкнули суда на воду, миновал полдень, хотя все проснулись рано, едва забрезжил рассвет.

Все молча погрузились в ушкуи и подняли паруса. Кормчие стояли у рулевых вёсел, многие лежали на скамьях, отдыхая. Земли чужие, а они с набегом пришли; потому надо уносить ноги.

Но вчерашняя задержка из-за шторма сыграла роковую роль.

Часа через два хода ворон, сидевший на верхушке мачты, каркнул.

Алексей сразу сбросил сонное оцепенение, приподнялся со скамьи и обвёл взглядом горизонт. Вдали виднелось что-то чёрное. Парус?

Алексей показал рукой кормчему:

– Корней, никак – корабль?

Тот поднял ладонь козырьком к глазам, всмотрелся:

– Точно, судно.

Он достал из-за пазухи небольшой рожок и подудел в него, давая сигнал остальным ушкаям.

Дудка подняла всех – это был тревожный сигнал. Далёкие паруса теперь увидели все. В этих водах ходили шведы либо корабли Ганзы. Если это любекские купцы, то не страшно, а вот если шведы? Наверняка жители ограбленного городка успели сообщить властям, а те отрядили погоню. Корабли у шведов хорошие, мореходность их высокая, да и воды они знают как свои пять пальцев.

Кормчие скомандовали «На вёсла!»). Конечно, вёсла добавят ходу, но Алексей в душе приказ кормчего не одобрял. Все и так вымотались, спуская суда с берега на воду, а теперь ещё на вёслах корячиться будут. А доведись воевать? Да ещё если корабль не один? Силы надо было беречь, поскольку в Неву войти они всё равно не успеют.

Ушкуйники гребли что есть мочи, тем не менее не забывая поглядывать вправо. С левой стороны тянулся берег, справа приближались паруса, и ушкуйники поняли, что с судна их заметили, поскольку корабль изменил курс и теперь шёл им наперерез.

Алексей раздумывал. В морских схватках он не участвовал, такой поход у него первый. Не разумнее было бы в таком случае пристать к берегу? У корабля осадка больше, и к самому берегу он подойти не сможет. Пушек на корабле нет, и, стало быть, шведам остаётся только десант.

За кораблём на буксире обычно идёт небольшая лодка: капитана на берег высадить, депешу в порт отвезти – да мало ли какое поручение выполнить. В такой ялик людей много не войдёт – пяток, не больше. Потому небольшой десант перебить легко. И, по мнению Алексея, это лучший вариант. По суше подмога к шведам быстро не подойдёт, а ночью корабль и самим атаковать можно, на абордаж взять.

Только вот мнения Алексея никто не спрашивал. Новичок, что с него взять? Да ещё с вороном дружбу водит.

Потому гребли. Алексей не знал всех тонкостей, а кормчие стремились достичь отмелей. Там корабль пройти не сможет, а у ушкуя осадка полметра всего, и днище плоское, есть шансы проскочить.

Корабль меж тем неуклонно приближался. Вскоре стали видны не только паруса, но и корпус. На корме судна болтался флаг.

Глазастый Иван всмотрелся:

– Корней! – прозвучал его крик. – Шведы! Как есть шведы!

Ушкуи сблизилась и шли почти борт к борту. Чтобы случайно не сломать вёсла, ушкуйники бросили грести и уложили вёсла на борт.

Кормчие стали советоваться, принять бой или пристать к берегу? К отмелям, где корабль не пройдёт из-за осадки, они уже явно не успевали.

Решено было идти, насколько возможно, а при сближении с кораблём разделиться на два судна и брать корабль на абордаж сразу, с обоих бортов.

Команда шведского судна довольно небольшая – вроде немецкого когга, и по численности не превышала количество самих ушкуйников. Но борт корабля выше, и на него ещё взобраться нужно. К тому же атакующая сторона всегда несёт потери бóльшие, чем обороняющаяся, – это старая воинская истина.

Кормчие решили, что шведский корабль всё равно не отстанет, даже если они высадятся на берег.

А время работало против новгородцев. Шведский корабль имел хорошее парусное вооружение – две мачты и парус на бушприте, поэтому по скорости хода превосходил ушкуи. Строить корабли шведы всегда были мастера.

Прошёл ещё час. Ушкуи шли под парусами и вёслами, но гребцы уже заметно подустали. Судёнышки делали не меньше пятнадцати узлов, но шведы приближались, и уже хорошо были различимы их лица и форма на моряхах. Дистанция сократилась до кабельтова, по сухопутному – немного меньше двухсот метров.

Кормчие решили – пора! На всех ушкуях прозвучали дудки, и раздалась команда:

– Суши вёсла! К бою готовь!

Вёсла тут же были уложены, ратники стали надевать шлемы и кольчуги, опоясываться саблями.

Алексей саблю взял в руки, не надевая ножен. Бой предполагался на море, и если случайно в воду упадёшь или столкнут, шансов выплыть у обременённого железом не будет.

Ушкуи, как по команде, стали разом, дружно, поворачивать направо, мористее.

На «шведе» манёвр заметили, зарифили паруса. По палубе и реям засуетились матросы, то и дело слышалась трель боцманской дудки. Шведы правильно поняли манёвр ушкуйников, и теперь им надо было успеть спустить паруса, разобрать оружие и готовиться к бою.

Пройдя ещё немного по инерции, корабль потерял ход. Вдоль бортов выстроились моряки.

Ушкуйники же сделали обманный финт. Они прошли мимо корабля, почти впритирку, и те, кто имел арбалеты, сделали залп. До самого abordжа дело ещё не дошло, а команда «шведа» уже понесла потери.

– Парус спустить! Левый борт – гребни!

Ушкуи развернулись и подошли к кораблю с двух сторон. Новгородцы закинули на корабль кошки и подтянули концы, фактически намертво скрепив «шведа» с ушкуями. Ушкуйники кинулись на корабль.

Шведы пытались рубить и колоть abordжными саблями, короткими пиками. Находясь выше ушкуев, на устойчивой палубе, они имели несомненное преимущество. Ушкуйникам же приходилось взбираться на борт чужого корабля, держа сабли или ножи в зубах. Однако новгородцы имели большой опыт ведения боёв – и на суше, и на море.

Алексей подтянулся по верёвке от кошки, схватился за планширь и перевалился на палубу. К нему, размахивая саблей, метнулся моряк. Видимо, его учили сабельному бою, но приобрести опыт он ещё не успел. Он вертел саблей, но как-то неуверенно.

Алексей успел выхватить изо рта саблю и начал ею отбиваться. Только вот пространства для манёвра не было, за его спиной находился фальшборт.

Моряк надеялся на силу и частоту ударов и бил, как молотилка.

Алексей пока отбивался, но смог улучшить момент и нанёс противнику удар в живот. Моряк упал.

Рядом кипел бой. Все перемешались, хаотично перемещаясь по палубе.

Слева грянул выстрел. На корме, рядом с рулевым колесом, стоял офицер с пистолетом в руках – дым ещё вился вокруг него.

«Капитан или старпом, – сообразил Алексей. – И пистолет разряжен, самое время напасть». Он взбежал по крутому трапу на кормовую надстройку.

Офицер выхватил саблю и принял вычурную позу: левая рука согнута в локте и поднята, ноги тоже полусогнуты. Ну прямо французский бретёр!

Офицер выжидал, пока Алексей нападёт первым.

Алексей сделал один выпад, другой – офицер ловко их отбил.

С противоположного, правого, трапа ворвался ушкуйник с огромной секирой в руке.

– Чего ты с ним цацкаешься? Вот как надо! – он ударил офицера.

Тот попытался прикрыться саблей. Звякнуло железо, и сабля в руках шведа переломилась у рукояти, а лезвие секиры вошло офицеру в грудь. Швед упал, подломившись в коленях, а ушкуйник спрыгнул на палубу, где всюду кипел бой. Алексей последовал за ним.

Шведы сгруппировались и стали отступать к носу корабля. Их оставалось не больше полутора десятков. Палуба была скользкой от крови и завалена телами убитых – потери понесли обе стороны.

Ушкуйники дрались остервенело – у них не было выбора. Или они добьют шведов и вернутся домой, или сложат головы здесь. Шведы же формировали армию и флот из рекрутов, и насильно завербованный не имел такой мотивации, как вольный.

Схватка ещё продолжалась, но исход был ясен обеим сторонам.

– Сложите оружие и сдавайтесь! – закричал Мефодий.

Моряки побросали оружие и подняли руки.

– Руки мараť не будем. Посадите их в лодку, что за бортом болтается, пусть гребут к берегу.

Десяток оставшихся в живых шведских моряков уселся в маленькую лодку. Она была перегружена и едва не черпала бортом воду. Но до берега было недалеко, и лодка успешно дошла.

Ушкуйники перевели дух и стали советовать, что делать с кораблём. Бросить такой трофей – негоже. И тут кто-то закричал:

– Вижу ещё корабль! К нам идёт!

Все повернули головы.

За боем никто не следил за окружающей обстановкой. Меж тем к месту боя спешил ещё один шведский корабль, значительно крупнее.

– Уходить надо!

Алексей побежал к камбузу на нижней палубе. Никита решил, что он хочет пошарить по кубрикам в поисках трофеев, но Алексей искал масло и угли. Если уж ушкуйники вынуждены будут покинуть корабль, так пусть он не достанется шведам.

Масло нашлось в больших кувшинах. Алексею было всё равно, какое оно – оливковое, конопляное, льняное. Главное – оно горит.

Он с трудом втащил по трапу скользкий от масла кувшин, видимо, кок был изрядный неряха. Опрокинув кувшин на палубу, он стал толкать его ногой – жидкое масло струёй лилось на доски.

Никита, сидевший на планшире, понял задумку и прокричал что-то своим в ушкуе.

Алексей снова побежал на камбуз.

В небольшой каменной печке, стоявшей на большом медном листе, горел огонь. Но не голыми же руками его брать?

Алексей схватил сковороду, зачерпнул ею горящие угли и побежал по трапу на верхнюю палубу. Запнувшись о ноги убитого шведа, едва не упал и с размаху широким веером рассыпал угли на доски.

Сначала ему показалось, что масло не загорелось. Потом появились небольшие языки огня, копоть. Масло горело неохотно, но с каждой минутой занималось всё сильнее и сильнее.

– Лёха, ты что, сгореть решил? – закричал Никита. – Драпаем отсюда!

Алексей подбежал к борту, но тут же резко развернулся – уж больно была хороша валявшаяся на палубе секира. Схватив её, он перевалился через борт. Ушкой приподняло волной, и прыгать почти не пришлось – он практически встал на его борт и спрыгнул на дно.

– Руби концы, отходим! – закричал Корней.

Обрубили верёвки от кошек, которые держали ушкой рядом с кораблём шведов, и оттолкнулись от него вёслами. Вроде и задержался Алексей ненадолго, однако три ушкуя новгородских уже на кабельтов ушли. А вот второй шведский корабль изрядно приблизился. Чёрт, как не вовремя он появился! А взять «шведа» в качестве приза – было бы просто здорово, он немалых денег стоит.

– Ставь паруса!

Подтянули шкоты, и прямоугольный парус взмыл вверх. Перед форштевнем зашипела вода.

– Это что же, мы двоих потеряли? – сокрушённо покачал головой Корней.

– Мы ещё легко отделались, на других ушках потери поболее наших будут. Я двенадцать мёртвых насчитал, – отозвался Никита.

– Со шведами вместе?

– Зачем они мне? Новгородцев!

Корней с беспокойством обернулся назад. «Швед» уже явно дымил. Пламени видно не было, но это вопрос времени. А новый преследователь стал намного ближе, и с сильно поредевшей ватажкой отбиться от него будет очень трудно. А ведь наверняка ещё и раненые есть.

– Эх, до отмели не успеем, – с досадой сказал Корней. – Ну ещё немного бы!

Ветер был устойчивый, попутный, но он помогал не только ушкуйникам, но и преследователю.

Алексей перебрался к Корнею:

– У меня план есть.

– Говори, я весь внимание.

– Мне бы пару добровольных помощников. Хочу вернуться на «шведа», распустить паруса и...

– Погоди, он же горит... Твоими усилиями, между прочим, – перебил его Корней.

– Ну, большого пожара на «шведе» ещё нет. Мы направим его на преследователя и устроим столкновение. Хорошо бы сцепиться, чтобы и другой корабль загорелся. В любом случае при ударе преследователь повреждён будет, не до нас ему станет.

– Хм, а вы как же?

– Вот! Вы за нами пойдёте. Если всё удастся, как задумали, вы нас подберёте. А если нет – уйдёте.

Корней задумался, потом махнул рукой:

– Выбора нет. Эй, зарифить паруса, поворачиваем!

Ушкой сбросил ход и стал разворачиваться.

С других ушкуев манёвр заметили, раздались тревожные крики. Новгородцы махали руками и показывали на преследователя – куда, мол, Корней, лезешь? Сомнут ушкой!

Кормчий коротко объяснил команде задумку Алексея.

На ушкуе повисла тишина. Погибнуть в бою – смерть геройская, а стореть на чужом корабле? Такая перспектива пугала.

– Чего задумались? Мы за вами пойдём! После тарана только продержитесь на воде немного, а уж мы вас подберём, не бросим. Слово даю!

Первым встал Никита – собственно, именно на него и рассчитывал Алексей. Новгородец снял шапку и ударил ею о днище ушкуя:

– Эх, где наша не пропадала! Алексей, я с тобой!

– И я! – поднялся со своего места здоровяк Иван.

У Алексея отлегло от сердца – один он бы не управился.

Все трое сняли сапоги, пояса. Оружие брать с собой не требовалось, а вот облегчить себя – обязательно, те же сапоги плыть помешают. Может быть, и другие согласились бы, только плавать не все умели. Это уж потом Алексей с удивлением узнал, что корабельщики в большинстве своём воды боялись и не плавали. Потому как считалось, что в воде русалки живут, и водяные. Они под воду человека утянуть могут, на веки вечные пленником своим сделать. Суеверия эти старые, ещё языческие, но принятие православной веры их не изменило.

Подшли к «шведу». От него уже валил густой серый дым, кое-где проблескивали языки пламени. А главное – доносился отвратительный запах горячей человеческой плоти.

Забросили на борт единственную оставшуюся кошку. Никита и Алексей взобрались на борт «шведа». Иван вдруг упёрся:

– Простите, братцы, не могу, мертвяки же горят...

Чёрт, сам вызвался и струхнул. А вдвоём никак не управиться.

Однако тут же поднялся Тихон, разделся до исподнего и молча забрался на борт «шведа».

– Помогите развернуть посудину, – попросил Алексей.

Верёвку от кошки привязали к корме ушкуя, и оставшиеся новгородцы сели на вёсла.

Медленно, мучительно долго разворачивался корабль. Да и то сказать, гребцов четверо всего было. От напряжения жилы на лбу вздувались, едва не лопааясь.

– Ну, парни, слушать мои команды! На мачту, распустить паруса! Нам надо набрать ход!

Сам же, опасаясь наступить босыми ногами на огонь, пробежал на корму, к штурвалу.

Никита и Тихон, как более опытные мореходы, кинулись не к мачте, а к бушприту. Это был носовой косо́й парус, и они расправили его в первую очередь, поскольку он позволял судну слушаться руля.

Потом парни стянули с убитых сапоги, иначе к мачте подобраться было нельзя. Доски палубы уже горели, куда тут босиком? Получалось мешкотно, но ведь их было всего двое. Пока рифы распустили на одном парусе, потом поднялись вверх и другой задействовали.

«Швед» набирал скорость. Ветром относило дым в сторону, но временами его сносило на корму, и тогда на надстройке нечем было дышать, и ничего не было видно.

Однако парни сделали своё дело.

– Всё, братцы. Низкий вам поклон, вы свою работу выполнили. А теперь оба за борт.

– А вдруг тебе...

– За борт! – заорал Алексей и сделал страшное лицо.

Оба ушкуйника перекрестились и спрыгнули за борт.

Шедший в полусотне метров сзади ушкой сбросил ход, гребцы тут же подхватили Никиту и Тихона за руки и втянули на судёнышко.

Огонь разгорался, доски палубы уже трещали, пламя проникло на нижнюю палубу, и из щелей валил дым. Ногам было уже тепло.

«Не изжариться бы здесь самому», – подумал Алексей, стягивая с убитого офицера сапоги. Их подошва была из свиной кожи, толстая. Но натянул он их на себя с трудом, поскольку малы оказались и жали настолько сильно, что пришлось поджимать пальцы. Алексей успокаивал себя тем, что мучиться ему недолго. До преследователя уже рукой подать, два кабельтова, не больше. И сближались корабли быстро, находясь на встречных курсах.

Шведский капитан понял, что навстречу ему идёт настоящий брандер. Столкновение и пожар – вот что ему грозило. Он стал поворачивать корабль. Но тот был крупнее и тяжелее горящего корабля, команда была многочисленнее, и, следовательно, инерция была больше.

Алексей теперь боялся одного: за дымом, от которого уже щипало в глазах и они слезились, он не сможет ударить по подвижной цели. К тому же вращать тяжёлый штурвал надо было с упреждением. Сначала поворачиваешь его, а только через полминуты нос начинает уходить в сторону.

Пламя уже бушевало всюду, занялась мачта. Лишь бы огонь не добрался до парусов. Тогда судно потеряет ход, и вся затея выйдет пшиком, он только ушкуйников подставит. Пока его самого спасало от огня то, что он находился на кормовой надстройке. Сюда огонь ещё не взобрался, хотя вся палуба была уже объята пламенем.

«Швед» почти развернулся, но Алексей с удовлетворением отметил, что не успевают они, догоняет их горящий корабль – ведь «швед» на манёвре потерял скорость. Алексей направил свой брандер носом точно в корму «шведа». Когда уже стало понятно, что таран неизбежен и до него остались считанные секунды, он бросился за борт.

Ушёл под воду глубоко и уже там услышал сильный треск. Вынырнув, увидел, как подточенная огнём мачта подает на палубу «шведа». До него донёлся удар, крики... Теперь два корабля сцепились, как два лося рогами по весне, в брачных играх.

Саженками Алексей поплыл к ушкую. Его подхватили и буквально выдернули из воды.

– Ты как?

– Жив!

– А волосья твои где?

Недоумевающий Алексей провёл руками по голове. Только редкие кустики волос остались, остальные сгорели. Когда и как это произошло, он даже не знал.

– Чего встали? На вёсла и разворачиваемся! – скомандовал Корней.

Алексей уселся на скамью и стянул с себя офицерские сапоги. Подошва, хоть и была толстой, местами почти прогорела. Однако босиком он бы точно не устоял на мостике, у руля.

Под парусом и на вёслах они отошли от «шведов» на пару кабельтовых.

– Суши вёсла!

Все гребцы и сам Корней обернулись назад.

Оба корабля сцепились и горели. У брандера уже прогорела обшивка, и были видны шпангоуты. Другой «швед» только начал гореть, но с него в воду уже прыгали моряки. Корабль был деревянным, горел быстро, и потушить его было почти невозможно. Горящая мачта, рухнувшая на него, сделала своё дело.

Пожар на корабле в море – страшная картина. Вокруг полно воды, но пожар не потушить.

Ушкуйники счастливо улыбались.

– Чего лыбьтесь? – охладил их радость Корней. – Алексея благодарите! Кабы не он, так «швед» нас просто потопил бы! На вёсла, своих догонять надо.

Команды трёх ушкуев, покачивающихся на волнах, никуда не уходили, наблюдали за действием издалека и встретили возвращавшихся восторженными воплями.

Плыли спокойно, под парусами, уже до вечера. Хоть силён и многочислен шведский флот, но он потерял сегодня два корабля. И вряд ли тут, в этих водах, будет находиться ещё один.

Ночевали на берегу, уже за отмелями. На стоянке подходили к Алексею, хлопали по плечам и спине, выражая этим своё восхищение.

А к вечеру следующего дня они уже вошли в Неву. Потом Ладога, Волхов и, как награда, – Великий Новгород.

Едва увидев сияющие купола Святой Софии, ушкуйники разразились ликующими криками. Поход завершён, есть трофеи!

Алексея же возвращение не радовало. Во-первых, исчез ворон, и произошло это при захвате ушкуями первого корабля. Куда он делся, Алексей не видел. Он пошёл вместе со всеми на абордаж, потом – бой, суматоха... На то, что ворона нет, он обратил внимание уже после тарана брандером «шведа». Спросил кормчего, ушкуйников – те только плечами пожали. До ворона ли, когда своя жизнь на волоске висела?

И ещё одно беспокоило в душе. Раньше, во время попадания его в Византию, к Владимиру Мономаху, он служил императору, князю, был на службе государевой, считая это занятие почётным, нужным, важным для себя, государя, державы и веры православной.

Да, потоплены два шведских корабля с командой, для короля Швеции – потеря ошутимая. Но ведь получилось случайно. Не столько шведской короне хотели насолить, сколько свою жизнь спасали. А по большому счёту, кто он теперь? Да разбойник с большой дороги! Обобрали саамскую деревню, разграбили город. Конечно – не бесчинствовали, не убивали всех, кто на глаза попадался, не насиловали, Боже упаси... Но мелко как-то, лишь бы мощну

свою набить. Да, многие сейчас так живут и считают, что нормально. Вон ушкуйники – как радостно вопили, увидев Святую Софию. А как же десять заповедей Христа? «Не убий», «не укради»? Все считают себя православными, в Бога верят, в церковь ходят, крестятся. А меж тем команды не в полном составе вернулись, с четырёх ушкуев двенадцать человек положили за золото-серебро.

И чем больше Алексей размышлял, тем яснее понимал – с ушкуйниками ему не по пути. Вот если бы они многими судами на Сарай, столицу Ордынскую, двинулись – тогда другое дело. И трофеи были бы, да и потрепать татар следовало. Обнаглели ведь, едва ли не каждый год набеги на русскую землю совершают, бесчинства творят, в полон, в рабство ужасное, вечное, людей угоняют. Возвращаются из него единицы, да и то те, кого родня выкупить сможет. Но даже таких случаев – единицы, по пальцам двух рук пересчитать можно. Кому нужна девка, с которой весь аул спал?

Да и деньги собрать тяжело, посредников найти. Так и гибнут русские в плену на тяжёлых работах, от голода и холода. Зачем татарину о рабе ничтожном заботиться, если он в следующем набеге других возьмёт, полных сил и не истощённых? А и умрёт если, не велика беда: Русь рядом, и она необъятна.

Не знали ушкуйники, что часть команды протараненного и потопленного судна спаслась, и уже через два дня король шведский узнаёт, что именно ушкуйники разбой учинили. Возмущённый, в ярости от нарушенного договора, уже следующим днём король пошлёт послов в Москву и Новгород с требованием найти и сурово наказать обидчиков.

Василий Тёмный отпишется, что-де Новгород – сами по себе вольница, не хуже казаков, сладу с ними нет, не государевы они люди. В Новгороде посадники пообещают наказать, как и писано королём – сурово. Только пусть людишки с корабля укажут, что за ушкуи были, точно ли новгородские? Али псковские, али иные какие?

В гневе король шведский приказал выставить в море, у берегов кораблей вдвое больше прежнего, да живота не жалеть, ежели ушкуйники с непрошеным визитом пожалуют.

Меж тем ушкуи причалили в сторонке, на краю пристани. Шкурки кормчий пообещал скорнякам выгодно продать, а деньги по-братски поделить. Серебро и драгоценности делили тут же.

Убитым долю выделили, как живым. Положено так было, семьям надо помочь.

– Алексей, тебя-то где искать? – спросил его Корней.

– Да на прежнем постоялом дворе. Надеюсь, не сгорел он ещё, – пошутил Алексей.

– Типун тебе на язык! Завтра к вечеру жди, выручка за шкурки будет. Или мехами возьмёшь?

– Зачем они мне?

– И я тако же думаю. Ну, бывай. И о походе славном – никому, ни единой живой душе, даже спяну. Мои-то парни уже учёные, язык за зубами держать умеют.

– Не малец неразумный, знаю.

– Удачно ты в нашу судовую команду попал. Саблю-то все знают, с какого конца держать, удалых в Новгороде – каждый второй. А вот умишком Бог многих обделил. Ты же на ходу ситуацию разрулил. Даже мне в голову такое не пришло бы. Тебе бы воеводой быть.

– Был уже, – сорвалось у Алексея.

– Да ну! А чего же молчал? Где, под чьей рукой?

– Говорить не хочу, время не пришло.

– Ага, понял. То-то я смотрю: странный ты какой-то. Вроде как все, но есть у тебя...

Кормчий покрутил в воздухе кистью, подыскивая подходящее слово:

– ...стержень, что ли. Вроде как ты наперёд знаешь, что делать. Редкое по нынешним временам качество. И птица при тебе...

– Да ты философ, Корней.

– Это кто ж такой? Слова такого не слыхал, хотя по-немецки разумею, и на свейском хоть и не говорю, а понимаю.

– Мыслитель.

– Вона как? А что? Голова для этого человеку дадена – чтобы мыслить.

Мешки со шкурами Иван и Тихон уже домой к кормчему унесли. Заторопился и он. В руке – мешочек небольшой кожаный с серебром. Впрочем, и у Алексея такой же.

Лёгкий металл серебро, золото в подобном мешке руку бы оттягивало. Но в эти времена серебро не меньше золота ценилось. На Руси своих драгоценных металлов не добывали пока, и торговля с иноземными купцами была единственным путём пополнить запасы. Хотя позже чего только в стране не найдут – от железа до золота и алмазов. Но всему свой черёд.

Алексей снял комнату на прежнем постоялом дворе. Зачем искать другой, если здесь кормят вкусно? Да и жить спокойно, поскольку гости – люди солидные, купцы из других земель. Это у торга номера снимают приезжие мастеровые да прочий подлый люд, пьют, дерутся и шумят.

Только тот, кто долго путешествовал, жил в отрыве от цивилизации, может оценить мягкую, сухую и тёплую постель, вкусную и горячую похлёбку; а также спокойствие в сравнении со временем, когда напряжение не отпускает ни днём, ни ночью, когда любое встречное судно или просто всадник может оказаться врагом.

Алексей забросил скудные пожитки в свою комнату и спустился в трапезную. Заказал себе щедрый ужин: щи с заячьими потрошками, жаренную целиком курицу и пироги с вязигой. А для завершения аппетитного натюрморта – кувшин пива. Обжорой он не был, ужаренная на вертеле курица была размером с голубя – не было тогда бройлерских кур величиной с индюка. Да и сидеть в трапезной он намеревался весь вечер, торопиться некуда. Новые лица, слухи городские – всё интересно.

Уже когда глаза начали слипаться, он поднялся к себе в комнату. Эх, красота! Сбросив одежду и сапоги, он упал на матрас и сразу же захрапел.

Утречком – на торг за новым исподним и рубашкой, а потом в баньку. Ух, удовольствие великое – смыть с себя многодневную пыль и грязь, чтобы кожа дышала. После баньки покажется – помолодел лет на пять, кровь в жилах заиграла. Теперь бы с девкой побаловаться! Гулящих девок полно. Угостил пивом, дал пятак – твоя! Только вот сердце не лежало к таким забавам, сразу подцепить опасался. И вши да блохи – самые безобидные из них.

К вечеру на постоялый двор Корней заявился слегка хмельной, довольный, рот до ушей.

– Именины у тебя, Корней, что ли?

– Ха! Что такое именины? Только голова на следующий день болит! Я шкурки выгодно продал. Договаривался со скорняками, а у меня всё оптом немцы купили, цену хорошую дали.

Корней бросил на стол маленький, в ладонь всего, мешочек из сукна.

– Твоя доля. Сочти!

Алексей высыпал монеты. Восемь рублей серебром. Для этой жизни вполне неплохо, коня с седлом и сбруей купить можно.

– Ты чего кислый такой?

– Да после вчерашнего, – соврал Алексей.

– Имеешь право! Ха-ха, вы все сегодня как стоворились. Я у Никиты был, у Тихона – дух от них тяжёлый. Набрались на радостях. Живые вернулись, ни одной царапины, да ещё с трофеями. Удачный поход! Парни говорят, что ты везучий. В прошлый поход с нами Никодим, новичок, ходил, упокой Господь его душу. Веришь, нет ли – всё наперекосяк пошло. Как по пословице: «За шерстью пошёл – сам стриженный вернулся». Может, пойдём, выпьем? Полечишься!

– Слышать о ней не могу.

– Ох как я тебя понимаю! Я вот с возрастом меру знать стал. Главное – пиво и вино не мешать.

Корней осмотрел комнату Алексея, увидел новые приобретения – рубаху, пояс кожаный.

– Молодца, времени даром не теряешь. А и правильно это, чего в обносках ходить, коли деньга в калите звенит. Неделю, может – десять дён отдыха даю. Вина попьешь, девок потискаешь.

– А потом?

– Потом вместе с другим ушкуем в Пермский край идём, пермяков потрясём немного. Говорят, там меха ценные – рысь, соболь, горностаи. И едва ли не у каждого охотника. Раньше бы пошли, да теперь двоих, а то и троих в команду подбирать надо.

– Тогда четверых.

– Это почему?

– Не пойду я с вами более.

Алексей и сам не понял, почему он так сказал. Сказать, что уж совсем неожиданно? Похоже, думал об этом всё время, пока возвращались. Обмозговывал, даже когда в бане мылся или трапезничал. А теперь решение сразу пришло.

Корней оторопел:

– Разве мы обидели тебя чем?

– Нет, Корней, с вашей стороны никаких притеснений не было. Я сам решил, не по мне такая жизнь.

– Ну, как знаешь. Коли передумаешь, дай знать. Жаль!

Глава 6 Рязань

Сокрушённо покачивая головой, кормчий ушёл. Не понимал он Алексея. Набег удачный получился, и лучше бы хотелось, да некуда. Деньги хорошие взяли, а с таким удачливым и опытным бойцом и это не предел. Но насильно мил не будешь.

Решение своё Алексей высказал Корнею во время разговора, но это было уже обдуманное, осознанное решение, которое он принял раньше. И на душе сразу стало легче.

Был за ним должок, на рязанской земле. Дружинники рязанские полегли на заставе у засечной черты, он один чудом выжил. Да и умер бы, как и остальные, если бы не москвичи. Сыном боярским стал. Почётно, не холоп, не простолюдин. Но Боярин Кошкин погиб вместе с другими от руки ногайца или татарина. Поэтому Алексей решил вернуться в имение боярское. Детей у боярина не было, но супруга Аглая была. Вот он при ней и будет. И воинскую повинность отбывать будет, как и должен сын боярский. Тогда он и честь, и достоинство своё сохранит, и на душе спокойнее будет – всё лучше, чем разбойничать.

Алексей повеселел – теперь у него есть цель в жизни.

Он собрался на торг. Кошкин дал ему коня, оружие, броню – вот и явиться в имение его, пред глазами супружницы, он обязан в таком же виде. Тем более что есть деньги всё это приобрести. Конечно, практичнее было бы добраться до рязанских земель на корабле, быстрее и спокойнее. Но в Новгороде оружие качественное, из немецкой стали – как и ножи, и кольчуги. Шлем опять же нужен. Да и к коню привыкнет за дальнюю дорогу.

С утра Алексей отправился на торг, в первую очередь – по оружейным лавкам. Какого оружия тут только не было! У него даже мысль мелькнула – вот бы сюда современного полицейского! Возмущённый увиденным, он бы дар речи потерял. Во-первых, горожане с ножами в открытую ходят. На поясе небольшой, по местным меркам, обеденный нож с лезвием сантиметров пятнадцать – он и нож, он же и вилка. Рядом боевой нож, с локоть длиной.

Ножи имеют право носить свободные люди, не рабы. А уж в лавках смертоносного оружия на полк хватит. Сабли, мечи, пики, копья, сулицы, щиты и шлемы, кольчуги и панцири, луки и арбалеты – от многообразия дух захватывает.

Однако Алексей чётко знал, что ему нужно. Больше всего времени он потратил на поиски кольчуги. Обычно она делалась по размеру, но это дело долгое, на несколько месяцев. Поэтому пришлось примерять готовые.

Только одна пришлась ему по фигуре. Кольчуга – не плащ или иная какая одежда, её не растянешь и не ушьёшь, она не должна стеснять свободу движений.

В выбранной кольчуге Алексею плетение понравилось, кольца все сварные – кропотливая работа. Он натянул кольчугу, присел, руками подвигал.

Кузнец, торгующий своим товаром, смотрел ревниво.

– Не волнуйся, товар надёжный, как для себя делал. Ежели с поддоспешником, любой удар выдержит.

Кольчугу Алексей купил, не торгуясь, хотя кузнец просил недешево. Хороший товар дешево стоить не будет, а кольчуга – не простой товар, ей ратник жизнь свою вручает.

Со шлемом было проще. Сел на голове, не болтается, не жмёт, не давит. Сзади бармица кольчужная, наносник поднимающийся.

Три рубля он отдал за шлем и кольчугу, целое состояние. За эти деньги деревеньку небольшую купить можно.

Алексей отнёс покупки на постоялый двор, чтобы руки не оттягивали, и снова вернулся на торг – саблю придирчиво выбирал. Сложное это дело. Смотришь на иную – сама в руки просится, а возьмёшь, взмахнёшь – нет, не твоя. Рукоять не по руке, баланс не тот. Другая

же и прикладиста, а качество стали на лезвии дрянное, такая в бою подвести может. И не о забубринах речь, сломаться у рукояти для такой – обычное дело.

Но подобрал он себе саблю и по руке, и по душе. Работой на испанскую похожа, хотя продавец клятвенно уверял, что арабская. А ножны для неё Алексей выбрал простые, не для красоты они. Это у князей и царедворцев ножны украшены серебром, всечкой золотой да камнями самоцветными. Такое больше для статуса владельца подходит.

Щит купил быстро – круглый, ясеневый, лёгкий. По краю окантовка железная, чтобы противник не разбил за несколько ударов.

И эти покупки он отнёс на постоянный двор.

Хозяин, увидев Алексея со щитом и саблей, улыбнулся:

– Ты не на войну часом собрался?

– Как придётся, – серьёзно ответил Алексей и снова направился на торг.

Коня выбрать – целая наука. Лучше брать двух-трёхлетку. Такой конь полон сил, может выдержать погоню и вынести хозяина из передряги.

Жеребцов смотреть Алексей не стал, больно уж своенравны они. Лучше выбрать мерина или кобылку. Кобылка даже лучше, понятливее, к владельцу привыкает быстрее.

Ну хуже цыгана Алексей осматривал зубы, ноги, выискивая дефекты. Десятка два перебрал, пока нашёл то, что искал. Кобыла-трёхлетка, поджарая, каурой масти. Что импонировало – хозяин не нахваливал, как другие, и на вопросы отвечал кратко да ёмко. Они ударили по рукам.

Недалеко, у шорников, Алексей купил для лошади потник, седло и сбрую. Купил также ржаного хлеба, угостил лошадь – ведь надо было завязывать дружбу.

Кобылка покосилась лиловым глазом, обнюхала хлеб и аккуратно взяла с ладони мягкими губами. Есть контакт!

Скормив хлеб, Алексей погладил лошадь по шее, а приведя на постоянный двор, завёл в денник. Дал слуге медяку, чтобы тот воды и овса ей задал. Отныне не только о своём брюхе думать надо.

К лошадям Алексею было не привыкать. Куда бы его ни забрасывала судьба – катафрактом в Византию, дружинником к Мономаху – всюду конь был верным другом и помощником.

Поужинав, Алексей поднялся в комнату и пересчитал оставшиеся деньги. Сегодняшние покупки не разорили его вконец, но удар по кошельку нанесли более чем ощутимый. Не будь покупок, на эти деньги можно было бы крепкий дом в Новгороде купить и год жить безбедно. А теперь хватит добраться до рязанских земель и полгода жить сносной, но без излишеств жизнью.

Да чёрт с ними, с деньгами! Семьи у него нет – как нет и дома, копить не на что. Впрочем, можно было бы стать купцом, купить лавку, торговать и приумножать капиталы. Только такая жизнь не для него. Он воин по натуре, по призванию, и другой жизни для себя не мыслит.

Всласть выспавшись, он позавтракал, оседлал лошадку и выехал. Полностью оделся ещё на постоялом дворе. Дорога дальняя, опасности могут подстергать на каждом шагу. А что толку от кольчуги, если она покоится в перемётной суме, а не на теле? Вспомнилась пословица: «Нож хорош для того, у кого он есть, и плох для того, у кого его нет».

Лошадь он не гнал – куда спешить? Давая ей возможность размяться, то голосом торопил слегка, то шагом пускал, давая отдых.

Часа в три пополудни пустил травку пощипать, водой напоил. На перекрёстке дорог на постоялом дворе пообедал, для кобылки краюху хлеба прикупил.

По пути по сторонам глазел. По виду полей сразу было видно, рачительному хозяину они принадлежат или лентяю. Где-то грядки с той же капустой или репой ухожены, а где-то

чертополохом заросли. Огромна Русь, да единого хозяина в ней нет, на княжества раздроблена.

Алексей уже проехал Великие Луки, Ржев, Вязьму. Держал он путь напрямую – на Переяславль-Рязанский. Это сейчас почти все дороги ведут через Москву, поскольку машины, поезда да самолёты сократили расстояния. А на лошадаках каждую версту приходилось выгадывать, особенно если с обозом.

Вот и Алексей наметил себе дорогу. Впереди Вязьма, Калуга, потом уж рязанские земли пойдут.

Утром он выехал с постоялого двора в хорошем настроении. Выспался, поел, лошадь отдохнула. Погода прохладная, ветерок бодрящий, но солнце светит – последние сухие осенние деньки. До грязи и хлябей непролазных он вполне к намеченной цели добраться успеет. Это обозникам кашевариться надо, а если дождь сильный пойдёт, да обозы увязнут – хоть бросай. А ему налегке да верхом не страшно.

Алексей запахнул поплотнее кафтан. К тяжести кольчуги и шлема он уже успел привыкнуть, благо навык в прошлом был, не забылся. Щит же на луке седла висел.

Неделя ещё, от силы дней десять, если он из-за непогоды задержится и в имение Кошкина прибудет. Только вот некий червячок сомнения всё равно подтачивал его душу. Как примет его вдова? Да и принадлежит ли ещё ей имение? Может, продала уже да избу купила в Переяславле? Вопросов много, ответов нет. Да и не главное это, ратники везде нужны – хоть великому князю Рязанскому, хоть боярам его. Не пропадёт он, тем более что небольшие деньги есть ещё пока.

Около полудня он услышал женский крик, внезапно оборвавшийся. И столько в нём безнадёги было, что сердце скребануло. Так кричат в беде, но когда помощи не ждут.

Алексей остановился, стал по сторонам смотреть, но дорога была пустынной. Вокруг – только небольшие поля с уже убранным урожаем.

Метрах в ста с небольшим овин стоял, похоже, оттуда крик донёсся.

Алексей повернул лошадаку и ударил в бока каблуками сапог. Плёткой он не пользовался – даже не имел её, лошадака разумной оказалась.

Пока лошадь рысью летела к овину, он проверил, легко ли сабля из ножен выходит – всяко может случиться.

Лошадь ещё остановиться не успела, как он спрыгнул и бросился к дверям овина, из глубины которого была отчётливо слышна возня.

Алексей распахнул деревянную дверь. Полусумрак – в овине окон нет, только через распахнутый дверной проём свет и льётся. На копне сена девушка лет семнадцати в разорванной одежде, на ней – мужик со спущенными портками тощим задом двигает. Второй, тоже явно селянин, у девчонки обе руки держит, за голову заломил.

Алексей выхватил саблю и плашмя ударил ею по голому заду. Сильно ударил, не жалея.

Насильник взвыл от неожиданности и боли, вскочил, запутался в спущенных ниже колена портках и упал.

Второй сразу понял – пахнет жареным, большими неприятностями. Он кинулся к двери, но Алексей успел подставить ему ногу, и мужик с размаху грохнулся об пол. Не давая ему подняться, Алексей стал его пинать, буквально перекатывая ногами по земле.

Первый, получивший по заду, успел подтянуть портки и бочком-бочком, вдоль стены направился к выходу.

Краем глаза Алексей заметил движение, прыгнул в сторону, приставил к шее саблю и упёрся её остриём в кадык мужика.

– Почто беспредел творите?

Однако мужик, чувствуя на шее остриё железа, боялся говорить.

Алексей давление ослабил:

– Будешь молчать – язык отрежу.

– Так приبلудная девка-то, ничья! Ты на харю её посмотри!

«Харями» на Руси называли раскрашенные лубочные маски, надевавшиеся на праздники вроде Масленицы или Ивана Купалы – больше празднества языческие. Потом «харей» стали называть лица страшноватые, обезображенные оспой или травмами.

Алексей повернулся к девушке. Разорванная в клочья понёва, сарафан и нательная рубаха не скрывали наготы. Фигура была просто восхитительная: полумячики груди, точёная талия, широкие бёдра. Но вот лицо! Левая его половина была в ужасных рубцах, какие бывают только после ожогов. Правая выглядела вполне симпатично.

– Насильничали? – спросил Алексей.

Дураку понятно, чем мужики занимались, но он хотел услышать подтверждение.

Девушка кивнула. Она уже села и, беззвучно плача, пыталась прикрыть наготу обрывками одежды.

За изнасилование на Руси полагалась суровая вира в доход князя и битьё батогами с вырыванием ноздрей.

– Снимай зипун! – приказал Алексей тому, кто держал девушку за руки. – Ей отдай. А ты, – это относилось к насильнику, – рубаху.

Оба попытались возмутиться – грабёж-де, но Алексей пнул насильника ногой в причинное место.

Второй, глядя на скорчившегося насильника, сразу снял зипун.

– Лохмотья свои сбрось, оденься! – приказал Алексей девушке.

Та надела широкую для неё рубаху, натянула зипун.

Алексей вложил саблю в ножны.

Мужики подумали, что наказаны уже, и приободрились, но возмездие только начиналось. Алексей избил обоих до полусмерти, ничуть не жалея. Быдло понимает только силу, слова до него не доходят; да и поздно уже их воспитывать.

Сбив кулаки в кровь, он устал и уселся на сено.

– Дяденька, не бил бы ты их больше, – попросила девушка.

– Жалко стало?

– Ты уедешь, а они на мне отыграются, – она опустила голову.

А ведь верно говорит. Ох, правы японцы, утверждающие, что если ты спас человека, то отвечаешь за него.

– Со мной поедешь! – сразу решил Алексей. – Вещи есть?

– Только то, что на мне было.

– Пойдём.

Выходя из овина, Алексей ещё раз пнул полубесчувственное тело.

Девушка в чужой одежде со стороны выглядела, как чучело. Но, по крайней мере, нагота её прикрыта, и не холодно.

Алексей вдел ногу в стремя и взлетел в седло.

Девушка стояла в недоумении. Лошадь одна, куда ей садиться?

Алексей протянул ей руку, она ухватилась за неё, и он рывком поднял её.

– Садись за мной, на круп.

Лошадь покосилась на девушку лиловым глазом.

Алексей же удивился, как мало девушка весит, пушинка просто. Да есть ли в ней хоть полсотни килограммов? Он легонько толкнул коня каблуками сапог, и лошадка послушно затрусила к полевой дороге.

– Ты кто такая?

– Марфой меня зовут. Сирота я, в приживалках была у дальней родни – они двор постоянный держат. За столом прислуживала. А как масло кипящее на лицо мне нечаянно попало,

сродственник выгнал. Сказал, что мне с такой рожей гостей только пугать. Так и попрошайничала. Где на пути милостыню просила, где с огородов репу и морковь тянула. Голод – не тётка, пирожка не даст.

– Досталось тебе.

– Хороших-то людей больше. Бывало, кусок хлеба подадут или зимой переночевать пустят. И ты вот попался, иначе они бы замордовали меня в овине.

– Из каких краёв будешь?

– Родня говорила – смоленская я. Только я родителей и отчего дома не помню.

От девушки попахивало. То ли её немытым телом, то ли рубахой и зипуном с чужого плеча, потом мужским. Отмыть её надо, одеть.

Так они добрались до небольшого села. Алексей направил коня к центру, где церковь высилась. Церковь в любом селе – центр. Там и торг быть должен, и постоянный двор. Торг, конечно, скромный.

Пока Марфа коня стерегла, Алексей купил ей нижнюю рубаху, понёву, сарафан, зипун женский. Что хорошо – по размеру подбирать ничего не надо. Поясом утянул, и все дела. И про обувь не забыл, поршни заячьи приобрёл.

Он завязал вещи в узел и попутно выяснил, где постоянный двор – он оказался за углом.

Слуга принял лошадь с поклоном.

– Расседлай, накорми-напои.

– Всё в лучшем виде сделаю, гость дорогой.

Сняв комнату, Алексей попросил хозяина натопить баньку. Девку отмыть надо было, да и самому помыться не помешает, уже десять дён в дороге, пропылился.

– Как знал, – рассыпался в любезностях хозяин, – готова банька. Как обозы к вечеру останавливаться станут, баньку завсегда просят. Так что идите.

Алексей узел с вещами в баню взял.

Разделись в предбаннике, и он сразу рубаху и зипун мужицкие во двор выкинул.

– Нечего им тут смердеть.

В деревнях, да и в городах тоже зачастую в банях мылись всей семьёй. Натопить баню, нагреть воды больших трудов стоит. И не зазорно было мужикам, парням, девкам и бабам вместе мыться. Это уж позже под влиянием церкви мужчины и женщины раздельно купаться стали.

Девушка, или, как было принято на Руси – девка, кинулась в мыльню, к горячей воде. Кусок хлеба-то перепал ей иногда, а вот с баней было хуже. Летом в ручье, речке обмыться можно, а в холодное время года?

Алексей в шайку деревянную, вроде высокого таза, воды навёл и из ковшика на девицу полил. Вода с её тела тёмная, грязная потекла. Потом она мочалкой со щёлоком яростно тёрлась, и её кожа на глазах белее становилась. Волосы трижды мыла, пока колтун на голове не разошёлся. Волосы длинные оказались, до поясницы. Посмотришь на неё со спины или с правого бока – красавица ладная, писаная, а вот с левого... Лучше и не глядеть.

Алексей собой занимался. Он тоже пропылился, пропотел. Горячая водичка, щёлок вместо мыла да мочалка – и кожа задышала, пальцем проведёшь – скрипит. И запах чистоты, никакой дезодорант такого не даст.

Девка на Алексея поглядывала, вроде как спросить чего-то хотела, да всё никак не решалась.

Попарились они в парной, в предбанник вышли – на столе квас в кувшине стоит. Испили по кружке – ох, пробирает! Не иначе – с ржаным хлебом и хреном.

Алексей развязал узел:

– Одевайся, твоё теперь.

Марфа руками всплеснула:

– Новое всё?

– Нет, с чучела огородного снял. Владей!

У девушки градом полились слёзы. Прижав нательную рубаху к лицу, она изо всех сил пыталась успокоиться. Спустя некоторое время сказала:

– Я ведь нового не носила никогда, всё время за хозяйкой донашивала. Не знаю, смогу ли когда-нибудь тебе отплатить?

Алексей лишь головой покачал. Это как же надо девку замордовать, забить, чтобы она простым вещам радовалась? Не шубу же соболью или сапожки сафьяновые он ей купил.

Помывшись, они сели за стол. Алексей заказал уху тройную, пироги с зайчатиной, кашу пшённую с тыквой. Себе – пива, ей – сыта сладкого.

Девчонка ела мало.

– Ты не стесняйся, – попытался приободрить её Алексей. – Кушать будем два раза в день, утром и вечером. Мне ехать ещё далеко, в рязанские земли.

– И я с тобой. На коврике у твоей постели спать буду, только не бросай.

В порыве отчаяния девушка едва не встала перед ним на колени прямо в трапезной, Алексей удержал. Люди вокруг, неудобно.

Марфа быстро насытилась. Алексей же ел не спеша, раздумывая, что с нею делать. Лошадь-то выдюжит, вес у девушки небольшой, но куда её потом девать? У самого дома нет. И бросать нельзя, он уже ответственность за неё чувствовал. Понятно, что весь мир не обогреешь, но одной живой душе помочь надо. Глядишь, зачтётся в другой жизни. Да и не в этом дело. Человеком быть хочется, чтобы чести порухи не было. Муж он, для слабых – стариков, женщин и детей – защитником быть обязан, потому как мужчиной родился.

Но сколько ни размышлял дальше Алексей, ничего придумать не мог. Решил отложить всё до Рязанщины. Вдовица Аглая не должна остаться равнодушной к судьбе этой девушки, почти ребёнка. Марфа производит впечатление совестливой, лиха хлебнула вдоволь. Такие и добро, и заботу ценят. Возьми её в служанки – не подведёт.

Они прошли в комнату. Кровать деревянная хоть и не узкая, но на одного рассчитана. Два номера брать – дорого выйдет, не одна ночь ещё впереди, а он на одежду для девушки потратился. Расходы были непредвиденными, и теперь каждая медная денга на счету.

Девчонка уселась на лавку.

Алексей разделся и откинул одеяло:

– Чего сидишь? Раздевайся – и в постель!

Марфа быстро разделась и нырнула под одеяло. Но Алексей, улёгшись рядом, повернулся к ней спиной. Был, конечно, соблазн. Рядом тело молодое, горячее, пахнет чистотой и ещё чем-то необъяснимым, чем женщины пахнут. Только понимал он, что обижать девушку нельзя. И так жизнь её со всех сторон била, много бед причинила.

Алексей поворочался, чувствуя, что девчонка тоже не спит, дышит неровно, ждёт, когда Алексей приставать начнёт, иначе для чего он её с собой положил? Но не дождалась. Сначала он уснул – захрапел даже, а потом и она.

Утром после завтрака продолжили путь. Алексей – уже по привычке – угостил лошадку краюхой ржаного хлеба с солью.

Так они и тряслись до рязанских земель. Ночевали на постоянных дворах, спали на одной кровати – но как брат с сестрой.

Когда земли рязанские пошли, Алексей дорогу к имению Кошкина выспросил и уже к вечеру добрался. Солнце к закату клониться стало, когда он остановился у знакомого мостика через речку. Сердце тревожно билось – как-то примет его Аглая? Не будет ли винить в смерти мужа? Сам-то жив остался, а вот помочь мужу выжить не сподобился.

Так он и стоял в раздумье перед мостиком, как перед Калиновым мостом через речку Смородину. Вздохнул тяжело.

Марфа, своим женским чутьём почувствовав его волнение, молчала.

Алексей остановил лошадь у ворот. С виду ни ворота, ни изба не изменились. Только вот оживлённый прежде двор был пустынным, холопов не было видно.

Он стащил Марфу с коня и постучал в ворота.

Из-за избы хозяйской, где был флигелёк прислуги, вышел старый знакомец Захарий. Уже добрый знак, хоть узнать кое-что о судьбе боярина можно. Только вот поседел слуга, хоть и времени прошло не так много.

Открыв калитку, Захарий несколько секунд молчал, потом проговорил:

– Не пойму я что-то... Вроде на Алексея похож, да только сгинул он...

– Я тот самый Алексей и есть. Рано ты меня похоронил, Захарий. Я с Аглаей поговорить хочу. Пустишь во двор?

– Да что же это я? – очнулся Захарий. – Проходи!

Слуга торопливо отпёр ворота.

Алексей, ведя в поводу лошадь, прошёл на передний двор. Следом шагала Марфа.

Захарий принял у Алексея лошадь.

Хлопнула дверь, и на крыльцо вышла Аглая, ничуть не изменившаяся, на взгляд Алексея.

– Гости к нам? Прошу в избу.

Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел мужчина.

Алексей остолбенел. Обмануться было невозможно: перед ним стоял сам, собственной персоной боярин Кошкин. Изменился, конечно, сильно: через висок и щеку грубый шрам пролёг от сабельного удара. Левый рукав рубахи подвязан, кисти не видно. Видимо, крепко боярину досталось – но жив!

Оба не сводили глаз друг с друга.

– Глазам своим не верю! Алексей, ты ли это?

– Я, боярин!

Боярин бросился с крыльца, хоть и не по чину было. По неписанным законам Алексей на крыльцо подняться должен был, поклон боярину отбить.

Обнялись крепко, да так и застыли.

– Вот уж не чаял тебя увидеть! Я думал, что все на заставе полегли.

– А я думал – ты убит. Меня ранило сильно. Да повезло мне, мимо рать московская шла. Обнаружили меня, с собой на подводу взяли, выходили. Вот, к тебе вернулся, как видишь.

– Радость у нас, Аглая! Сын боярский вернулся, почитай – с того света. Идём в дом, отпраздновать надо. Погоди, а это кто с тобой?

– Сам не пойму. Не служанка, не рабыня, не холопка. Знакомая.

– И ей место найдётся. Прошу в избу.

Видно было, что боярин искренне рад.

Слуги забежали, и с поварни запахло съестным.

– Захарий, принеси из погреба вина фряжского. Давно такой радости не было! Молодец, Алексей, не забыл Кошкина! И у москвичей не остался, потому я вдвойне рад.

Они сели трапезничать. Гостей не ждали, но стол был обильным. Курочка жареная, караси в сметане, капуста квашеная, яблоки мочёные, орехи в меду, сырники духом сытным исходили. Вина хозяин налил в кружки, женщин не обойдя.

– За встречу! Оба не чаяли, что живыми встретимся, однако Господь сподобил.

Выпили, отдали должное яствам на столе. Алексей и Марфа ещё утром ели, голодными были. Только насытиться им Кошкин не дал:

– Не томи! Обскажи обстоятельно, где был, что повидал?

И Алексей подробно рассказал, как он вернулся к заставе и нашёл там тела мёртвых своих товарищей, рязанских ратников, и троих ногайцев.

– Не послушал я тогда тебя – насчёт старика-то! Опоил он нас какой-то дрянью, вот и поплатились. Грех на мне тяжкий за убитых дружинников, – перебил Алексея Кошкин, и по щекам его потекли слёзы. Он смахнул их рукавом. – Прости, расчувствовался я. Продолжай.

Обе женщины слушали повествование Алексея, раскрыв от изумления рты. А он рассказывал о походе москвичей на Булгар и о том, что в Новгород ушёл.

– А чего же не ко мне? – вскинулся Кошкин.

– Эх, боярин! Я же полагал, что ты убит!

– Понимаю. А меня едва живым наши порубежники нашли, весь в крови был, – Кошкин показал на шрам на лице. – И левой руки ниже локтя нет, – боярин поднял левое предплечье, показав пустой рукав. – Как кровью не истёк – загадка. Наши убитых на подводы складывать стали, а я застонал. Вот так и получилось, что в братской могиле не упокоили.

– Тоже повезло. Зато я всех обидчиков убил.

– Славно! Давай за то кубки поднимем!

Они сидели до полуночи, уговорили изрядный кувшин вина, доели закуски. Слуги без вопросов Алексея с Марфой спать вместе уложили.

Утром Алексей проснулся от стука в окно. Кое-как открыв глаза, какое-то время не мог понять – где это он? В голове долбит у него, или на самом деле кто-то в окно стучит?

Обведя взглядом комнату, он увидел за оконной слюдой ворона, и сон как рукой сняло. Поднялся, распахнул створки, и в спальню ворвался свежий воздух. Осень!

Ворон каркнул, причём негромко, даже деликатно как-то.

– Заходи, коли прилетел! – пригласил его Алексей.

Ворон перепрыгнул на подоконник внутрь комнаты. Неужели это тот самый ворон? И как только он его нашёл? Ведь он же пропал во время морского боя и не показывался больше.

Алексей натянул портки и прошлёпал босыми ногами в поварню, где хлопотала кухарка.

– Доброго утра. Кусочек пирога найдётся?

– День уже. Завтракать скоро будем, боярин распорядился стол накрывать.

– Да мне немного надо. Пирога кусочек прошу, или просто горсть зерна.

У кухарки едва глаза на лоб от удивления не полезли. Однако туесок с зерном Алексею дала:

– Отсыпь, сколь надо.

Алексей зачерпнул пригоршню зерна, вернулся в комнату и высыпал зерно на стол.

Ворон накинулся на угощение, видимо – голоден был. Конечно, поля убраны, пшеница и рожь в закромах уже, птице подкормиться нечем. Правда, ворон клювом долбил по столу изрядно, и от этих звуков проснулась Марфа. Она с удивлением глядела на большую чёрную птицу, клюющую со стола зерно:

– Алексей, чего этот ворон у нас делает? – шёпотом спросила она.

– Ест, не видишь, что ли? Друг это мой.

– А, приручил? Понятно!

Ворон, услышав разговор, перестал клевать и уставился на девушку.

– Ой, боюсь я его, колдовская птица!

– Он мне помогает, выручил раз крепко. Одевайся, в порядок себя приводи, завтракать будем.

На завтрак была гречневая каша с мясом, яичница, копчёная белорыбица, ну и сыто сладкое.

После завтрака, когда холопы убрали со стола, Кошкин завёл разговор:

– Полагаю, ты не просто так вернулся, чтобы меня проведать?

– Прав ты, боярин.

– Конь у тебя справный, кольчуга, при оружии ты. Всё не нашей выделки, и так думаю, что больших денег это всё стоит.

– И опять в точку. Немецкое железо, в Великом Новгороде купил.

– Никак – клад нашёл? – усмехнулся боярин.

– Кабы так... С ушкуйниками ходил, набегом на шведов да саамов.

– Так с ними, как я прослышал, мир вроде подписывали?

– Выходит, свободным людям новгородским договор не указ. Только честно скажу тебе, боярин, не по мне это. Трофеи богатые взяли, риску много. С двумя кораблями шведскими на обратном пути биться пришлось.

– Неужели сдюжили?

– Ну да. Видишь, я здесь, перед тобой, а они рыб кормят.

– Лихо!

– Разбой это, дело пустое, только мошну набить. Славы не добудешь, а для чести урон. Кабы князю, Отчизне послужил... Не всё в этом мире деньгами измерить можно.

– Так ты послужить хочешь?

– А иначе зачем бы я всю свою долю, что саблей добыл, на оружие и снаряжение потратил? Можно было избу в Новгороде или Пскове купить да жить припеваючи.

– Хм, слышу я слова не мальчика, но мужа достойного. Захарий!

Явился слуга.

– Разговор у нас серьёзный. Принеси-ка вина!

Когда на столе появился кувшин с вином и две кружки, боярин слугу отпустил, а вино сам разлил – в знак уважения к собеседнику. Так делают при разговоре с равным, иначе бы слуга разливал.

Алексей этот жест оценил.

На Руси были традиции, жёсткие нормы поведения. Например, если гость в имение приехал равный по чину хозяину, хозяину полагалось спуститься с крыльца и встречать гостя на середине двора. Князя или столбового боярина положено было приветить у ворот, а человека служилого или боярина худородного – и вовсе стоя на крыльце.

– Не ошибся я в тебе, Алексей, есть в тебе стержень! Давай выпьем за мужей славных. И за тех, кто жив, как мы с тобой, и за тех, кто голову сложил за Отчизну.

Они выпили до дна и закусили.

– Теперь давай о тебе поговорим. Будешь у меня служить?

– За тем и вернулся.

– Похвально! Условия прежние. Хочешь, выселки себе бери на пропитание, хочешь – в имении живи. Я-то к ратной службе не годен уже, а двоих ратников каждый год выставлять должен.

– А второй кто?

– Второго нет пока. А что за девица с тобой? Сама пригожая, ладная, а лицо... – Боярин сокрушённо покачал головой.

– Никто она мне, сироту подобрал. Просить тебя хочу – возьми её в прислуги, за крышу да пропитание служить будет.

– Так спишь ты вроде с ней? Поллюбовница?

– Не поверишь – как брат и сестра. Постель одна, это верно. Не было денег на ещё одну комнату в постоялых дворах. Но не прелюбодействовал я с ней, не было этого.

– Надо же... А по твоему виду не скажешь, что святоша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.